

ОХОТНИКИ

ГОРЕЛЫХ ЗЕМЕЛЬ 2

EAGLE
2015

Что ж, Джаспер обзавелся новеньким телом. С иголочки, так сказать. Попутно наш котик неслабо прокачался в магическом плане. Так что, проблемы решены? Как и всегда, отнюдь. Нелегкая победа над мотыльком и ордой цвергов принесла охотникам самую страшную кару — пропуск в высшее общество. Там свет изысканных люстр, лучшая еда и вино, аристократы, ученые, главы наемничьих отрядов. Но везде, где есть свет, есть и мрачные, полные мрака и паутины заговоров кулуары. Как же поступят с привалившим "счастьем" Джаспер и Лира? И почему Ранф снова вернулся в Княжества?

Охотники Горелых земель 2

Глава 1. Тело, имя и скандал

— Джаспер, ты в норме? — спросила у меня Лира. Глазки девушки были на мокром месте.

— Да, я в норме, — сказал я полуправду.

В целом я и вправду был в норме. Хороший такой паренек. Человек. Смазливое личико, копна густых, вьющихся черных волос, доходящих до угла челюсти, и мои голубые глаза. Но на этом хорошие новости заканчивались.

Мой хвост был полностью лысым, без кисточки. Это как бы не очень хорошо, так как считается плохим знаком, но на фоне остального это тоже смотрелось как достоинство. Также преимуществом был слух и нюх — кошачьей остроты этих чувств я не потерял.

Основная проблема была в двух моментах. Первый момент: мой рост, конечно, не описывался «метр с кепкой в прыжке со стула», но лишь тем, что мне не нужен был стул. Лира и так была не самой высокой девушкой под Солнцем и Лунами, а я дотягивался до нее макушкой лишь на уровень рта. Я прискорбно низенький парень. Второй момент был в артефактах.

Есть строго научное определение слова «артефакт». Насколько я помню, это технологические ошибки, мешающие верному восприятию исследуемого. Вроде случайно продавленной дырочки на перфокарте — маленькая дырочка, а вся формула идет лесом. Вот и я был снабжен чудесными артефактами. У меня не было обычных человеческих ушей, но на макушке росли большие кошачьи уши. Дыа. Я охренел, как в первый раз увидел. Вполне функциональные — могу слушать, могу поворачивать, могу дергать. Во-вторых, у меня были удлиненные клыки. Это не было большой проблемой, потому что старое строение челюсти я утратил, и теперь у меня имелись щеки, но факт остается фактом. Улыбка формата «во все тридцать два» выглядела устрашающе.

А вот одна из самых главных и одновременно мелких проблем заключалась в том, что Кот никуда не делся. Он стал гораздо тише, и игнорировать его было не труднее, чем очередную пчелу, жужжащую в углу комнаты. Но факт остается фактом. Как и Кот, который тоже остается. С другой стороны, я даже рад — Кот, конечно, бывает тем еще шилом, но я к нему уже привык.

Так что да, я посмотрелся в зеркало, подергал ушами, сел, вышел из ахрена и констатировал неприятный факт, спасибо моим воспоминаниям про восточные мультики моего мира. Я стал кошкомальчиком. Причем не брутальным накачанным воином с ушками, а низким, худеньким глазастым кошкомальчиком. Хорошо, что живот от крылышек не лез.

Лира восприняла мою трансформацию как личное поражение и крах своей карьеры. Она метнулась в библиотеку, перерыла пару фолиантов и начала рвать волосы на голове.

Она хотела сделать мне сюрприз. Этому мог помешать ингредиент в виде моей крови, желательно свежей. А вдруг я догадаюсь? Поэтому Лира, пока я был в отключке после битвы с Цвергами, содрала с меня пару кровавых корочек и собрала их в флакончик. Кровь? Кровь.

Оказалось, что «желательно» — это скорее не пожелание, а точная рецептура. Из-за каких-то там мистических взаимодействий даже в моей человеческой форме у меня оставались более чем явные признаки кота.

И с этим нам двоим придется как-то жить, пока Лира не раздобудет еще один глаз мотылька — а все глаза с нашей добычи она успешно продала. Как Лира, хлюпая носом,

объяснила, это был ценнейший ингредиент, так что на возможность покупки вряд ли можно было рассчитывать.

— Лира?

— Угу...

— Не расстраивайся. Снимешь с меня это проклятье и положишь новое. Пока похожу так. Все лучше, тем везде щеголять почти голышом. Не расстраивайся, слышишь?

— У-у-у... — девушка тихо заплакала.

Я вздохнул, неуверенно встал с кресла, подошел к Лире, сидящей на диване, приткнулся рядом и приобнял девушку. Неловко выглядело, учитывая, что я еще не в полной мере владел телом и что я был замотан в одно покрывало. Тем не менее, девушка уткнулась мне в плечо и беззвучно плакала.

Обидно. Ей пришлось нормально так наклониться, чтобы уткнуться мне в плечо.

— Лира, ты одна сделала эликсир, на который уходит пара месяцев работы в лабораториях с огромным финансированием. Кроме того, пусть у тебя и дар к зельеварению, все может получиться не с первого раза. Лир, ну не отчаивайся ты. Я же не умру от пары кошачьих ушек. Ну подумаешь, буду ходить в берете, — тихо вздохнул я.

— Ну я же тебя подвела!

— Лира. Я хожу на двух ногах, имею две руки, хвост, могу пыхать огнем и есть жареную рыбку. Весь функционал сохранен. Я же не превратился в двухметрового лысого кота, так что все нормально. Говоря откровенно, сильнее всего меня волнует рост. И все.

Лира отстранилась и заглянула мне в лицо. Сверху вниз, у-у-у, проклятые донные духи.

— Джас, тебя правда все устраивает?

— Врать не буду, не до конца. Особенно рост. Но я теперь нормальный член общества. Человечек. Так что все будет путем.

— Я тебе обещаю купить или приготовить нормальный эликсир оборотня, — серьезно ответила ведьмочка.

— Ну а я, как всегда, помогу тебе в этом, — улыбнулся я.

— Ладно, — Лира утерла глаза платочком и пару раз хлопнула себя по щекам. — Надо придумать, как нам выйти тебе за одеждой. Также тебе понадобится как минимум револьвер. Думаю, заселим тебя в комнату на втором этаже, ближе к моей...

Я открыл рот и тут же закрыл, проглотив вопрос. Действительно, спать с Лирой уже неловко. Повелители дна, а я уже успел привыкнуть.

— Лира, ты не видела тут перфо... О. Великие. Духи, — медленно произнесла Гиз входя в комнату.

Воцарилась немая сцена. По мере того, как Гиз оценивала мой внешний вид, у нее на лице вырастала тупейшая на свете ухмылка. По мере того, как вырастала ее ухмылка, мое настроение портилось.

Наконец, Гиз шумно выдохнула и, взяв себя в руки, убрала улыбку.

— Все, я не буду смеяться. Извините. Просто ты так необычно выглядишь, Джас.

И тут мы совершили ошибку. Мы с Лирой одновременно встали, чуток отстраняясь друг от друга во внезапно нахлынувшем потоке неловкости.

Гиз смерила глазами сначала меня, потом Лиру, а потом ее согнуло от хохота. Я, закипая, смотрел, как ее плющит.

— Пра-ха-ха-хастите-ха! Джаха-ха-хаспер! Полторашка?

— Лира, я могу рассчитывать на долю от проданного мотылька?

— Без проблем.

— За луну покупаю у тебя имя Гиз.

Гиз моментально заткнулась и с ужасом посмотрела, как Лира шепчет мне что-то на ухо.

— Лира, что ты наделала... — прошептала волшебница.

Я же тихо, сдержанно прыснул. Волшебница побагровела.

— А твое имя неплохо подходит к этому поместью...

— Только-посмей-я-тебя-в-хлам-измолочу!!!

Я закрыл рот и сжал губы. Чтобы не проржаться. Тихо, Джаспер, тихо. Ты не хочешь ржать...

— Ладно-ладно, П-Гиз, — чуть не оговорился я. — Я выше тебя и дразнить тебя не буду...

Гиз снова прыснула от смеха. Это вот она зря. Мы, сфинксы, злопамятные...

— Что ж, я пойду, — я подобрал свои одежды и величественно покинул комнату, — пойду обжигаться в своей комнате. Лира, Пчелиния, хорошего дня.

И я с позорно высокой скоростью метнулся к лестнице. Вовремя — в стену ударился ботинок, причем с такой силой, что попадали все картины.

— Я УБЬЮ ТЕБЯ, УРОД!!! — услышал я уже на полпути к комнате. В свою новую я уж не успевал, поэтому я ворвался в комнату Леры, захлопнул дверь и повернул замок. Не знаю, зачем девушке тут цепочка, но я поставил дверь и на нее.

Дверь внезапно содрогнулась от страшного удара. Все затихло.

— Джа-а-аспер... — послышался елейный голосок волшебницы. — Если ты выйдешь прямо сейчас, я не стану тебя бить. Обещаю.

— Ну да, ну да. Уже метнулся. Я, между прочим, вижу, как ты скрестила пальцы на руке. Спасибо теплозрению.

Дверь еще раз содрогнулась. Я с ужасом смотрел на появившуюся в дубовой древесине трещину.

— Джаспер, память стирать совсем не больно. Я клянусь, что подчищу только последние полчаса. Давай, будь хорошим котиком и открывай дверь.

— Тетенька, я слишком низкий. Никак не могу открыть замочек. Он такой тугой для моих крошечных, слабых ручек...

— Выходи. — голос Гиз стал более серьезным.

— Очкую, — честно признался я, — Выйду к вечеру.

— Отлично, — обрадовалась волшебница. — Как раз подготовлю аппаратуру стирателя памяти.

— Ы-ы-ы, — глубокомысленно изрек я.

— Джаспер, мы с тобой были соратниками, — проворчала Гиз. — Ты же кот, а не крыса. А я Гиз. Это низко с твоей стороны.

Я скрежетнул зубами.

— Ничего, Пчелиния, ничего. Не я первый предал наш союз.

В дверь начали ломиться.

— УРОД!!! Я ЛИЧНО СКОРМЛЮ ТВОЕ ТЕЛО ЛАЙУН!!!

— Тэкс... — я уже открыл окно и с сомнением смотрел на такую далекую землю. — Экстренная эвакуация?

Я взглянул на дверь. От очередного удара трещина в двери расширилась.

— Определенно эвакуация, — констатировал я, выпрыгивая в окно.

Приземлился я тяжело, покотившись по земле. Откуда ни возьмись вылетела Лира, подхватила меня и потащила в сторону ворот в поместье.

— Лира, Лира, чего за дела? Я точно пойду туда в таком виде? — я подергал покрывало.

— Я захватила тебе рубашку и брюки. Эдвин их забыл, когда съезжал. И что мне, что тебе сейчас опасно оставаться в поместье. Так что мы с тобой идем на шоппинг. Подкупим тебе одежды, выберем револьвер получше...

— Джаспер! — послышался крик из поместья. — Где ты, засранец?!

— Ох, Лира, мне уже не терпится выбрать себе побольше рубашек, брюк, туфель. А в оружейном мы вообще проведем часа два. Давно хотел на шоппинг.

— Джаспер! Я ведь найду тебя, куда бы ты не спрятался!

— О да, милый Джас, — с серьезным видом кивнула девушка, запирая калитку. — Придется нам и поужинать в городе. Это будет долгий день...

Глава 2. Короткий путь и самоубийцы

Мы с Лирой до самого вечера гуляли по Санго.

Мы зашли в десяток магазинов, и купили мне целую гору вещей — рубашек, брюк и жилеток. После первого же магазина я щеголял в кроваво-алой рубашке и темных блестящих брюках, а до уровня колен свешивались подтяжки. Да, такая мода — купить брюки впору, купить подтяжки, закрепить их, и оставить свободно свешенными, чтобы они мешались хвосту. Мне не очень нравилось, но, тем не менее, совсем уж игнорировать моду нельзя. Кроме того, я обману абсолютно всех, если заявлю, что обретение тела не вскружило мне голову.

Естественно, на моей голове красовался объемный серый берет, который мне даже очень шел. Ухи успешно скрыты!

Потом мы с Лирой зашли в универсальный магазин, откуда вышли с пакетом всяких-разных расчесок, заколок, зубных щеток, коробок зубного же порошка и прочего, прочего, прочего.

Примерно на этом моменте я ощутил, как внутри меня та мистическая пружина начинает медленно распрямляться. Меня это не встревожило, а зря.

Дальше мы с ведьмой зашли в оружейный магазин, где подобрали мне добротную куртку, охотничьи брюки и револьвер. Я тек слюнями по длиннствольному "Ясеню", но из-за моих действительно каких-то слишком аккуратных, если не сказать, детских ручек, пришлось довольствоваться обычным "Ольгердом". В принципе, я подумал и жаловаться не стал. По крайней мере, мне не должно вышибить зубы отдачей.

Потом мы с девушкой перекусили в кафе, снова полюбовались выступлением уличных артистов-волшебников, и направились в обратный путь.

По пути я смог выпросить у Лиры часть моей доли, и, забежав в магазин, я купил девушке букет из алоглава. Когда я вручил его девушке, та очень мило зарделась.

Она оценила как подарок, так и его практическую сторону — из высушенного алоглава можно сделать прекрасное лёгкое болеутоляющее.

Наш вояж занял неполные семь часов, и под конец я уже был вымотан.

Когда мы уже подходили к поместью, и нам оставалось ещё шагов триста, пружина внутри меня распрямилась. Мир мигнул, и я оказался в тесноте, сдавливаемый со всех сторон, задыхающийся.

— Лира, где я?! — хрипел я.

Наконец, кто-то большой и сильный освободил меня от тесного плена. Я проморгался, осмотрелся и взвыл.

Я снова котик! А плен оказался одеждой, похороненной в пыли под ворохом бумажных пакетов.

— Да, я читала и об этом. Думала, обойдется, — тяжело вздохнула Лира, прижимая меня к себе.

— Что обойдется?

— Зелье несовершенно, и твоя матрица остаётся во многом кошачьей. Поэтому твой дух постепенно возвращает телу привычный облик.

— Чего?!

— Тебе ещё повезло. У некоторых неудачных экспериментов было вообще по часу или

меньше. У тебя, видимо, целых семь.

— Лира, в сутках двадцать два часа! — возопил я.

— Ну, надо просто дождаться следующего мотылька. Или поискать на черном рынке глаза. И снова подождать пять месяцев, пока глаз не растворится.

— А-а-а!!! — схватился я за голову и тотчас зашипел — оцарапался.

— Тебе ещё легко, Джас, — повторно вздохнула Лира, отпустила меня, вытащила из сумки баночку с успокоительным и проглотила пилюлю. — А мне вот теперь это тащить, — девушка обвела рукой ворох пакетов.

Мы вошли домой. С кухни доносился ароматнейший запах жаркого со свининой. Кашеварила Гиз.

Когда мы зашли, она смерила меня печальным взглядом и вздохнула.

— Ты жопа, — аристократически оскорбила меня она.

— Ты тоже, — остроумно подколот я ее.

— Предлагаю забыть это утро. Я снова Гиз, а ты ничуть не низкий кот.

Я скрипнул зубами, но все же согласился. Вот стерва, все же немного, вскользь, но прошлась по самолюбию.

Но за вкуснейшим, сочным жарким со специями городов Совиноного моря спор был забыт. Наверное, так думала Гиз, потому как я, может, и простил, но не забыл. Хе-хе.

День закончился весьма спокойно — Лира достала из какого-то шкафа ключ и отперла комнату, раньше бывшую закрытой. Комната как комната: шкаф, комод с зеркалом, узкий письменный столик, стул и кровать. Подушка и одеяло лежали в шкафу. Все поверхности в комнате покрывал неслабый слой пыли. Мы с ведьмочкой (точнее ведьмочка, а я рядом суетился) занесла мои вещи в мою комнату, застелила кровать (зачем, любопытно, так как спать я буду в виде кота, чтобы не терять драгоценные часы), положила ключ на столик и, пожелав спокойной ночи, вышла.

Я лег на одеяло, укрылся оставленным пледом и, нонсенс, начал ворочаться. Лечь на живот? Не то. На бочок и свернуться? Не то. Растянуться на спине? Тоже, духи Дна, не то. В конце концов я забил на все это и поплелся к Лире. Сумел аккуратно забраться ей в ноги и не разбудить.

Ночью меня пару раз пнули, но после цвергов это казалось легкой щекоткой.

На следующий день, сразу после завтрака, Лира заставила меня перекинуться. Она ничего не сказала по поводу того, что я снова спал с ней, но смерила меня *очень* странным взглядом. После этого мы втроем (плюс Дамиан) направились в управление охотников. Там мы перерегистрировали одинокую охотницу Лиру в Группу номер сто двадцать — сорок четыре. В составе группы были: ваш покорный слуга, который не стал мудрствовать лукаво и представился Джаспером, естественно, Лира и наш новый сосед Дамиан.

О соседе можно и сказать пару слов. Сосед он был мой постольку-поскольку: жил ровно на этаж выше. Характер имел нордический, стойкий, всегда выглядел расслабленно-спокойным. Его можно было понять — молодой роккулу способен, не сильно напрягаясь, закрутить галгару в бараний рог. По вечерам Дамиан обычно или медитировал, оккупировав мою ямку с песком, где я тренировался проводить все больше и больше Мощи, или упражнялся в стрельбе на заднем дворе, или уходил гулять, туманно поясняя «иду в реку».

В общем, вроде и нормальный, а вроде и мутный какой-то. Возможно, мой легкий флер

антипатии проявлялся именно в контрасте с общительным, оптимистичным Эдвином. Эх, как же я скучаю по моему первому другу в этом мире... Как он там хоть...

Дальше мы взяли путь в оружейный магазин — сегодня Лира прихватила с собой винтовку. Девушка собиралась присмотреть новый, более прочный ствол, а так же пополнить запас патронов, и прикупить патроны и мне, а то вчера как-то не удосужились.

На полпути Дамиан сказал, что знает более короткий путь, и повел нас дворами. По моим прикидкам, хотя я еще не очень хорошо ориентировался в Санго, мы должны были сэкономить почти двадцать минут пути.

Мы вошли в очередную узкую улочку Санго — черепица нависших домов скрывает небо, узкие крашеные двери, пустынные мертвые окна. Хотя вокруг и центр, казалось, тут никто не живет.

Все случилось резко. Спереди нам путь преградили трое парней с до боли знакомыми голубыми прядками в волосах. На этот раз луки они где-то забыли. В руках блеснули ножи.

Я обернулся. Сзади двое, и та же ситуация. Снова полуобернулся, и успел заметить, как из одного окна выпрыгивают еще двое наемников Холодных сердец. Это были наши старые знакомые, которых мы повстречали в первый же день нахождения в Санго — Оспа и Шрам. Ни капли не изменились, чертяки.

Я сразу же начал прогрев. Краем глаза заметил, что кожа Дамиана приобрела уж совсем нездоровый серый цвет. «Как шкура акулы» — поморщился Кот.

В мою спину уткнулся ствол револьвера. Сталь неприятно холодила сквозь не самую толстую рубашку. Скосив глаза, я увидел, что Дамиана и Лиру тоже взяли на прицел.

— Здрас-с-сь! — прошипел Оспа. На этот раз даже не пьяный. — Долго же мы тебя выслеживали, красотка. На этот раз не отвертисься.

— Мы вам не мешаем? — поинтересовался я, довольно быстро не то что бы закипающий от злости. Тут больше бы подошло слово «звереющий».

— Будешь вякать — пустим в расход! — шикнул Шрам.

— Так вот, — встрял Оспа. — Не захотела показывать свои красоты трем воинам, что ж, придется показать семерым. И, пожалуй, нежными мы не будем.

— Я, вообще-то, ведьма, — подала голос Лира. Ого, а она явно напугана.

— И чо? — хохотнул Шрам. — Поперек, что ли?

Мир мигнул. Вот все стояли, и вот Оспа лежит у стенки, запятнав ее кровью из расшибленного затылка, Шрам лежит на земле, я вжимаю свой револьвер ему под челюсть, его же револьвер чувствительно давил мне на ребра. Лира достала из ножен свой кинжал. Вижу нехороший огонек в глазах. Видел пару раз такой — сейчас кому-то будет очень плохо. Дамиан стоял ко мне спиной; из ритуальных бугристых шрамов торчали тонкие иглы, будто вершинки плавников хищных рыб.

— Повтори еще раз, что ты сказал, — я мотнул Шрамом в воздухе. Он явно не ожидал такой силы от полторашки, как, например, я, так что его прицел сбился и поплыл за пределы моего тела. Согнув хвост, я неплотно обвил его запястье и отвел револьвер в сторону очухавшегося Оспы.

— Я сказал, а не попе... — очевидно, Шрам счел себя бессмертным.

Договорить он не успел — я с размаху ударил его лбом в лицо. Шрам охнул.

— Какая злобная коротышка, — сказал какой-то самоубийца из толпы.

Чуть не взорвавшись от ярости (а вот пламенем пыхнув), я поднял оружие и за пару мгновений высадил весь барабан в толпу. Один завалился навзничь, другой сполз по стене,

выронив нож и держась за плечо, третий сел на задницу, прижимая ладонь к животу.

Ли́ра выставила в сторону Оспы какую-то толстую палку, извлеченную из сумки. Наемника пронзила ветвистая голубая молния. Он дернулся и завалился набок, испуская клубы дыма. Дамиан рванулся к замыкающим. Ли́ра метнула что-то волшебное в недобитков.

Внезапно Шрам с силой двинул мне коленом под дых. У меня перехватило дыхание, хватка ослабла.

Каким-то сверхъестественным образом вьюжник вывернулся из-под меня и двинул мне кулаком в скулу. Успел вскочить, собака драная. Я навел на него револьвер и только всухую щелкнул курком. Шрам же рывком выдернул руку из моего хвостового захвата и навел револьвер на меня, но сделать ничего не успел.

Разогретый я моментально докрасна раскалил рукоятку, и вьюжник с матом выронил ствол. Я бросился на него, вцепился, снова повалил на пол, полуосознанно активировал гару «коготь» и наотмашь полоснул его по лицу. Шрам взвыл.

На момент солнце погасло. Я отвлекся — это Дамиан кинул одного наемника через весь переулок. То есть, метров на двадцать. Силен, акулка.

По-змеиному быстрым движением Шрам выхватил нож и всадил мне его в предплечье. Зашипев по-кошачьи, я по костяшки всадил пальцы ему в живот. Четыре-один, мразь.

Внезапно подлетел Дамиан. Выглядел он ужасно — угольно-черные глаза, синевато-серая кожа, какие-то микрокапюшончики из кожи на шее, удлиненные пальцы с перепонками и короткими, но бритвенно-острыми когтями.

Без всякого труда роккулу выхватил Шрама у меня из захвата и так приложил его об стену, что та пошла трещинами. Шрам издал придушенный звук, изо рта хлынула кровь. Дальше Дамиан просто выпустил вьюжника из рук, тот, обессиленный, упал на землю и чувствительно приложился об нее дважды шрамированной мордой. Чудак на букву «м».

Совсем рядом раздался свист полицейского свистка. Вот же великие Донные Духи!!!

Интерлюдия. Эдвин

В подпольном баре играл оркестр. Не на пределе громкости, конечно, но достаточно сильно, чтобы причинять соседям неудовольствие. Наверняка музыка хорошо раздавалась в ржавых трубах заброшенного заводика, в подвале которого и был расположен бар.

"Точнее, звук причинял бы беспокойство, если бы соседи были." — подумал Эд.

Бар располагался на окраине трущоб, и ближайшие лачуги не были заселены, а если и были, то недолго. Эдвин чувствовал там вибрации пролитой крови, как старой, так и свежей.

Оркестр играл что-то веселое. Пиво, как ячменное, так и грибное, лилось рекой. Отдельные эстеты заказывали вино или кактусовую водку из Сальгедара. Наметанный глаз "Клыка" подметил троих людей, приткнувшихся по углам зала — явно в наркотическом сне.

Сонитист пробирался сквозь неплотную толпу. Путь его лежал к двери в коридор. Насколько он знал, в этот коридор открываются двери особых комнат, в которых сидят особые люди. У Эдвина было дело к самым особым из этих особых людей.

Музыкант на флейте взял такую фальшивую ноту, что его вполне могли бы арестовать за подделку нот. Эдвин поморщился, а Девятая заворочалась.

"Тише, пока не время." — успокоил ее сонитист.

Около двери в коридор стоял амбал, а рядом, незаметный на его фоне, притулился маленький человечек. Опытный "Клык" сразу заметил обрезанный дробовик в кобуре под кафтаном амбала и коротконосый, смертельный на близких дистанциях, револьвер "Отелло" у человечка.

— Мне к Антонию, — крикнул Эд, перебивая бешеное фортепьянное соло.

— А вам назначено, анди? — невзначай поинтересовался недоросток, вынимая из кармана мятый блокнот из серой дешёвой бумаги.

— Анвин Лоуз, — представился Эд. — Сонитист, частный сыщик.

— А, да, тут есть такой. Пропусти его, — толкнул человечек здоровяка, оперевшегося прямо на дверь. Тот рыкнул, но посторонился.

— Комнаты звуконепроницаемые, но внутри есть маготронные датчики порохового дыма и крови. Так что не вздумай глупить, — погрозил пальцем Эдвину недоросток.

Сонитист моментально вскипел. Он не терпел, когда ему так свысока указывают. Девятая поддержала его, посылая раздражающую вибрацию к основанию черепа.

Эдвин выдохнул, выпуская злость. Концентрация, полный контроль. Пока рано выпускать Девятую.

Геау-ти жалобно пискнула струнами. Ее с самого начала нервировало соседство с Девятой. Эдвин надеялся побыстрее найти Костер, с ним и Девятую будет проще контролировать, и Геау-ти можно продать. Муза из нее отличная, но вообще не подходила сонитисту ни под одну из его специализаций.

Когда сонитист прошел через косяк, в спину ему донеслось напутствие:

— Пятая дверь справа. И не глупи, помнишь? Отомстить можешь, если есть за что, но живым не уйдешь.

Эдвин подумал, а может, все же, превратить его в фарш? Ну, может, когда будет уходить.

Без труда найдя некрашеную дверь (хотя они тут все были некрашеные), волшебник вошёл в комнату.

Сразу же потормошил Девятую.

"Оцени стены, найди датчики," — громко подумал он. Возникло краткое чувство пустоты.

Все это не заняло и мгновения.

Эд сразу же сконцентрировался на присутствующих. Три человека, все довольно разные, сидят за низким столиком на креслах, четвертое пустует. Кресла мягкие, сразу вскочить не получится. На столике кальян и два фарфоровых кувшина с пивом, один с грибным. Внутренне Эд поморщился.

Первый, сидящий напротив входа, был телохранителем Антония — на это указывало плотное телосложение и скромный, недорогой костюм, а также лежащий на столе заряженный револьвер. Положен умело — хороший градус наклона рукояти, взять можно почти моментально. На лице не было этой порочной печати интеллекта, что, собственно, телохранителю только к лицу. Такие люди, как Антоний, наверняка часто их меняют.

Второй был замом, или правой рукой, или чем-то в этом духе. Расшитый бисером кроваво-красный кафтан, потное красное лицо, точащее из кармана письмо. Пьян в три жопы, как говаривал Инструктор.

А вот третий, вполоборота к входящему, и был Антонием. Одет в сине-белый кунтуш. Длинные, до пояса, светлые волосы, мягкая улыбка, цепкие глаза. Россыпь мелких шрамов на запястье правой руки. Видимо, оттуда выпускает свои снаряды. Впрочем, это не помешало ему держать при себе длинный "Ясень" в кобуре из дорогой серой кожи.

Вернулась Девятая.

— "Комната хорошо изолирована от звука, мало что пройдет. Три сенсора крови, на основе техники Замда. Один сенсор дыма под потолком, техника Лан-Ау".

— "Перегрузить сможешь?"

— "С кровью легко, а с дымом надо постараться".

— "Сколько?"

— "Две минуты."

— Анди Антоний, — сдержанно поклонился Эд длинноволосому.

— Анди Лоуз, — поклонился тот в ответ. — Прошу, присаживайтесь.

Эдвин сел и одновременно отметил две вещи. Первое, кожа кресла была просто шикарна, мебель явно стоит состояние. Второе — червивые очень хорошо продумали положение кресел. Ему будет трудно навестись на Антония, если он не левша, а вот сам Эд великолепно простреливался со всех сторон.

— "Два датчика крови тихо выведены." — отчиталась Девятая.

— У вас дело ко мне, — вежливо заметил Антоний.

— Все так, анди. Понимаете ли, у меня есть важная информация про дальнейшие планы Черведавов в Стране рек. Я бы хотел эти сведения выгодно продать или обменять. Я заинтересован в контактах с Тысячей Глаз.

— Высоко берете, молодой человек, — бесстрастно заметил Антоний.

— Я б д'ж сказал, что ах...но высоко, — заплетающимся языком вставил свой молоточек пьяный зам.

— Тем не менее. Информация ценная, и раскрывать ее кому попало я не имею право.

— Понимаю вас, — кивнул босс. — Но я всего лишь глава Змеинового союза. Мы, как бы, несколько помельче размахом крыльев. У меня есть выходы только на координатора Диртца.

— О, поверьте, мне этого будет достаточно.

— "Кровь выведена полностью, работаю над дымом. Ещё пару минут."

— Если хотите, можете выпить немного с нами, анди, — обратился к сонитисту Антоний.

— От глотка пива не откажусь, — в первый раз за вечер сказал Эд правду. Он, на самом деле, не отказался бы от стакана осса, но чего нет, того нет.

Босс кивнул телохранителю, и тот налил в относительно чистый стакан пива на три пальца. Передал бокал Эду. Тот медленно выцедил эти помои, называемые пивом.

— Не особо высокий вкус, я прав? — улыбнулся зам.

— Не стану врать, пиво не лучшее, — вернул улыбку Эд.

— "Почти закончила."

— Что ж, анди Лоуз, можем с вами поступить вот каким образом, — Антоний сложил пальцы домиком. — Вы раскрываете нам ваши данные, а я в обмен устраиваю вам встречу с господином Альто.

— Признаться, я бы хотел сначала получить контакты, а потом раскрыть сведения.

Антоний с нарочито погрустневшим лицом покачал головой.

— Анди Лоуз, так дела не делаются. Никто из теневого мира не работает по предоплате. Вы должны это знать, — с укором выдал босс. — Впрочем, на первый раз я вас прощу. Жду ваших сведений. Иначе мне и моим коллегам придется усомниться в наличии сведений у вас и прекратить встречу. Естественно, мы не хотим раскрыть наши личности, так что в случае неудачной встречи вы умрете.

— Найдут тебя по кускам то тут, то там, — с важностью закивал головой зам. Эд снова привычно подавил Девятую, хотя и сам был бы не против размазать этого ублюдка по стене, слоем как можно более тонким.

— Сведения чрезвычайно ценные. Касаются анди Леопольда Со Коула.

Телохранитель напрягся, зам, кажется, немного протрезвел.

— О, — кивнул Антоний. — Что ж. В таком случае, я очень сожалею...

— "Сделано. Можно уже убивать?"

— ... что мне придется идти на такие решения нашего с вами вопроса. Вам придется прямо сейчас выдать мне сведения. Потом вам заплатят, и заплатят хорошо. Мы не можем предоставить другому человеку донести эту информацию до сведения Тысячи Глаз. Просто не можем понести такие репутационные потери.

— Я буду говорить только с координатором Диртца, — отказался Эд. Он изогнул хвост в сторону телохранителя.

— Что ж, — из ладони Антония вылез длинный белесый червь с сотней толстых синих ресничек. — Придется вытащить эти знания из твоей головы.

Вместо ответа Эдвин выпустил из хвоста плотный поток какофонии. Звук, олицетворяющий саму дисгармонию, породил восемь опухолей по всему телу телохранителя, а потом случайным образом разрушил большую часть межклеточных соединений. Груда фарша, бывшая раньше здоровым боевым волшебником, осела в кресле. Антоний застыл — надо хвататься за револьвер, но в правой руке изгибался толстый хрупкий червь.

— А-э-э! — заревел зам, начиная вставать с кресла.

Эл успел вытащить револьвер. Положение было неудобное, но что уж поделать. Бывало и хуже.

Три пули прогрызли ходы в теле зама, который успел выпустить из спины восемь паучьих лапок. Так-то червивые могли бы сражаться и дальше, но вот когда половина твоего

мозга застыла кляксой на стене, продолжать действие непросто.

Довернув револьвер, сонистист выпустил оставшиеся три пули по ногам Антония. Джаспер научил.

Взвыв, Антоний упал на пол. Червь оказался раздавлен, паркет оказался заляпан кровью из расшибленного носа и синей гемолимфой червя.

В дверь тут же постучались. Постучались настойчиво, давая понять, что ещё немного, и дверь будет выбита.

— "Пятнадцатый, — просверлила его мозг довольная Девятая. — Тут было два скрытых сенсора-проклятья. Они включились, когда основные сенсоры вышли из строя."

— "Ну что ж," — вздохнул Эд.

Он поднялся, быстро впихнул в револьвер пару патронов, просто на всякий случай, и подхватил взвизгнувшего от боли червивого за грудки.

— Понимаю, неприятно, — улыбнулся Эд. — Потерпи, немного осталось. Тут становится шумно, тебе не кажется?

Дверь отозвалась треском.

Зная, что он попросит, Девятая уже взгрызлась в кости Эдвина. Уже привычно сонистист запустил гармонию чистейшей первой ноты, чтобы не дать своим костям превратиться в песок.

— Поговорим в другом месте, ладно?

Девятая взяла очень глубокую ноту, и Эд поморщился. Сразу же в него хлынула дикая, необузданная, жуткая Мощь какофонии.

Какофония — это деструктивная, дестабилизирующая сила, олицетворяющая саму энтропию. Поэтому для этой Мощи не стоило ничего прорвать крошечную прореху в реальности.

Всех, кто в тот год вышел из Проекта "Роковые раскаты", можно было бы классифицировать как "Разлом".

Поэтому Эд с Антонием провалились в Шум. Краткие мгновения полета, и вот последовало тяжёлое, грубое приземление на булыжные мостовые где-то в глубине Санго.

Эдвин упал очень неудачно, и выпустил Антония. Тот сел на задницу, но сразу же сориентировался и выпустил в сонистиста облако темного дыма. Эдвин едва успел увернуться, но не полностью — что-то расцарапало спину до ребер, жалобно звякнули струны Геау-ти.

Это была последняя песнь лебедя по имени Антоний — Эдвин рванул к нему и двумя взмахами лишил его кистей рук.

— Говори! — прорычал Эдвин, чувствуя, как лопаются сосуды в глазах.

— Альто! Альто сейчас плетет паутину в Санго! Ему что-то нужно в городе, и он использует в своих целях аристократию! Не знаю, что ему нужно. Я вообще не в Тысяче!

— Спасибо, — зло выдохнул Эдвин и отрубил червивому голову.

Уронив тело на землю, он встал, вытащил из-за спины Геау-ти и вздохнул, глядя на лохмотья, оставшиеся вместо грифа.

— "Конкурентка ушла," — довольно ощерилась Девятая.

Глава 3. Серпентис

Разбирательство было не таким уж и долгим.

К нам прилетело порядка пяти стражников, крюки-мечи у двух, у остальных короткие дробовики. Последовали крики от офицера, в шлеме с синим плюмажом, мол, кто стрелял и зачем. Стражники быстро рассадили Холодных сердец по стеночке, отобрав оружие. Убитого мной наемника накрыли плащом. Все колюще-стреляюще-режущее отняли и у нас с Лирой, а роккулу, уже принявшего привычный цвет кожи, взяли на прицел заряженного дробовика.

На требование офицера я кратко объяснил ситуацию, уточнил, что силу мы применили не первые — на нас уже было наставлено оружие.

Я стал пялиться на возникающий из воздуха призрак убитого, как меня отвлек высказанный офицером приказ одному из стражников — "глянь запись". Какую ещё запись?

Тут я увидел новое применение волшебства. Вперёд вышел один из мечников, спрятал мечи, наколдовал здоровенную, с апельсин, каплю мерцающей воды, приложил ее к глазу — та послушно прилипла. Дальше с своеобразным окуляром волшебник походил по переулку, осмотрел местные скудные достопримечательности, пару раз он внимательно осматривал одному ему видимые человеческие фигуры. Наконец, он снял окуляр и тот сразу же растекся небольшой лужицей на земле.

— Анди говорил правду, — заявил стражник, отряхнув руку от волшебной воды. — Холодные сердца напали из засады, вынули холодное и огнестрельное оружие, угрожали изнасиловать госпожу ведьму.

— Что ж, в таком случае разбирательства не будет, — покачал головой офицер, глядя на меня. — Ну, разбирательства с вами. С Отмороженными мы ещё плотно пообщаемся. Насчёт самообороны можете не думать, вы были в своем праве. Сейчас мы выдадим вам протокол срочного следования, если что, трясите этой бумажкой перед лицом каждого Отмороженного. Идиоты, изнасиловать ведьму... — пробормотал про себя офицер.

— Ни со мной, ни с моими спутниками? Никаких проблем? — перепросила вышеупомянутая.

— Ну, анди роккулу предоставил нам документы, разрешающие его пребывание в Белой долине, так что все в порядке. Необычного спутника вы себе подобрали, госпожа.

— Спасибо, — хмуро отозвалась девушка.

Проблемы начались потом, когда мы вышли из того переулка и тут же свернули в следующий. Нам было совершенно не по пути, о чем Дамиан нас оповестил. Тем не менее, Лира как паровоз направилась вглубь дворов Санго. Переглянувшись, мы последовали за ней.

Пройдя пару дворов, Лира резко развернулась и снова выхватила из сумки свой разрядник.

Она сумела выцарапать время и с помощью Гиз (Пчелинии, хе-хе) сильно модернизировала ту старую модель. Рукоять жезла и навершие теперь представляли собой одно целое (напомню, что раньше это была палка с примотанной проволокой двузубой вилкой), коробочка теперь уменьшилась на порядок и спокойно умещалась на крестце девушки, не выдавая своего наличия. Вместо проводов Лира припрягла духа дикого

электричества из Завихрений. Так что теперь Лира везде ходила с шокером.

Теперь же агрессивно наточенные кончики вилки смотрели точно в лицо роккулу. Дамиан опешил.

— Госпожа?

— Я вынуждена вас проверить. Как так вышло, что мы попались в такую замечательную засаду точно на пути нашего следования? И ведь вы так удачно нашли короткий путь, который ведь по чистой случайности совпал с засадой Холодных сердец... Знаете ли, наводит на размышления.

— Мисс Фольди, прошу, уберите ваш разрядник. Я не замышлял, не замышляю и не стану замышлять против вас никакого вреда, ни умышленного, ни неумышленного. Я тщательно взвешиваю каждое действие и каждую мысль. Проблема в том, что все действительно так совпало. У меня есть размышления на этот счёт. Холодные сердца — высококомобильный отряд наемников. Они специалисты в прорывах, засадах, зачистках и быстрых осадах. Скорее всего, за вами следили в толпе. Как наблюдатель заметил нас, он отдал приказ. Наемники быстро создали, признаться, несложную засаду. Виноват, не стал сканировать окружение.

Внезапно роккулу посерел, и когти его изменённой левой руки прочертили четыре кровавые борозды на предплечье правой. В мой нос бросился едкий, какой-то то ли акулий, то ли кальмарный запах.

Дамиан продемонстрировал оторопевшей Лире окровавленную ладонь.

— Клянусь своей водой, что я призван охранять вас.

— Ты с нами не общаешься, не участвуешь в жизни поместья, и куда-то постоянно отлучаешься, — продолжала давить девушка, победившая удивление от саморанения Дамиана.

— Я ежедневно навещаю Артуро. Я не вермиалист, не могу общаться так же, как они. Хожу за возможным обновлением моих инструкций, за наводками и подсказками. Также, уважаемая мисс, я хожу в реку. Мне необходимо через день увлажнять кожу в истинной ипостаси. Немного, но это сохраняет мое внутреннее единство. Благодаря этому я готов действовать в каждую секунду, в обеих ипостасях, если потребуется.

Помедлив, Лира опустила шокер.

— Признаться, — продолжил Дамиан, — Меня также несколько пугает эта доброжелательная атмосфера в вашем поместье. Я к такому не привык. Больше как-то по тайным обществам, ну, вы понимаете.

— Не обижайтесь за это, — Лира сжала переносицу, тряхнув другой рукой, с зажатой в ней рукоятью жезла. — Просто немало нервов в последнее время. Мы просто получили приглашение на официальный вечер...

— Ничего страшного, мисс, — невозмутимо ответил Дамиан. Его кожа приобрела нормальный окрас. — Ваши обвинения имеют под собой почву. Я был бы менее доволен, если бы вы их не высказали. Так я вижу, что вы зрелая личность, и умеете размышлять, а также правильно сопоставлять силу. Должен ещё отметить, что роккулу обладают электро-органом, так что лично я могу выдать заряд куда сильнее, чем в вашем шокере, — Роккулу впервые улыбнулся, скупно обнажив острые акульи зубы.

Лира только глубоко вздохнула. Дамиан убрал улыбку и предложил проводить нас обратно в сторону оружейного магазина.

По итогу в тот день мы купили не только новый ствол для лириной Ландины, но ещё и весьма представительные костюмы на вечер.

Как оказалось, к концу недели состоится так называемый официальный вечер, то есть нечто вроде бала, приема, называйте как хотите, суть одна и та же. Большие шишки приезжают в одно место и начинают наперегонки плести интриги и кичиться богатством.

И только после умозаключения я понял, что мы теперь тоже Большие Шишки.

Дальнейшие размышления не привели ни к чему хорошему. Не надо быть гением, чтобы понять, какая роль нас ждёт. Мы станем пешками в чьей-то игре. К нам, чужеродному элементу, примножаются, присмотрятся, а потом вплетут в свои сети так быстро и аккуратно, что мы пикнуть не успеем. Будем плясать под тройную дудку.

И вот вопрос, может, сходу ломать им там все игры? Или создать свою?..

В любом случае, надо было подготовиться к этому приему. Мы шиканули. Первым делом мы купили два недорогих, но качественных "дамских" револьвера. Как расписал продавец, револьвер системы Отелло, несмотря на свой короткий носик, может похвастаться средним калибром и маготронным компенсатором отдачи. Прострелить не сможет только какие-нибудь новейшие доспехи. Штучка довольно убойная, как пояснила уже Лира.

Дамиан от револьвера отказался:

— Понимаете ли, он будет меня стеснять. Пока я наведусь, пока перезаряжусь... Быстрее руками. Это касательно предполагаемых боёв на сверхкороткой дистанции. А на длинной дистанции у меня есть Белуга, — и он похлопал по своему странному оружию.

Дальше мы с Лирой зашли в ателье. Нас спросили про фасоны и предпочтения, сняли с нас мерки и сказали заходить послезавтра. Ну и славно. Не знаю как Лира, что она там шептала продавцу, а я заказал себе просторную лазурную рубашку, элегантные брюки, подтяжки, чтобы красиво свешивались (ладно, я прочувствовал моду), тёмно-коричневый жилет с пуговицами "под бронзу" и, конечно, бабочку.

А потом мы, радостные, пришли в поместье. И сразу же, почуяв меня, громыхнула ближайшая вентиляционная решетка.

— Кот, будь добр, загляни ко мне.

— Ого, — улыбаясь, Дамиан заглянул в прорези решетки. — Мессир, конечно, говорил, что у него дома по особым обстоятельствам живёт галгара, но чтобы в подвале... Похож на ручного.

— Не осведомлен, к сожалению, о том, что Ранф завел рыбок, — сварливо отозвалась решетка, пыхнув жаром.

— О-хо-хо, рыбок, — хищно оскалился Дамиан. — А ящерка не хочет выйти на пару слов?

Я в ужасе отполз от Дамиана, излучавшего нечеловеческую жажду крови.

— Ящерка владеет самим пространством. Как ты думаешь, хорошая идея?

— Рыбка, владеющая самим временем, думает, что вполне.

— Забились, — рыкнул Гальза. — Как только юная госпожа отлетает на охоту, мы оба идём с ней.

— Хы. Меня устраивает.

И Дамиан выпрямился, тотчас надев свою излюбленную расслабленную маску.

Эдвин мог бы метко прокомментировать ситуацию. Я же могу только повторить его искусство. Пока что про себя.

Тем не менее, я сразу же пошел к галгаре. Он уже ждал меня в своем полутемном

подвале, пропитанном запахами жара и золы.

— Гальза, давно хотел спросить. Ты вот сейчас сказал, что владеешь пространством. Это так ты можешь перемещаться так быстро и неслышно?

— Ну да, — кивнул ящер. — Понимаешь ли, все библиотекари — одни из самых сильных галгар. Мы все должны владеть чем-то необычным и сильным, так как мы хранители знаний, преданий нашего народа. Мой учитель владел океаническим железом. В рамках вашего мира: представь волшебника, способного вызвать цунами или на чистой силе затопить город до второго этажа. Я же владею вагарр, пространством. Я родился уже с этим гара, и мне было предназначено стать или несущим войну, или библиотекарем. Я выбрал знания. Научиться правильному использованию вагарр было сложно, но теперь я могу толкать в пространстве это поместье. Без всяких ваших Маяков. И не только это. В моем арсенале куча разных фокусов. В любом случае, кот...

Гальза уселся поудобнее, обвив себя длинным хвостом. Внимательно окинул меня взглядом.

— Я все медлил и сомневался, но, думаю, тебе это не повредит. Есть кое-что, что тебе пора разучить. Серпентис.

— Серпентис? — переспросил я, по-кошачьи наклонив голову.

— Особое боевое искусство, разработанное галгарами для людей. Пойдем на улицу, будем тебя учить.

Вселенная мигнула, и мы оказались на улице, не сменив даже своего положения.

— Сколько у тебя времени осталось? — спросил Гальза, встав во весь рост.

— Ещё пара часов, — ответил я, смотря на галгару, который был как минимум в два раза больше меня ростом, а массой так вообще раз в десять.

— И хорошо. Помнишь урок с чешуей?

— Да.

— Покрывайся.

— Я одежду не разорву?

— Разорвешь, — ощерился Гальза. — Поэтому рубашку долой, надевай какие-нибудь шорты.

Мир снова мигнул, и я оказался в своей комнате. Вздохнув, я быстро переоделся. Как только я закончил, Гальза тут же перенес меня обратно. И как только узнал?

Стояла уже поздняя осень, и на улице было достаточно прохладно. Я, в одних шортах, поежился.

Чтобы не мёрзнуть, я покрылся своей длинной чешуей.

— Хорошо, но не очень, — помотал головой Гальза. — Полностью покрывайся. Даже лицо. Чешую делай длиннее, она не должна топорщиться, на руках она должна перейти в шипы. Действуй.

Я пропустил сквозь собственную кожу больше Мощи. Чешуя больно полезла из лица, с тихим треском удлинялась по всему телу. Я заметил, как отдельная чешуйка на тыле кисти вытянулась, заострилась, утолщилась... Пара мгновений, и все части тела, которыми можно было бить, были густо покрыты сантиметровыми четырехгранными шипами.

— Славно, — отозвался Гальза. — Теперь сильно прогрей свои сухожилия. Серпентис подразумевает гибкость, обычно недоступную человеку. Потом разогрей мышцы, улучшишь их кровоснабжение.

Я послушно провел над собой эту операцию.

— Теперь же я гляну на твой базис. Посмотрим, с чем работаю.

И Гальза ударил меня, отправив в недолгий полет.

Я извернулся в воздухе и приземлился на ноги, сильно припав к земле. Зашипел от внезапно нахлынувшей ярости.

— Да, злись, — прорычал Гальза, принимая боевую четырехрукую стойку. — Злость — неотъемлемая часть Серпентиса. Она дополнительно изменит твоё тело, сделает тебя идеальным хищником. Злись, кот!

Я, рыкнув, прыгнул на Гальзу. Он попытался ударить меня нижней правой рукой, но я уцепился за его толстую чешую, подтянулся и попросту запрыгнул на его конечность. Гальза рефлекторно подтянул руку к себе, и я долбанул его прямым ударом в грудь.

Проклятье, только руку отбил.

Гальза сбил меня с себя ударом своей чешуйчатой ладони, точно комара. Я снова извернулся и приземлился на ноги.

— Неплохо. Быстрый, верткий, изворотливый. Теперь глянем тебя в нападении. Я буду только защищаться, — Гальза упал на среднюю пару лап, перейдя в защитную стойку — стоит на четырех, двумя отбивается.

Я громко зашипел, из раскрытой пасти капала слюна...

Пасти?

С ужасом я себя ощупал. Мой рот разошелся до углов челюсти, обнажая два ряда острых треугольных зубов. Кажется, изменилось строение костей лица. Пальцы явно удлинились и обзавелись загнутыми когтями с блестящей кромкой. Обернувшись, я увидел, что по моему потолстевшему хвосту тянется цепочка длинных шипов, прямо как у Гальзы.

— Эт-шо чщ-щто с-со мной? — спросил я.

— В твоём организме осталось мое кровопламя. Когда ты принимаешь форму галгаранар, "подобный галгаре", пламя возжигается внутри тебя, и ты становишься нашим подобием. В этой форме ты смертоносен. Среди людей ты — хищник высшего порядка. А теперь бей.

И я ринулся в бой под яростные вопли Кота.

Уйти от встречного упреждающего удара, скользнуть по траве, ударить в бок. Отшатнуться от взмаха лапы, скользнуть ближе к нему, где он не сможет с замаха бить. Наношу удары в шею — хотел в морду, но не дотягиваюсь. Успеваю пробить два раза в грудь, как меня снова бьёт, отталкивает, крутит в воздухе.

Я приземляюсь на четвереньки, хвост колотит по земле, взрывая почву и раскидывая в сторону траву.

Плохо. Мало. Слабо. Что делать?

Точно. "Кромка". У меня есть такое гара. А на чешуе и шипах есть кромка. Может, заострить?..

Провожу Мощь по чешуе. Она сразу же начинает блестеть. Проверяю. Чешуйка режет мне палец — не прикладываю усилий, а порез глубокий. Отлично.

Я снова бросаюсь в бой. Пригибаясь, ухожу от мощного удара, попадаюсь в ловушку — вторая лапа подкидывает меня в воздух, и я вижу, как первая уже стремится сверху вниз, чтобы вбить меня в землю.

Цепляюсь когтями за верхнюю лапу и прокручиваюсь. Сажусь верхом на лапу, вскакиваю и быстро лезу к морде Гальзы.

Когда он взмахивает другой рукой, чтобы сбить меня с себя, я прыгаю на его плечо,

царапаю ему щеку, совсем рядом с захлопнувшимся глазом, перескакиваю на спину и два раза чувствительно бью его туда, где у людей почки.

Мгновение — и все вокруг крутится, три секунды полета, и я влетаю в землю, поднимая в воздух комочки земли и куски дерна. Это меня ударили хвостом.

— Р-ра! Хорошо! Хорошо, духи Темных Владений! Есть над чем поработать, но в целом отлично. Хорошо пользуешься ростом и своей кошачьей проворностью.

Я выбрался из ямы, образованной ударом об землю и отряхнулся.

— Используешь сек? Хорошо. Необычное применение для галгары. Продолжим?

И Гальза снова поднял руки в защитную стойку. Я, взревев, ринулся на него.

Вот так началось мое обучение Серпентису.

Глава 4. Битва чудовищ

— Джаспер, какого черта?! — воскликнула Лира, глядя на перекопанную моей тушкой и тяжёлыми лапами Гальзы лужайку.

Потом девушка перевела взгляд на меня, побледнела и икнула.

— Д... Д-д-дж-жас?

— Ха-ах, — прошипел я, раскрывая пасть и выпуская оттуда всполох огня.

Лира побледнела ещё сильнее.

— Что это с тобой? Проклятья не чувствую...

— Хы-ы...

И я, чувствуя, что мне осталось минут десять, втянул чешую — просто выпил из нее Мощь, и черные пластинки втянулись в мою кожу. Тысячи мелких порезов тут же затянулись.

— Да все нормально, — ответил я, ощупывая подбородок и щеки — пришли в норму. — Гальза учил меня боевому искусству. Чтобы я мог не только пыхнуть огнем, а и дать кому-нибудь в бубен.

— Не думаю, что до бубна дело дойдет, — Лира медленно возвращала свой цвет. — Я чуть от ужаса не умерла. Выглядел ты весьма и весьма пугающе.

— Спасибо. В любом случае, ты что-то хотела?

— Да. Касательно распорядка. Сегодня плотно ужинаем, завтра летим на охоту, послезавтра — на вечер.

— Какие грандиозные планы. А на охоту-то зачем? Мы ж богаты, — тут уже включилась кошачья лень.

— А чтоб не расслаблялись, — твердо ответила девушка, — Может, ещё мотылька встретим. Я тогда ещё раз приготовлю зелье.

— А может, не надо мотылька? — вежливо уточнил я, вспомнив вкус раскаленного жидкого металла.

— Ну, там как Духи рассудят. Давай, ужин через час. Я пока позову Гиз, пусть новую траву растит за вами.

Лира повернулась и ушла.

Гальза тут же развернулся из клубка и доверительно произнес:

— А теперь вторая часть занятия. Гара фехор, или же дым, по-вашему. Отличное средство контроля территории и, теперь, самое безобидное боевое умение. Но очень полезное. Урона меньше чем от удара кулаком, а отрезвляющее действие как от выстрела резиновой пулей.

— В смысле? Как это так?

— А попробуй получить, как ты сказал, в бубен удушающим, горячим, пачкающим все и вся дымом. Говорю тебе, пьяньчуги трезвеют на раз-два. Ну, смотри...

Мы снова летели по небу над Горелыми землями. Мое голое, прикрытое лишь пончо тельце грели лучи уже не такого теплого солнца, под нами проносилось море разнотравья. Теплозрением я прекрасно видел в траве под нами мышек, сусликов, с трудом различал змей. Где-то вдалеке я видел какое-то крупное скопление тепла. Может, цверги, может — стадо бизонов.

Спектр, правда, немного забивался теплом, исходящим от Леры. А вот сидящий по соседству Дамиан был таким же холодным, как и змея или, скорее, рыба.

На горизонте слева от нас вдруг завиднелась рощица, и Лира свернула к ней. Полчаса полета, и мы приземлились у низкорослого лесочка. Девушка расчехлила Ландину и скормила ей кассету.

— Подождите, мисс Фольди, — вдруг остановил нас Дамиан, — Я собираюсь позвать вашего галгару сюда. Мы хотели немного... поспарринговаться.

— А почему я не могу сейчас пойти на охоту?

— Мне кажется, вам будет поучительно посмотреть на битву разумных, ну, чудовищ, для вас. Просто вы, люди, покорили себе этот мир с помощью своего разума и способностей к волшебству. Что галгары, что роккулу более ограничены или в условиях окружающей среды, или в волшебстве. В то же время, Великое Развитие отняло у вас мех, когти и клыки, а вот нас оно пощадило. Просто мне хочется вам доказать, что я более чем способен вас защитить.

— Я, в общем-то, верю вам на слово, мистер Дамиан. — спокойно ответила Лира.

— Нет, девочка, — ответил Гальза. Появился опять невесть откуда, как и всегда. — Это, во-первых, будет занимательно, а во-вторых, люди всегда любят смотреть на драки.

— Ну это не всегда так, — возразила Лира.

— Да-да. А кто не так давно ходил на подпольные бои вместе с Гиз?

Лира смутилась.

— И даже не говори, что тебе отчасти не понравилось, — добил ее Гальза. Лира смутилась еще сильнее.

— Так что? — рыкнул Гальза, смотря на Дамиана и пару раз стукнул хвостом об землю.

— Да, конечно, — кивнул ему Дамиан и скинул с себя жилет.

Дальше прямо на землю полетела рубашка.

Как оказалось, не только руки Дамиана были покрыты узорами из бугристых шрамов. Извилистые, серо-черные шрамы густой сетью оплетали его тело, формируя замысловатый узор, сильно выделявшийся на его болезненно бледной коже.

— Что хоть это у тебя? Кро-аккарду? — спросил Гальза.

— О, ты читал о нас, что ли? — неподдельно изумился роккулу. Из верхней одежды на нем остались лишь светлые брюки и массивный амулет из медной проволоки.

— Не только читал. В молодости водился с одним роккулу, Аруббуро. Может, слышал?

— А, Аруббуро. Да, знаю. Несколько лет назад возглавил поселение Алых кораллов. Теперь контролирует третью часть добычи всего нашего железа. Хороший и волевой роккулу, достойный сын Низин.

— Тоже так считаю. Ты будешь драться со мной прямо так?

— Конечно нет, — хищно улыбнулся Дамиан и снял с себя амулет.

Амулет Дамиана и мое проклятье сильно различались между собой. Если я переходил из состояния в состояние легко и быстро, почти одномоментно, то возвращение в изначальную матрицу у Дамиана длилось около полуминуты.

Сперва его кожа приобрела серо-синий цвет, как шкура у акулы. Потом он вытянулся в длину, шрамы начали двигаться по его телу, как змеи. Мышцы начали расти. На шее появились жаберные капюшончики, переросшие в целые плащи, а между пальцев — перепонки. Глаза изменили цвет на угольно-черный, а широкие зрачки стали кроваво-красными. Дальше его тело менялось все сильнее и сильнее, и я уже не успевал смотреть за

отдельными изменениями.

В конце концов преображенный Дамиан пронзительно взвыл в синее небо Солнца и Лун.

Он был выше Гальзы, но это компенсировалось тем, что по сравнению с галгарой он был более стройным. Все же по факту Дамиан высотой мог соперничать с трехэтажкой. Вся форма его тела описывалась парой слов — изящная и обтекаемая. Светло-серая, с синеватым оттенком, покрытая уже не такой частой сеткой шрамов, кожа, две пары конечностей — с одинаковыми кистями, с длинными, увенчанными загнутыми когтями пальцами. Длинный хвост заканчивался на конце тремя рудиментарными плавниками, напоминавшими кисточки на наших хвостах. Морда на длинной шее чем-то напоминала морду плащеносной акулы, которую я видел на картинках в Лириной книге, которую листал на досуге — такая же форма, такие же бездушные голодные глаза, такие же острейшие загнутые зубы, расположенные щеточками. Только глаза были намного крупнее.

Когда вой-рев Дамиана закончился, он повел всем телом и...

Расправил крылья. Огромные, кожистые, странной формы, больше похожие на «крылья» ската-манты. Не думаю, что с их помощью можно было летать.

Но Дамиан махнул ими и на пару секунд оторвался от земли.

Если облик Гальзы подавлял, то Дамиан вселял ужас. От взгляда его хищных глаз хотелось бежать без оглядки.

— Хорошо выглядишь, — бесстрастно похвалил его облик Гальза.

— Хис-с-с, с-спас-с-сибо, — низко прошипел Дамиан. — В Последнем Океане я был ловчим-с. З-с-снаешь, кто это?

— Вы охотитесь на хищных китов, реликтовых кальмаров и ракоскорпионов на Великом Плато.

— Да, пр-равильно, хс-с-с. Что ж-ш-ш, нач-ш-шнем?

— Пожалуй, да.

И Гальза вскочил на задние лапы, широко раскинув обе пары ставших боевыми конечностей.

И началась битва.

Два исполинских иномировых хищника, разных до последней мелочи, схлестнулись грудью. От мощных и ужасающе быстрых взмахов лап во все стороны летела чешуя — черная, похожая на кусочки антрацита, и серо-синяя, размером с ладонь. Чудовища нещадно драли друг друга, и я не удивился, когда на коже галгары воспламенилась его кровь, а в воздухе едко запахло акульей кровью.

Внезапно галгара исчез, а через кратчайшую секунду оказался за спиной у Дамиана. Раскрыв пасть так широко, что стало видно светящуюся оранжевым глотку, Гальза вцепился в левое крыло Дамиана. Единственный рог прочертил по коже роккулу кровавую борозду.

«Духи, они же убьют друг друга!» — мысленно воскликнул я.

Дамиан по-змеиному извернулся и несколькими взмахами исполосовал всю грудь Гальзы. Хлынувшее из ран кровопламя подожгло высушенную траву. Однако галгара не отпустил крыло, его это лишь раззадорило.

Сквозь щели между его клыками и кожей роккулу хлынуло пламя: инферниец пустил из пасти огонь. Рванувшись, роккулу высвободил крыло. Обожженная, разорванная клыками плоть повисла лохмотьями.

Махнув крыльями, Дамиан разорвал дистанцию и, изогнув шею, склонился над

ужасающей раной. Из его пасти хлынула мерцающая зеленая вода. Под потоками этой воды ожоги таяли, а плоть сама по себе сращивалась.

За это время галгара успел опуститься на все шесть конечностей и, словно адская ящерица, прыгнул на роккулу.

Дамиан удивил — он на лету перехватил тело галгары, перекрутил его и с усилием приложил его о землю. Почву ощутимо трянуло, Лира, коротко взвизгнув, упала на пятую точку.

Океаниец повторил прием галгары — с силой вцепился ему в одну из верхних рук и замотал челюстями. Клыки Дамиана не выглядели столь пугающе, как у Гальзы, но при таких движениях плоть летела во все стороны ошметками, и от доступа к кости роккулу отделяло лишь время.

Гальза помотал головой и, на миг задумавшись, снова вцепился в крыло Дамиана. Пошло соревнование челюстей — чудовища сплелись конечностями, не давая противнику ранить себя. Невооруженным глазом было видно, как сильно Гальза сжимает челюсти. От его крови у Дамиана вся морда была в ожогах.

Гальза снова пропал и возник на небольшой высоте над Дамианом. Удар такой массы с такой высоты должен был переломать океанийцу все кости.

Роккулу задрал голову и изверг из пасти настоящий кипящий гейзер. Сила выстрела была такой, что инфернийца откинуло прочь. Гальза приземлился тяжело, грузно, пропахав собой глубокий окоп. Он тяжело встал. Я ахнул: вся грудь и две пары конечностей Гальзы безобразно разбухли от чуждой ему воды.

Гальза демонстративно поднялся и с силой сдавил свою грудь. Точно из губки, из нее хлынули потоки грязно-черной воды. Так же галгара «выжал» и руки. Дамиан стоял и смотрел.

Они ринулись друг на друга одновременно, и последняя цивилизованность ушла из этих высших хищников. Вместо тактических уловок, использовании слабостей врага и своих сильных сторон они просто давили друг друга голой физической мощью.

За битвой, нет, дракой стало почти невозможно следить. Удары сменялись ударами, шли обмены укусами, роккулу бил врага крыльями, ослепляя его, галгара не стеснялся пускать в ход шипованный хвост и рога. Кровь лилась на землю ведрами.

Я неожиданно понял, что мне никто за две жизни не было так страшно. Даже если я выдам что-то невероятное, одним махом достигнув предела Амадея, эти сверххищники даже не почешутся. Обрати они на меня внимание, просто заметь краем глаза — и я был бы безоговорочно, стопроцентно мертв.

Гальза и Дамиан встали друг напротив друга и начали бешено рубить друг друга своими когтями, больше похожими на сабли. Грудь каждого с ужасающей быстротой покрывалась кровавыми росчерками, ширился пожар, на землю летели крупные, с кулак, капли бледно-синей крови, лишь на груди галгары невредимыми сияли три строчки его гараур.

Первым сдался Дамиан — все же у Гальзы четыре боевых конечности. Взмахнув крыльями, он поднялся в небесную высь.

Я снова ощутил двойной приступ ужаса — от меня и от Кота. Что же за существа такие, роккулу? Неужели в своем мире они властвуют над глубинами и небесами?

Гальза словно мигнул всем телом. Миг — и он оказался над роккулу. Успел зацепить его когтями. Океаниец же щелкнул челюстью там, где меньше секунды назад была шея галгары.

Вместо того, чтобы упасть, инферниец снова мигнул и снова оказался на уровне шеи Дамиана, но уже с другой стороны. Гальза наклонил голову и его рог прочертил очередную борозду на спине роккулу.

Несколько секунд галгара «мигал» вокруг беспомощно порхающего роккулу и наносил ему глубокие раны. Но в перемещениях Гальзы была закономерность, и Дамиан ее уловил. На очередном перемещении галгары роккулу извернулся в воздухе и, всадив когти в тело галгары, рванул к земле.

Роккулу с грохотом вбил ящера в землю. На этот раз на ногах не удержался и я. Упал больно, прямо животом на камушек, но я не смог заставить себя пошевелиться. Я во все глаза следил за битвой чудовищ.

Первым из монструозного кратера выбрался Дамиан. Отойдя спиной вперед от кратера, он вскинул голову и снова издал свой полурык-полурев. Это было ошибкой.

Гальза резко выскочил из кратера, двумя руками ухватил роккулу за шею и свалил его на землю.

Инферниец причудливо вывернул среднюю пару рук, обратив их кистями за спину, от себя.

Я ощутил пылающую Мощь, нагнетаемую его руками. Роккулу попытался вывернуться, но было поздно.

Гальза взорвал свою Мощь, и ударной волной швырнул себя вперед на пару десятков метров, пропахав телом роккулу глубокую борозду.

Пошатываясь, Гальза отошел в сторону. Было видно, что он обессилел. Во многих местах чешую полностью слезла со шкуры, обнажая такую-же угольно-черную плоть. С тысячи повреждений, мелких царапин и глубоких рваных ран текла, вспыхивая кострами, кровь повелителей Инферно.

Из борозды поднялся Дамиан. Крылья изломаны, серая шкура вся в земле и бледно-синей крови, один глаз закрыт и не открывался, на морде новые шрамы. Роккулу тоже шатало от усталости.

Хищники снова начали сближаться. Когда между ними оставался метр, они замерли. Каждый из них вскинул правую руку для финального удара, который уж точно должен был прикончить соперника.

Их руки метнулись к телу врага.

И от рукопожатия невероятной силы образовалась миниатюрная ударная волна, что чуть не сорвала с меня пончо.

Дамиан и Гальза скалились, пожимая друг другу руки.

— Великолепная битва! — пророкотал Гальза. — Я признаю тебя как сильнейшего из роккулу!

— Роскошная схватка, — согласился Дамиан. — Давно я не дрался с таким упоением. Спасибо, что дал возможность снова почувствовать ярость схватки.

— Кстати, если ты ловчий, то и я представлюсь. Библиотекарь Крааграна.

— Хо, теперь ясно, почему ты мне такую трепку задал.

Чо? Это была дружеская битва?! Эдакий спарринг?

А. Хотя, что Дамиан, что Гальза говорили исключительно о спарринге.

Я уже от зрелища триста грамм сбросил.

— Извини за то, что водой облил, — извинился роккулу. Какой цивилизованный.

— Да ничего страшного. Уже привык в Солнце и Лунах. Кстати, не подлечишь меня? А

то я все эти раны неделю затягивать буду. К слову, прошу простить за укус в крыло.

— Да без проблем, дружище.

ДРУЖИЩЕ?!

Сцена, как исполинская крылатая змеякула поливает целебной водой стремительно разбухающего галгару, навсегда отпечаталась в моем разуме.

Насмотревшись, я пошел искать Лиру. Девушку я обнаружил в лесочке, где та лежала ничком.

— Лир, что с тобой?

— Мне плохо.

— Почему?

— Духи леса, ветра, земли, сухих трав... Все они визжали от ужаса.

Мде. Показательно.

— С каких пор не смотришь?

— С рукопожатия. Моя психика этого может не выдержать.

Я оглянулся через плечо. Гальза *выжимался*.

— Да. Там травмирующее зрелище.

В тот день мы так и не поохотились. Вернулись домой на автопилоте, за который Лира заплатила духу разума, и завалились спать в неполные шесть вечера.

Ибо ну его нахрен.

А довольный жизнью Дамиан сразу по приезду утопал в подвал к своему новому другу. Вот такая она, мужская дружба. Самая крепкая — как раз после того, как набили друг другу морды.

Если Эд вернется, я тоже ему что-нибудь набью. Он же классный парень. Тоже будем дружить.

Глава 5. Первый приём

Вечерело. На улице было уже откровенно прохладно, так что нам с ведьмочкой еще пришлось утром заскочить в очень пафосное ателье и купить по пальто. Я взял простое, суконное, светло-серое, Лира же выбрала темно-зеленое и шерстяное. Очередные траты, которые, на удивление, были заметны даже на фоне нашего неимоверно раздувшегося бюджета. Так прошло утро.

День подготовки, когда Лира с Гиз наперебой рассказывали мне о правилах приличия и поведения в обществе. Этикету, одним словом. Когда я начал путаться в обращениях, видах поклонов, и очередности взятия очередной вилки или крючка (был такой столовый прибор, крючок на длинной ручке для пирожков), то явилась моя спасительница — Фелиция.

Пожилая волшебница одним движением руки заткнула лекторш и начала рассказывать о правилах этикета, принятых именно в Красных Княжествах.

Удивительно, но местный этикет был намного проще. Объясняя на пальцах: если высшее общество Драконьих королевств представляло собой весьма извилистую лестницу, и еще постарайся понять, на какой ступеньке ты, а на какой твой собеседник, то свет Страны Рек представлял собой общество равных, над которыми стояли князи. Если ты получил приглашение на какой-то званый вечер, то тебя автоматически приняли за своего, а значит, ты равен им. Банкиры, фабриканты, высокопоставленные наемники, городские шерифы, потомственные аристократы — все они обменивались одинаковыми поклонами и одинаковыми рукопожатиями. Исключение, как я уже заметил, составляли князи и кронпринцы. Разница состояла в более глубоком поклоне и отсутствии возможности пожать руку. Да и принимая это в расчет, князи иногда могли пожать кому-нибудь руку, высказывая свое расположение.

Да, еще в Красных Княжествах не использовали полный набор вилок и ложек — всего по две. Это было моим спасением.

Фелиция не ограничилась лекцией. Она заставила меня встать на задние лапки (я был в кошачьей форме, чтобы сэкономить время, итак с утра потратил час) и отрабатывать поклоны и расшаркивания. Лира смеялась, глядя как лысый котик в пончо, цитата, «потешно» ходит на задних лапках и кланяется высокой старой волшебнице. Потом меня несколько раз прогнали через стандартные вежливые диалоги ни о чем, постоянно поправляя меня в тех или иных фразах. Подготовка шла полным ходом, и к тому моменту, как мы должны были выходить из поместья, Фелиция признала, что я хотя бы не опозорюсь.

Я отправился в свою комнату, переодеваться. Снял пончо, перекинулся в человеческую форму и оделся — темные брюки, лазурная рубашка, черный жилет, черная бабочка и, конечно, мои любимые висячие подтяжки. Уж не знаю, чем, но мне эта часть моды понравилась. Сверху расчесанных волос я нацепил несколько большеватый мне черный берет, а потом закрепил его парой заколок — мне бы не хотелось, чтобы в самый ненужный момент берет слетел и открыл всем мои кошачьи уши. А длинные пушистые лохмы прекрасно справлялись с прикрытием пустых мест на месте, где обычно у людей уши, так что, надеюсь, все будет в порядке. Последним на запихнул в кобуру под жилет свой новый револьвер.

Вышел из комнаты и отправился вниз. Там я еще десяток минут дождался Лиру. Когда она спустилась, я невольно восхищенно выдохнул: ведьма выглядела сногшибательно.

Черная шелковая рубашка и черные охотничьи брюки, несмотря на свой неофициальный внешний вид, сидели на девушке отменно, не открывая ни лишнего сантиметра кожи, но при этом мягко очерчивая фигуру. Ведьме пришлось отдать должное своему дару: она набросила на плечи полуплащ знакомого фасона — он прикрывал спину и левую руку девушки, заканчиваясь у бедра. За струящимся легким плащом скрывалась крошечная кобура с «Отелло» внутри. Также Лира поработала и над макияжем — положила тени на веки, подвела глаза, нарисовала заново уже почти исчезнувшие из-за приближающейся зимы веснушки и распространила свой привычно небольшой красный узор на весь лоб, чуть спустив его еще и на виски. В ушах болтались длинные сережки с зеленоватыми камнями, в тон глазам Леры. На макушке устроилась шляпка привычного ведьминского фасона; было лишь одно отличие — если обычно под шляпой Леры можно было спрятаться от дождя или палящего солнца, настолько длинные у ее шляп были поля, то тут они были существенно меньше, равно как и туля. Попросту уменьшенная копия ее шляп.

Я неожиданно заметил, что красная как рак Лира также всюду пялится на меня.

— Ну-у, ты произведешь фурор, — выдал смутившийся я комплимент.

— Как бы у меня кто тебя не перехватил, — улыбнулась еще более густо покрасневшая Лира.

Я встал и, заткнув Кота, подал девушке руку. Она послушно уцепилась за подставленный локоть. Странно мы, наверное, смотрелись — все же я ниже на полголовы, а из-за ее шляпки так и вовсе на голову.

Я ощутил идущий от девушки запах фиалковых духов. Кот снова заверещал от восторга.

— Ну что, поехали? — спросила меня девушка, сверкнув глазками.

— Конечно!

Нам пришлось лететь в другой конец Санго, к огромному особняку. Возле шикарных кованых ворот была целая стоянка, забитая различными летающими средствами — от изящных, дорогих метел до целых летающих карет. Естественно, по соседству стояла площадка и для обычных карет.

Когда мы приземлились, к нам сразу подбежал лакей в фраке — молодой парень с незапоминающейся внешностью.

— Анди, монна, приветствую вас, — и он глубоко поклонился, — Не соблаговолите назвать мне ваши имена и фамилии?

— Конечно, анди. Я Фольди, а это Самион, — нам пришлось условиться о моей фамилии. Самион — имя горной кошки, водящейся в Фрелье. Идею, естественно, вкинула Гиз, а Кот заставил меня моментально принять это вариант.

Лакей сверился с огромным старомодным свитком в золотом футляре — я успел заметить, что все записи были сделаны сверкающими в свете фонарей золотистыми чернилами.

— Все верно, эти фамилии есть в списках. Ваше приглашение?

Лира продемонстрировала ему картонную карточку с витиеватым текстом приглашения от некоего Ланза Со Кромма. Не потрудился узнать, кто это, а теперь интересно.

— Да, низжайше благодарю вас, — ответил слуга, изучив текст приглашения. — Анди Со Кромм уже изволил прибыть. Можете идти в поместье, господа. Он вас встретит.

— А как он узнает о том, что мы приехали? — любопытство сдерживать очень трудно, знаете ли.

Лакей посмотрел на меня как на дурачка.

— Я отправлю ему сообщение, — и он вытащил из кармана кристалл размером с большой палец в золотой оправе.

Ли́ра подхватила меня под локоть и, поблагодарив служку, пошла к поместью, утащив меня за собой.

— Прости, что не объяснила. Есть такие духи, духи-близнецы. Ведьмы запечатывают каждого в отдельный кристалл. Сожми такой кристалл — и второй засветится. Очень малораспространенная штука, но в целом может быть полезной.

Я только покивал.

Мы приблизились к огромному трехэтажному дому, с сверкающими золотым светом окнами, с множеством балкончиков и лепнины по всей поверхности дома. Входом служила массивная двухстворчатая дверь с чеканкой на железном покрытии.

Нас уже ждали — около входа с сияющим кристаллом в руке стоял моложавый мужчина с серо-стальными глазами, с хвостиком длинных медно-рыжих волос и шрамом, пересекающим бровь. Одет в серый пиджак и темно-серые брюки, на плечах декоративные наплечники с чеканкой, или серебряные, или по крайней мере с серебряным покрытием. Чеканка изображала бегущее стадо быков. На груди располагался серебряный медальон, изображавший быка с агрессивно наклоненной головой. На ногах у него были кожаные сапоги до середины голени с набойками на мысе — тоже фигурная голова быка с миниатюрными рожками. Красиво, но непрактично.

Какой-то повернутый на быках, в общем. Хотя взгляд адекватный.

— Добрый вечер, монна Фольди, — раздался вместе с полупоклоном приятный баритон мужчины. — Обязан заметить, не ожидал, что такая храбрая охотница может быть столь обворожительной. А вы, должно быть, анди Самион.

— Все верно. Анди Со Кромм? — вернул я полупоклон, запихивая куда-нибудь поглубже верещащего от ревности Кота.

— Верно, — улыбнулся Ланз Со Кромм, — Приятно видеть вас в добром здравии. Могу ли я поинтересоваться, если позволите, правда ли то, что вы в одиночку, находясь под Обрядом Кальнфаро, смогли перебить три с половиной сотни цвергов?

— Почти так, анди. Я действительно находился разумом в теле кота. Однако, я смог одолеть лишь двести тридцать цвергов, и то я бы не выжил без помощи монны Фольди.

— Удивительно. В кои-то веки слухи почти не ввали. Вы выдающийся инферналист, знаете ли. Пойдемте внутрь, на улице уже порядком похолодало. Зима будет холодной, не думаете, господа?

Мы вошли в богато украшенную парадную комнату — огромный, почти пустой зал. Все украшение составляли мраморные стены, хрустальная люстра под потолком и напольные вазы с живыми цветами. Из комнаты вели две двери, куда-то в соседние крылья поместья, и огромная, покрытая зеленым ковром, лестница — на второй этаж. Подбежавшие слуги приняли у нас пальто.

— К слову, монна Фольди, я знаю вашу бабушку.

— Да? — удивилась Ли́ра. Я тоже удивился, но молча.

— Когда-то наш предыдущий глава отряда обивал пороги вашего поместья. Ему крайне хотелось, чтобы моннади Фольди была в составе нашего отряда. Я тогда был простым наемником, хоть и был внуком главы. У нас родственные связи не в почете. Но вашу бабушку я видел и даже немного с ней пообщался. Видел краем глаза даже вас, вроде тогда вам было

годика два, но не уверен, что видел конкретно вас.

Я неожиданно связал два и два: обилие бычьей тематики в одежде и рассказ и мелькнувшее мимо строк утверждение, что он наемник.

— Вы из Стальных Рогов?

— Да, — мягко улыбнулся Ланз, — Теперь из высшего офицерского состава. Мой отец, к сожалению, не смог занять место главы, так недостаточно хорош в планировании операций. Зато он — глава боевого крыла. Я же, несмотря на мое глубочайшее уважение к анди Нанграту, надеюсь в свое время занять пост главы. Собственно, благодаря всему этому вы и находитесь здесь. Я хорошо общаюсь с хозяином поместья, он мой хороший друг и тоже офицер. Когда я прознал, что двое неких неизвестных никому охотника завалили целого мотылька, а потом еще и отбили его у цвергов, я не мог не навести справки. А узнав, что эти охотники — юная Фольди с компаньоном, я не мог не пригласить вас. Обычно на мотыльков охотятся хорошо сплоченной группой, численностью от десяти человек, и рангом не ниже «Канонира», а тут всего двое. Ваша победа — достижение. Так что рано или поздно вас бы все равно куда-нибудь пригласили, а я всего лишь оказался первым, кто воспользовался оказией. Добро пожаловать в свет, господа.

Пока Ланз объяснял нам ситуацию, мы успели подняться по лестнице и, пройдя сквозь ажурные двери, попали на банкет.

Официальный вечер проходил в гигантском вытянутом помещении. Высокие стрельчатые окна с широкими подоконниками, покрытыми подушками, чтобы можно было где присесть, столики с закусками, снующие туда-сюда официанты с бокалами разнообразного но, несомненно, дорогого и элитного алкоголя, мерцающие люстры с желтыми электрическими лампами, и люди в дорогих одеждах, разбитые на небольшие группки. В глубине зала был выстроен небольшой помост, на котором располагались музыканты, негромко играющие какие-то мягкие народные мотивы. В помещении пахло разнообразными духами, дорогой тканью, вином и шампанским, тихо, но аппетитно пахли закуски.

Глянул на людей. Вон парень с зелеными волосами в зеленом же пиджаке разговаривал с дамой в синем струящемся платье. Вон прошла молодая девушка в голубом брючном костюме, окруженная стайкой-радугой разноцветных рыбок. Вон три мужчины в дорогих, монотонно-черных костюмах разговаривали и смеялись, попыхивая сигарами. А чуть поодаль можно было заметить группку людей в серых костюмах с наплечниками, что-то не слишком дружелюбно втолковывая мужчине в красном кунтуше и с голубой прядью в волосах. На нас пока никто внимания не обратил.

Знаете, к этому можно и привыкнуть. Хотя я все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Мне нужно пообщаться с некоторыми людьми, — произнес Со Кромм. — Знаете ли, назревает осада Лотима. Против нас Свет грозы, и можно попытаться решить проблему мирно. Где-то тут ходит один высокопоставленный офицер, и мне следует его найти. Я оставлю вас ненадолго, позже вернусь, — и, еще раз поклонившись, Ланз удалился.

Вернув поклон и проводив его взглядом, я обернулся к Лире. Девушка, почему-то бледная, потерянно озиралась по сторонам. Видимо, нервничает в незнакомой компании. Надо расшевелить.

— Лира! Пойдем, перекусим, — я пальцем указал на ближайший столик с закусками.

— Да, можно, — ведьмочка снова приобрела нормальный цвет.

Сказано — сделано. Подойдя к столику, я увидел смутно знакомые шпажки с нанизанными на низ кусочками сыра, оливок, ветчины и прочего, аккуратные бутерброды с щедрой горкой икры на каждом, глубокое блюдо с кусками рыбы в масле, и многое что еще. Но потом я заметил блюдо с крошечными пирожками, не больше моего кулака. Около блюда, на такой же шпажке, висела приклеенная записка, гласившая: «с печенью». А потом я заметил лежащий рядом длинный крючок на рукоятке.

Это мой звездный час!

Я ловко схватил крючок, вытащил из горки верхний пирожок (не все знают, что брать надо верхний, но я-то профи!) и, не колеблясь, положил его себе в левую руку. А дальше самый сложный момент. Изогнув руку, я все же сумел вытащить крючок, не порвав тонкую корочку пирожка.

Да я спец!

Поднес пирожок в губам. Понюхал. Пахнет печеной печенью — вкусно! Откусил. Прожевал. Проронил слезу.

Крылышки, жареные рыбки, я больше не хочу играть с вами. Ветчина, оставайся, в моем сердечке осталось еще место для тебя. Принимай нового жильца.

Я уже разок пробовал пирожки с печенью — купили с Лирой в маленькой лавке в Соуго. Там они были не слишком вкусными, и я зарекся их там брать. Но в высшем обществе едят только самое дорогое и изысканное, может, тут они лучше? И я оказался прав.

Нежную текстуру ароматной печени изящно оттеняла щепотка душистых и чуть островатых приправ, из-за этого пирожок казался горячее, чем он есть. Я подметил, что печень ничуть не отдает горечью. Принюхался. Так и есть, наличествует легкий сливочный аромат — печень отмачивали в молоке. Тонкое тесто почти не чувствовалось, и я оценил подвиг повара: сделать тесто пышным и тонким мало кому под силу.

— Как думаешь, — обратился я к девушке, проглотив первый кусок. — Такие можно купить в городе?

Лири посмотрела на меня, вытащила изо рта шпажку и так же как я, крючком, подхватила пирожок. Прожевала. Уважительно кивнула головой.

— Думаю, можно зайти в дорожную пекарню. Такая есть около Алого рынка.

— Надо купить сертификат постоянного посетителя, — важно кивнул я.

— Обжора, — шутливо осадила меня девушка.

— Ну я маленький. Надо набирать вес.

Лири тихо фыркнула. Я доел пирожок и сцапал бутерброд с икрой. Вот почему пирожки надо брать крючком, а бутерброды — рукой? Загадка...

К нам подошел официант. В руках он держал блюдо с бокалами.

— Леди не желает гверцского полусладкого?

— Леди желает, — кивнула Лири и взяла бокал. Я тоже взял один на пробу.

Сразу же после официанта к нам подошел высокий мужчина. Худой, почти тощий, с впалыми щеками и лихорадочно горящими глазами. Одет в строгий мундир, черный с голубой оторочкой. На коротко стриженной голове выделяется длинная голубая прядь у левого виска.

Вот донные духи, послали к нам Отмороженного.

— Самион и Фольди, — важно кивнул нам он. Погоди, я первый в списке? — Приятно познакомиться с теми, кто чуть не упек моего сына за решетку. Мне нужно с вами пообщаться. Меня зовут Силестин Фироль, я глава отряда Холодных сердец.

«Уже можно стрелять?» — подумал тогда я.

Вспоминая всю историю, которая случилась той зимой, думаю, мне действительно стоило выстрелить.

Глава 6. Вечер потрясений

— Прежде всего, госпожа, — обратился Силестин к Лире, — Хотел бы искренне извиниться за неподобающее поведение сына. Сами понимаете, молодая кровь, горячие головы. Победа над сложным противником вскружила голову как рядовым, так и офицерскому составу. Винить его есть за что. Тем не менее, — Силестин подхватил бокал с подноса пробегающего мимо официанта, — Я хотел бы удостовериться, что вы хорошо понимаете одну вещь. Холодные сердца не забывают ничего.

Глава Отмороженных погрозил мне пальцем. На его лице гуляла усмешка, но я видел жестокость в его глазах.

— Я не стану требовать сатисфакции за убитого солдата. Он был не лучшим рядовым, но, тем не менее, он был одним из нас. Я также не буду чинить вам препятствия в вашей... гм, профессиональной деятельности. Однако, прошу помнить — если вам вдруг понадобится чья-то помощь, не ждите, что Холодные сердца окажут вам ее. Доброго вечера, господа. Добро пожаловать в свет.

И Фироль удалился. Почему-то я ему совершенно не поверил. Как только он отошел на достаточное расстояние (Кот не позволял отвести глаз от опасного объекта), я обернулся и посмотрел на девушку.

Зрачки Лире были шире обычного, бокал она сжимала до белых костяшек, а колени едва заметно дрожали.

— Лира, — когда девушка повернула бледное личико на меня, я многозначительно постучал пальцем по поясу. Вернув себе часть цвета, ведьмочка кивнула и вытащила из крошечного кармашка на поясе флакончик с успокоительным.

Спустя три напряженные минуты девушка расслабилась, дрожь исчезла, а бокалу перестало что-то угрожать.

— Моя леди, вино надо пить, а не держать, — с улыбкой сообщил я девушке и подал пример — махом опрокинул в себя дорогущее вино. Не до букета, знаете ли.

Лира поступила так же. Щечки почти моментально покраснели.

— Другое дело, — одобрительно сообщил я.

Я вдруг углядел одного парня в костюме дворецкого. На голове у него находился головной убор, напоминавший потолстевшую красную кепку с зелеными полосками. Дворецкий стоял перед столиком, на котором находились три подноса с пустыми бокалами. На моих глазах он взял со столика одну из приготовленных бутылок алкоголя, откупорил ее, и просто перевернул горлышком к полу, вытянув руку в сторону столика. Выливающееся вино послушно собиралось в шарики, летело по воздуху и элегантно умещалось в бокал.

Дворецкий был чудесником. Хорошо же люди живут...

— Анди, монна, — нас поприветствовал подошедший высокий мужчина в красном мундире. Я его не заметил, как как пялился на чудесника.

— Анди, — кивнул я. — Чем обязаны?

— Я Арке Ле Нар, офицер-вербовщик из отряда «Теплый пепел». Хотел поинтересоваться у вас насчет правдивости слухов, ходящих о вашей персоне, анди Самиион.

— О. В целом, слухи несколько превозносят мои реальные заслуги. Двести двадцать цвергов, жутчайший перегрев и перенапряжение мощепроводов всего организма. Ушибы, переломы, все такое.

— Мои предположения были на уровне пятидесяти цвергов. Вы меня сильно удивили. Не хотите ли вступить в Теплый пепел? — в лоб спросил он.

Я охренел.

— После испытательного срока вы можете занять место в офицерском составе нашего отряда...

— Уважаемый анди Ле Нар, со всей любезностью, я откажусь. Я уже подписал долгосрочный договор с монной Фольди, а я не из тех людей, которые нарушают слово.

Брови Ле Нара чуть выгнулись. Потом он внимательно окинул взглядом меня, потом Лиру. От его живого, изучающего взгляда я даже прижал уши под беретом.

— Что ж, понимаю и принимаю ваш ответ. Если вдруг надумаете, обратитесь в Дворец Наемников. Такие инферналисты, как вы, всегда нарасхват.

Очередной посетитель удалился, и тут уже я тяжело оперся подхвостьем на стол с закусками. И тут Лира меня фатально удивила.

Она облокотилась на стол, цапнула бутерброд с икрой и, перед тем, как откусить, ехидным голоском задала мне такой вот вопрос:

— Как думаешь, он счел нас парочкой?

Я поперхнулся воздухом.

И вот что я должен ответить тебе, женщина?! Отвечу «да» — оба помрем от смущения. Отвечу «нет» — возможно, обижу Лиру. А там снова привет тебе, летающая и карающая мухобойка.

— Все может быть, Лира. Может, он заметил уверенность в моем взгляде, говорящую однозначное «нет». Может, он и правда счел нас парочкой.

И тут, наконец, свершилась ошибка. Алкоголь затуманил мой рассудок.

— Строго говоря, мы действительно напоминаем парочку.

От Лире чуть не хлынул пар, настолько быстро она покраснела. Глаза округлились, а между пальцами руки около рта и носом проскочила яркая электрическая искра — на мгновение Лира утратила контроль над собственной Мощью.

Ведьмочка быстро отвернулась от меня, торопливо пережевывая бутерброд. Я тоже рефлекторно отвернулся — осознал сказанное.

Идиот. Дебил. Самоубийца. Что, Джас, что-то металлическое звякнуло между ног? Что это вообще было?

Вообще, это уже достаточно давно стало меня волновать. Когда я был в теле кота, то меня абсолютно не волновал тот факт, что мы с Лирой разного пола. Я был котом, она — хозяйкой. Фамилиар и ведьма, компаньоны, друзья. Нашей доверительной дружбой я очень дорожил.

Но в человеческой форме я замечал за собой, как смотрю на изгиб бедер девушки, как могу полюбоваться тем, как она читает, откидывая с тонкой шеи непослушные кудряшки...

Вот это и волновало меня больше всего. Не сказать, чтобы я хотел делать шаг дальше. Меня прекрасно устраивало наше текущее положение. Друзья и компаньоны. Но что делать, если я иногда прикладывал усилия, чтобы отвести взгляд от ее серо-зеленых глаз?

Неловкую сцену прервал вернувшийся Ланз Со Кромм, сияющий, как начищенный пятак. С ним шел еще один мужчина, в точно таком же наряде с обилием бычьей тематики. Отличался он короткой стрижкой, не самым большим ростом и несколько бульдожьими чертами лица, хотя ему нельзя было дать и тридцати.

— Дорогие мои гости, не заскучали? Это мой давнишний компаньон, дружим с детства.

Саул Угрюмый. Фамилия такая.

— Монна, анди, — поприветствовав нас неожиданно красивым, бархатистым голосом, поклонился Угрюмый. Фамилия была ему, так сказать, к лицу — оно почти не двигалось, застыв в выражении недовольства самой вселенной. Зато глаза у него были яснее неба, веселые и искрящиеся. — С моим другом вы уже знакомы. Рад поприветствовать Убийц мотылька.

— Рада знакомству, — поклонилась Лира, уже спокойная. Ее выдавал лишь лихорадочно блестящие глаза. — Я Лира Фольди, ведьма. Мой компаньон, Джаспер Самиион.

— Господа, вы не против продолжить вечер в моем поместье? — с вежливой улыбкой спросил Со Кромм. — У меня есть для вас ценная информация, требующая конфиденциальности.

— В его поместье ничего подслушать невозможно, — согласился Угрюмый.

— Я не против, — отозвалась явно заинтересованная Лира. Я тоже кивнул.

— Тогда пройдем, господа. У меня карета на спирит-приводе, с вместительным багажным отделением. Ваша спирит-карета, Стриж, если не ошибаюсь, прекрасно туда поместится. Ехать совсем недолго.

Лира, Угрюмый и Со Кромм пошли на выход. Я же отстал, чтобы положить в карман пару пирожков с печеню.

Трудно избавиться от пролетарских привычек, знаете ли.

Спустя каких-то полчаса мы вышли у поместья Угрюмого. Пока Лира выбиралась из просторной кареты с кожаным салоном, я осмотрел поместье, сияющее окнами в вечернем морозном воздухе.

При взгляде на него я очень и очень сильно удивился.

Небольшой дворик за кованой оградкой. Три этажа. Наше положение чуть сбоку поместья позволяло рассмотреть то, что оно было образовано тремя крыльями в форме буквы «Т».

Это была почти точная копия нашего «Медоносного Призрака».

— Анди, монна, прошу. Мое бродячее поместье, «Призрак Гвоздей», — широким жестом обвел поместье Со Кромм.

Что за вечер удивлений? Я уже порядком утомился от впадения в охреневание.

Мы миновали дворик, пока слуги сгружали тщательно закрепленного Стрижа. Входная дверь сама по себе распахнулась перед нами. В пороге я заметил истертую шляпку медного гвоздя.

Сразу за порогом нас встречал Призрак.

Такой же высокий и истощенный, и с такими же нечеловеческими бездонными глазами, пусть и размером поменьше, чем у Амелии. На это сходства заканчивались.

На нем была изорванная одежда дворецкого. Сквозь многочисленные прорехи были видны ожоги, свежие шрамы и шляпки вбитых, видимо, в кости гвоздей. Гвозди также были вбиты в костяшки рук, в скулы, и в скальп — там их было особенно много, забитых не полностью, гнутых, искривленных. Волос у Призрака Гвоздей не было, но вот ужасающая шевелюра — была.

— Приветствую гостей господина, — церемонно поклонился Призрак.

Ого. Я думал, что все Призраки бродячих поместий такие же молчаливые, как Амелия.

— Рад вас приветствовать, господин, — поклонился я. Лира молча обозначила поклон.

— Что вы, какой господин, — с широкой улыбкой ответил Призрак, — всего лишь скромный главный дворецкий господина. Ко мне можно обращаться по имени — Ромен. Господин, приемная готова.

— Замечательно, Ромен. Что бы я без тебя делал, — улыбнулся Ланз.

Внутренняя планировка поместья была точно такой же, но вот дизайн отличался — все было выполнено в светлых тонах, повсюду стояли горшки с распутившимися цветами, было весьма светло от обилия электрических светильников.

Ланз провел нас в помещение, где у нас был магазин. Это была настоящая приемная — несколько диванов возле широкого журнального столика, уставленного пепельницами и статуэтками-безделушками. Я заметил странный предмет, стоявший в специальном креплении возле стены.

Это, судя по всему, было церемониальное оружие. Стальной посох, сияющий и блестящий, с человеческий рост. Навершие было выполнено в виде головы быка с двумя выставленными рогами и шипами на голове в промежутке. Нижняя часть посоха была сделана в виде копыта.

Наверняка это было невероятно тяжелое оружие.

— О, анди Самиион, вы подметили мою гордость. Это мое оружие, — заметив мой взгляд, пояснил Со Кромм.

— Церемониальное?

— Почему? — удивился хозяин поместья. — Боевое. Молот Стальных рогов. Мы такими сражаемся. Обычно, правда, они сделаны несколько попроще, но за это чудо я заплатил целых сто пятнадцать лун. Сталь закалена волшебниками Инферно и Завихрений, выкована кузнецом-солнечником. Оцените резьбу по древку.

— А сколько весит?

— Восемьдесят килограммов.

Мда. Я, наверное, вешу в половину меньше.

— Анди Со Кромм, — подала голос Лира.

— Прошу вас, просто Ланз. Если позволите, я тоже буду звать вас по имени.

— Позволяю, — улыбнулась Лира. — Я хотела поинтересоваться. Вроде, эти поместья выдаются только за какие-то заслуги, я права?

— О, это замечательная история. Присаживайтесь. Вина? Чая?

— Чай, — ответила Лира.

— Теплого молока, если можно, — пожелал я.

Воцарилась немая сцена. Первым нарушил молчание Угрюмый.

— Не считите за дерзость, анди Джаспер, но сколько вам лет?

— Двадцать. Я был крайне сильно болен последние лет десять, потому ростом я не выдаюсь, — со смешком ответил я. — Просто надо кости укреплять.

Я врал. Просто люблю молоко, и не вижу причин себе отказывать.

— Я услышал, — кивнул вплывший в помещение Ромен. — Чая молодой госпоже, стакан теплого молока анди Самииону. Позволю себе предложить вам какао на молоке. Наша главная кухарка делает просто превосходный какао.

— О, если можно.

Какао я пил в последний раз еще в той жизни. Как бы меня не захлестнуло волной сбивчивых, фрагментированных воспоминаний...

— Господам вина, прав? — продолжил Призрак.

— Да. По бокалу гверцского белого.

— Передам распоряжения. Приятного вечера.

Ромен выплыл из комнаты. Дверь сама собой закрылась за ним.

— Что ж, — Ланз сел и откинулся на спинку одного дивана. Мы заняли диаметрально противоположное положение. Угрюмый сел сбоку, вытащил из кармана кисет с табаком и принялся набивать трубку. — Я не буду томить вас долгой и подробной историей. Пять лет назад Обагранные пробрались в сердце Диртца, прямо к Санго, и начали осаду. Это было настолько неожиданно, что власти города даже не успели заключить контракт с каким-либо другим отрядом. Пока наш глава спешно выбивал нам выгодные условия, я с еще тремя офицерами, без толковой поддержки, защищали главные ворота. Мы бились без перерыва около пяти часов против превосходящих сил, но сумели отстоять ворота. К моей скорби, все товарищи погибли. Я остался последним. Когда я выздоровел после многочисленных ранений, меня предоставили к награде, коей и послужило поместье «Призрак Гвоздей». По сути, отдарились — ходили недобрые слухи про этого Призрака. Однако, я быстро нашел общий язык с Роменом. На самом деле, приятный человек.

— Перейдем к делу, Ланз? — выпустив трубку изо рта, спросил у хозяина Саул. Его взгляд больше не метал веселые искорки.

— Да, пожалуй, что, — Со Кромм моментально стал серьезным, наклонился вперед и свел перед собой руки домиком. Теперь он выглядел не как развеселый аристократ, а как боевой офицер. — Монна, анди, эта информация строго конфиденциальна, и не должна попасть в ничьи руки. Вы меня понимаете?

— Полагаю, это не так трудно соблюсти, Ланз, — несколько растерянно от резкой смены обстановки кивнула Лира.

— Замечательно. Мы в курсе, что вы на ножах с Холодными сердцами. Весь отряд Стальных рогов тоже находится с ними в вялотекущей вражде. Мы могли бы помочь друг другу.

— И как? — задал вопрос я.

— У нас есть подозрения, что Холодные сердца что-то готовят. Они тайно наращивают боевую мощь, ищут редкие эффекты волшебства. Их офицерский состав часто в разъездах вместе с частью личного состава. Мы понятия не имеем куда они ездят, не знаем цель их поездок и, главное, их сообщника. Или сообщников.

— Мы беспокоимся, — подхватил Саул. — Что Отмороженные могут серьезно дестабилизировать обстановку в Стране рек. Нам это не нужно, наш отряд устраивает и текущее положение.

— Революции постоянно меняют политический облик Белой долины, — продолжил Ланз. — Сколько княжеств исчезло со страниц истории даже во время последней революции, а про отряды и говорить нечего. Проклятье Солнечного пика можно и нужно подкармливать небольшими порциями крови, но когда идет революция по всей долине, то Проклятье обжирается кровью, и никак не может остановиться. Драки и бунты вспыхивают из-за малейшей тени недовольства. У нас есть мнение, что Холодные сердца готовят именно такую революцию. Всеобщую. Такую же, какая была после Летней войны.

— У нас были сторонники среди других отрядов, — подал голос Саул, выпустив облако густого дыма. — Например, Тьма глубин. Они действовали более открыто, чем мы, и что же? Потеря трети рядового состава. Им будет тяжело оправиться. Кроме того, кто-то планомерно, с хирургической точностью вырезал их осведомителей. Вы же сейчас

наступили на самолюбие и появившуюся непомерную гордость Отмороженных.

— И как же? — любопытствовал я.

— Чуть не упекли наследника главы отряда за решетку, — хмыкнул Саул.

— Не мы первые начали.

— Кто первый начал — это их интересует в самой меньшей степени. Хорошо, что вы убили не его, — жестко ответил Ланз. — А то вы были бы уже мертвы. Тем не менее, вы в опасности. Стальные рога хотят вам помочь. Приставим к вам охрану, наши патрули будут регулярно ходить около вашего поместья — мы и так охраняем город наравне со стражей, в основном центр, правда...

— Но вы же делаете это не из человеколюбия, я прав? — спросил я.

— Нам нужно, чтобы вы в середине зимы посетили ежегодный бал в поместье Фироля. Там мы вас прикроем, а вы должны найти что-то, что поможет нам в расследовании.

Воцарилась тишина. Стальные рога ждали нашего ответа, а мы с Лирой тщательно обдумывали предложение.

— Скажи им, Ланз, — внезапно нарушил тишину Угрюмый.

Со Кромм тяжело вздохнул.

— У нас двоих есть предположение, что тут замешана одна из нескольких группировок червивых. Или Тысяча Глаз, или Червивое Яблоко.

Мы с Лирой синхронно выдохнули.

— Агентура докладывает, что отдельные маленькие отряды Отмороженных видели перед несколькими терактами в Драконьих королевствах, — Саул договорил и выбил из трубки пепел.

— Мы постараемся помочь. Но нам нужно больше вашей информации, — неожиданно ответила Лира.

Я с удивлением обернулся на девушку.

— К сожалению, всю касающуюся дела информацию я могу сообщить только лично. Я больше не доверяю ни бумаге, ни духам, — с сожалением ответил Ланз.

В дверь постучались. Со Кромм хлопнул в ладоши. В комнату вошла горничная и принесла нам напитки. Мы прервались на них. Не знаю насчет вина, но чай у Лире обладал приятным молочным запахом, а мой какао был превыше всяких похвал.

— Час поздний, — произнес Со Кромм, — Предлагаю встретиться еще раз и еще раз все обсудить. Подробно. С последними данными, нашими предположениями. Может, главой контрразведки.

— Джаспер, хотел бы с тобой перекинуться парой фраз, — сказал Саул.

Я кинул удивленный взгляд на него. Лира — на меня, а Кромм — на Саула.

— Да ладно вам, что, уже нельзя посекретничать? — усмехнулся Угрюмый, вернув свои веселые глаза.

— Я пока помогу девушке одеться. Договоримся о следующей встрече, монна Лира?

Лира кивнула, легко вскочила на ноги и вышла из комнаты. Ланз запер за собой дверь.

Мы остались один на один с Саулом. Что ему могло от меня понадобиться? Хотя я уже догадывался.

Целую минуту Саул просто молча изучал меня, а я изучал его.

— От тебя пахнет котом, — наконец изрек он, потушив трубку.

— А от тебя собакой. Причем вряд ли у тебя есть собака.

— Ты такой же?

— Какой же?

— Оборотень наоборот? Что у тебя под беретом?

— Уши, — сощурился я и на всякий начал прогрев.

— У меня накладной хвост, — усмехнулся Угрюмый, — Ты ведь тоже странный кот?

— Лысый. Пока таких не видел.

— А, сфинкс. Я тоже такой, необычный. Мопсов я тут тоже не видал.

Меня как током ударило.

— Приятно встретить собрата, — искренне ласково улыбнулся Саул. — Я фамилиар

Ланза. Ты — Лиры?

— Ну да.

— Воспоминания вернул?

— Далекое не все.

— Я напишу одному человеку. Он тебе поможет.

— Ты знаешь сфинксов и мопсов. Ты с Земли?

— Да. Из восточной Европы. То ли Литва, то ли Латвия, не могу вспомнить. Абсолютно все воспоминания ты все равно не вернешь.

— Я вот вообще не могу ничего вспомнить насчет этого. По существу, я мало что помню.

— Нужный человек все тебе прояснит. Если тебе нужна будет помощь, ты знаешь, к кому обратиться, — он встал и протянул мне руку. — Собрат?

Я тоже встал и искренне улыбнулся. Пожал его руку.

— Сородич.

Глава 7. Начало настоящих тренировок

Вернулись мы с приема абсолютно обессиленные и сразу же завалились спать.

Утром я проснулся от трели Лириного будильника. Потянувшись в теле кота, я спрыгнул с кровати, слишком большой для одного меня, и с трудом открыл дверь. Мы с Лирой пересеклись в коридоре: девушка точно так, как и я, решила не разлеживаться. Переглянувшись, мы улыбнулись друг другу и пошли умываться.

Освежившись и почистив зубы, мы спустились за завтраком — нас манил запах свежесваренного кофе. Уже приближаясь к кухне, мы услышали голос Ранфа:

— Проклятие наложила Пепловлася.

— Сарцикка что ли? — переспросила Фелиция.

— Она самая.

— Мне эта дрянь никогда не нравилась.

— Судя по всему, ты ей тоже, раз она согласилась на такой заказ.

— Поступил как обычно?

— Естественно, Фел. А что мне оставалось? Тысяча дала ей в руки гримуар с Запретным ведьмовством. Пришлось убить ее и немного почистить ее окружение. Сумел выйти на ячейку, предоставившую ей такие сведения, и ее тоже зачистить.

— Работал один?

— Нет, Сольпуга был на подстраховке. Ячейку чистил с Короедом, она в горах хорошо обучилась. Она стала похожа на Базиля.

— Пояснишь?

— Оперирует только маленькими объемами Мощи, но контроль превышает всяких похвал. Что удивительно, предпочитает работать без облака. Хотя с ее саблей это было бы убийственное сочетание.

— Ранили?

— Врать не буду, — в голосе Ранфа мне показалась виноватая улыбка. Наверное, показалось. — Но Сехк уже все подлечил. Как всегда, в порядке.

— Я уже не знаю, братья ли мне снова за твои руки? — горестно вздохнула Фелиция.

— Не думаю, что будет толк. Привык уже.

— Твои руки — один сплошной шрам, — в голосе Фелиции зазвенело осуждение, но ноты тревоги все равно прослеживались.

Лира наклонилась, взяла меня на руки и прошептала на ухо:

— У меня в лаборатории было кофе и небольшой запас ветчины. Предлагаю схомячить и не мешать им.

— Семнийская? — в ответ прошептал я. Лира кивнула. — Потянет. У меня с вчера в карманах лежат два пирожка с печенью.

Ведьмочка прыснула в ладошку. Повернувшись, мы стали удаляться от кухни в сторону Лириной лаборатории.

А все же интересно, что тут забыл Ранф.

— Люмпен, — шутливо-осуждающе отчитала она меня. Это она про похищение пирожков.

— Какие есть. Я могу быть самым боевым парнем на свете, но внутри меня живет голодный Кот.

Ли́ра не сдержалась и захихикала.

Мы сварили кофе в тщательно отмытом тигеле. Ли́ра добавила в свежесваренный напиток лимон, щепотку каких-то ароматных трав, разлила по объемным стаканам и нарекла это «кофе по-ведьмински». Пока она нарезала ветчину и неожиданно обнаружившийся сыр, я сгонял в свою комнату, обратился, оделся и вынес пирожки.

Приятно свежее осеннее утро, беседка над обрывом, усыпанная пожелтевшими листьями, терпкое и кислотоватое кофе по-ведьмински, еще отдающее ранозаживляющим отваром, прохладные, мятые пирожки с печенью и тарелочка сочной, острой ветчины. Чем не идеальное утро?

После завтрака меня поприветствовал Гальза. Как обычно, откуда-то из-под очередной тумбочки — большая часть отопляющих решеток была спрятана от посторонних глаз.

— Кот, нас ждет новое обучение.

Я наклонился прямо к решетке.

— Гальза, я только поел. Меня же опять стошнит.

— Я чувю, что сейчас ты человек. Так что не должно. Спускайся.

Я только вздохнул.

— Иди, — улыбнулась Ли́ра. — Ты каждый раз выходишь оттуда все сильнее и сильнее. Приятно видеть моего фамилиара таким сильным.

Я улыбнулся в ответ и пошел в каморку под лестницей.

Как и всегда, комнатуха Гальзы встретила меня распахнутым жерлом исполинского котла, духотой и жарой. Ящер уже ждал меня, сидя в своей забавной кошкоподобной позе.

— Серьезный разговор, кот.

— Слушаю.

— У меня есть гара «рганду». «Присутствие». Именно она помогает мне отслеживать некоторую часть абстрактного внимания на наше поместье. Как ты помнишь, благодаря ей мы и начали заниматься. Но сейчас все еще хуже, чем было тогда.

— В смысле?

— На поместье теперь сконцентрировано внимание десятков разумных. Один взгляд очень и очень недобрый. Что, Гибельная гора под твоим домом, вы делали на этом приеме?

— Пообщались, — хмуро ответил я.

— Пообщались, — хмыкнул Гальза. — Превосходно пообщались. Будь бдителен, наращивай Мощь. Будет прекрасно, если до конца месяца ты познаешь предел Амадея. Занимайся Серпентисом. Теперь тренировки через день, после заката, — галгара закончил инструктировать меня и немного помолчал перед следующей фразой. — На самом деле, есть еще один важный разговор. Откладывал до последнего.

— Внимательно слушаю.

— Хочу обменяться с тобой гарами.

— Что? — ошарашенно спросил я.

— Я хочу себе твои «угул». Могу обменять на «присутствие».

— Насколько я помню, ты говорил, что эта процедура ослабляет силу гара.

— Да, так и есть. Но добровольно переданная гара ослабевает всего на одну десятую потенциала. В долгосрочной перспективе это важно, но в краткосрочной иметь такую гару

как «угул» будет полезно мне, а «присутствие» — тебе.

— И какое же применение?

— Видеть внимание и, отчасти, цель действия. Знать, кто из толпы врагов выстрелит. Знать, куда наметил удар боец-противник. Знать, куда полетит брошенный тобой камень.

— Полезно, соглашусь. Но что я теряю?

— Ну, не сможешь призвать гвалтрхара и раугу-гарр. Огромные, живучие твари, на которых охотятся целыми племенами. Но, в любом случае, показать тебе я их не смогу, так как никогда вживую не видел. Я хотел сказать тебе, чтобы ты это обдумал. Не нужно давать ответ сразу. Грал го нарва до ссонд.

— Что?

— Поговорка. Остуди огонь, покажи угли.

— Сколько времени даешь?

— Полагаю, недели тебе на раздумья хватит.

— Полагаю, да, — ответил я и призадумался. А потом уронил: — А что ты готово обменять на «пространство»?

Гальза замер. Четыре сияющих раскаленным янтарем глаз смотрели на меня не отрываясь.

Я ощутил, что нахожусь в опасности. Никакое «присутствие» тут и не требовалось.

— Как минимум три клейма, — наконец изрек Гальза. — «Чешуя», «кромка» и «плавление». Это минимум. Подумаю и добавлю к перечисленному еще что-то. Тяжело терять часть наработанного. Я, знаешь ли, полностью освоил вагарр.

Гальза развернулся из клубка, встал на четыре конечности и неожиданно больно всадил мне в плечо коготь. Сантиметра на два. Я не сдержал вскрика.

— Сейчас мы разучим плавление и сразу несколько угул.

— А не много? — забеспокоился я, потирая кровоточащее плечо. Очевидно, разговор про клейма окончен.

— Кот, — ощерился галгара. — Мы с тобой скоро год как занимаемся Отпечатками. Думаю, ты выдержишь. Давай, узри, — и он протянул ко мне свою когтистую руку, уже объятую кровопламенем.

И я узрел. Увидел всю ужасающую силу и такую изящную простоту «плавления». А потом я увидел угул.

Все помутилось.

Посмотрел на галгару. Пока не могу одолеть. Надо сбежать.

Выпустил из рук (*почему их всего две?*) струи огня — мигом вылетел из каморки. Воткнулся головой в стену. Больно, но чешуя спасла. Разрывая когтями на лапах ковры, вылетаю на улицу. Выбиваю плечом дверь. (*Что я творю?*)

Оказываюсь на улице. Холодно. Не Инферно. Наплевать. Я хочу убивать. Заберу клейма и стану сильнее. Тут все волшебники, я знаю. Пожру их плоть, выпью их кровь. Обрету силу.

Прыжком перемахиваю через весь двор. Вторым прыжком перепрыгиваю забор — калитка из железа, так просто не выбить.

На улице самка с детенышем. Испуганно смотрят. Запах страха. Температура повышается. Сладко. Их плоть будет такой же сладкой.

Кто-то перепрыгивает стену поместья. Смотрю. Плевать на самку.

Высокий, сильный. Серая кожа, черные глаза полны голода. Роккулу. Достойный враг. Его мясо пойдет мне на пользу.

Кидаюсь на него. Меня перехватывают и вбивают в землю. Зря он так. Почти не меняя положения, кусаю за лодыжку. Роккулу хрипит от боли. Мерзкая рыба холодная кровь наполняет пасть. Где сила? Где клейма? Придут позже, наверное.

Меня поднимают и еще раз вбивают в землю. Сложно сопротивляться — руки переломаны. Переоценил. Роккулу сильный. Меня раз за разом вбивают в землю, во все стороны летят комья земли и моя чешуя.

Обессилен. Избит. Роккулу поднимает камень и бьет меня по голове.

Темнота.

Прихожу в себя во дворе. Тело нещадно болит. Снова у меня болит я. Напрягает тенденция.

Пытаюсь осмотреться. Рядом стоят все обитатели поместья, включая Гальзу. Нет Амелии, но и понятно, в общем-то: она не может выходить из дома. Также, почему-то нет Ранфа.

— А что, собственно, случилось? — спрашиваю я. Голос хриплый, будто тоже переломан.

— А ты перегрев словил, — отвечает Гальза. — Такое иногда случается. Чувствовал себя галгарой?

Я вспоминаю и ужасаюсь.

— Я хоть никого не съел?

— Нет, Джаспер, — отвечает Дамиан. — Гальза предупреждал, что такое может случиться. Пришлось, правда, немного покорежить тобой дорогу. Ты очень живучий, никак не хотел вырубаться. Извини за камень.

Голова и вправду раскалывается.

— Что с женщиной?

— Я ее подкупила, — объяснила Лира. — Сказала, что случайно призвала духа жестокости из Завихрений. Наплела с три короба, подарила сертификат на зелья, денег дала.

— Ох-х, — я снова откинулся головой на такую мягкую и холодную траву. — Ну и кошмар.

— В этом моя вина, — пророкотал Гальза. — Я несколько переоценил тебя, дал слишком много Отпечатков. Как-то ты их в кошачьей форме легче держал.

— Зато меня не вырвало, — сдохмил я перед тем, как снова отрубиться.

Удивительно, но все раны исчезли вместе с чешуйчатым обликом — кости срослись, ссадины затянулись. Так что и мое восстановление не продлилось долго. Лира напоила меня полудюжиной разных отваров, намазала тремя мазями, и уже к вечеру я был как новенький.

Когда я, уже снова в образе кота, вышел из комнаты, Гальза приказал мне выйти на задний двор поместья. Сказал, что схема тренировок меняется. Я только поморщился. Неужели сегодняшнего недостаточно?

И да, и нет. На улице, в тренировочной одежде и со своими устрашающими дольг на

руках, меня ждала Гиз.

— Гальза приказал тебя потренировать. Сказал, чтобы ты перекинулся в галгара-нар и дрался так.

— Уф-ф, — тяжело выдохнул я. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось драться.

— Быстрее, — жестко поторопила меня Гиз.

Глаза у нее сверкнули сталью. Поняв, что с волшебницей спорить толку нет, я отправился в свою комнату, переоделся в похожий тренировочный костюм — мягкие тканевые брюки и свитер — и вышел обратно во двор.

Гиз нигде не было видно. Я придиричиво осмотрелся. Понюхал воздух. Она где-то здесь. Включил теплозрение, и лишь благодаря ему спас свои зубы.

Земля подо мной разверзлась, и оттуда выпрыгнула волшебница. Вынесенным вперед кулаком в стальной перчатке она вполне могла раскрошить мою челюсть. Спешно покрываюсь чешуей, секунда, и отращиваю ее *правильно*.

— Врага не будет волновать, в каком ты состоянии, — произнесла Гиз, мимолетным движением выбив из хвоста косиц комочки земли. — Враг нападает из засады. Враг хочет убить тебя любой ценой.

Я просто молча поднял предплечья в классической защитной боксерской стойке. Это она коту рассказывает, ха-ха?

Налетаю на нее, и понимаю, что девушка чертовски сильна. Гибкая, стройная как тростинка Гиз играючи уходит от моих атак, мягкими шлепками по вытянутым в ударе рукам перенаправляет векторы моего движения, сбивает мне центр тяжести. Я дерусь с воздухом, шатаюсь как пьяный.

Удар по лицу — девушка уворачивается, снова молниеносным движением шлепает ладонью по локтю, и меня ведет влево. Меня настигает весьма чувствительный удар в печень.

— Джаспер, соберись! — грозно окрикает меня Гиз. — Вы, инферналисты, мастера боя. Любым другим волшебникам можно найти сотни применений, но вы — короли поля битвы. Инферналист обязан сражаться в любом виде, в том числе и в рукопашке. Как ты защитишь Лиру?!

Внутри меня вспыхивает злорадия. Подумав, даже не думаю гасить ее.

Чешуя удлиняется в шипы. Зловещая улыбка переходит в оскал от угла до угла челюстей. Привычное зрение смешивается с теплозрением. Чувствую, как хвост утолщается, покрывается костяным гребнем.

— Что ж, поиграем по-взрослому, — это не слова, это змеиное шипение.

Бросаюсь на нее. Повторный удар в лицо. Очередной толчок под локоть. Не пытаюсь выровнять равновесие, кручусь вокруг оси и заряжаю волшебнице в живот мясистым хвостом.

И от отдачи отступаю на два шага. Как в стену зарядил.

— Уж лучше, — улыбается Гиз, держась за все же отбитый живот. — Продолжим?

И мы дальше деремся. Почти без перерывов — пауза в десять секунд после очередного ее и, реже, моего особенно сильного удара. Гиз ловкая. Гиз быстрая. Гиз прекрасно видит импульсы силы, векторы движения, на лету рассчитывает силу своих ударов, чтобы повалить меня на траву.

Я стал тяжелее. Хвостом компенсирую смещение центра тяжести. По усилению движения горячей крови волшебницы вижу, какой частью тела она ударит. Прочность моей

брони нивелируется ее стальными дольгя. Земля вокруг нас покрыта моей рассыпанной чешуей.

После десяти минут непрерывного боя забываюсь и, когда Гиз допускает оплошность, звучно щелкаю челюстями в миллиметре от ее носа. Волшебница в непритворном испуге отшатывается, но тут же берет себя в руки.

— Неплохо.

— Врагс-с не дрем-млет, с-с. Враг подл и ковар-рен. Я тоже ковар-рен. Буду ис-с-пользо-с-соватьь вс-се, что мн-не дан-но.

— Правильный настрой, — кивает Гиз и зловеще ухмыляется. — Вижу, ты разогрелся. Теперь я тебя кое-чему научу.

Справа от меня бьет фонтанчик земли, будто там разорвалась миниатюрная граната. Комья земли, уже осточертевшие за сегодня, бьют в лицо и ослепляют. Полагаюсь только на теплозрение, но в бою его использовать куда труднее обычного.

Гиз налетает неожиданно, бьет поддых, по челюсти — щелкаю зубами, но не достаю, — по печени, награждает двумя ударами по животу. Отшатываюсь, думая, за что первым схватиться.

— Твои враги — волшебники. Они будут применять волшебство. Дерись, применяя свое.

Я рычу и из пасти пускаю в Гиз струю огня. Та уворачивается, но я уже тут и с силой бью ей в печень. Гиз охает.

— Примерно такс-с? — злорадно спрашиваю ее.

— Примерно, — отвечает Гиз. Внезапно чувствую, как сила тяготения потеряла надо мной власть — подлетаю в воздух, молочу руками, ногами и хвостом по нему, но не помогает. — Ошибка раз. Волшебство годится не только для отвлекающего маневра.

Волшебница замахивается, и я ничего не могу сделать. Только сжаться.

Удар невероятной массы буквально вбивает меня в стену поместья.

— Ошибка два. Не все эффекты годятся для сверхблизкой дистанции.

Волшебница отпускает меня, и я неловко падаю на траву.

— На сегодня все. Завтра днем повторим. Гальза настоятельно рекомендовал натаскать тебя, и таскать по траве я тебя буду каждый духов день.

Я с затаенной радостью втягиваю чешую.

— Почему не он сам? — спрашиваю я. Волшебница подходит ко мне и протягивает руку.

— Потому что он не человек, а тебя надо натаскивать на людей-волшебников. И еще, потому что он очень сильный. Пока тебе рановато. В тот раз, когда ты дрался с ним, Гальза не показал и десятой части потенциала.

Вспоминаю бой Гальзы и Дамиана и согласно киваю. Принимаю руку Гиз. Та приподымает меня и награждает несильным, но ощутимым толчком в лоб. Снова падаю на землю.

— Ошибка три. Враг вряд ли будет щадить тебя. Вообще, у тебя есть неплохая база, есть талант к ближнему бою. Сильно не хватает практики.

И волшебница уходит.

Я лежу в своей комнате. В человеческой форме. Размышляя, прядая ушами. Покачиваю в руке пузырек с новым зельем Лиры.

Пошел восьмой час моей человеческой формы.

Лира подогнала царский подарок — зелье-стабилизатор для моей матрицы. Сказала, что это не очень полезно для здоровья, так как, по сути, усиляет действие проклятья, но для меня в самый раз. Так оно и оказалось.

Как только я выпил шестидесятиградусный эликсир с мощным вкусом лаванды, то сразу же ощутил, как мистическая пружина внутри меня снова собралась. Глоток дарит мне около двух часов, по моим прикидкам. Но в то же самое время, эликсир чувствительно бьет по печени. После каждой склянки надо пить восстанавливающие зелья, да и больше двух в неделю мне пить никак нельзя.

Но мои мысли поглощены вовсе не зельем. В ушах стоят упреки Гиз, и упреки справедливые.

«Тебя надо натаскивать на людей-волшебников.» «Инферналист обязан сражаться в любом виде.» «Как ты защитишь Лиру?!»

Принимаю волевое решение. Беру неприметную одежду — тренировочные брюки, белую рубашку. Подумав, добавляю галстук-шнур и подтяжки. Ну нравятся мне висящие подтяжки, ничего поделать не могу. Кроме того, это подбавит баллов в правдоподобность моего облика «залетного франта-фраера». Надеваю берет, прикалываю к волосам. Огнестрел побудет дома, с гиль я сам себе огнестрел.

На улице свечерело. Я выбираюсь через окно, чтобы меня никто не заметил. Через стену покидаю поместье. За полчаса выхожу из частного центра, прохожу опустевший Альый рынок, минуя жилой район и вхожу в трущобы.

Спустя десять минут блужданий по закоулкам я вознагражден окриком в спину:

— Йоу, птичка, принеси монетку. Полторашка, к тебе обращаюсь.

Оборачиваюсь. Использую свое преимущество — часть кошачьих способностей и кошачьей же физиологии при мне. Тьма для меня не такая уж и непроглядная. А тут еще и фонарь не так далеко.

Их четверо. Сильные, высокие, закаленные трущобной жизнью. Одеты просто, других тут не водится. У одного в руках оторванный кусок металлической водопроводной трубы. На конце что-то бурое, ожидаемо пахнет кровью.

Шпана и сама пахнет кровью. Агрессией. Желанием поиздеваться.

Я как кот, что забрел в чужой район. Но вот к жизни кота не привыкать. Вы же не думали, что та драка с облезлой животиной была одна?

— Я не птичка, — отзываюсь я, незаметно покрывая руки длинной чешуей Серпентис. Меняю связки. Разогреваю мышцы. Клокочущие внутри меня ярость и Мощь подбираются к пищеводу. — Я кот. А вот вы — птички. Подкинете монетку мне?

Главарь, единственный парень с длинными волосами, заплетенными в неаккуратную косичку, хмыкает. Видимо, это команда, так как на меня бросается один из банды и коротко, без замаха, бьет в лицо.

Использует импульс от своего бега, усиливает удар. Умно.

Отшатываюсь вправо, перехватываю его левой за рукав длинной рубашки и тяну себе за спину, усиливая его импульс. Так мой, точно такой же короткий, удар в лицо выйдет сильнее.

С хрустом выщелкиваю челюсть нападающего. От болевого шока тот падает на землю.

Банда, потерявшая члена менее чем за секунду, застывает. Быстрее всех оживает тот, с трубой — камень с земли сам прыгает ему в руку.

— Повеселимся? — с ухмылкой спрашиваю я и кидаюсь в драку.

Глава 8. Ночное плетение заговоров

Надрав задницу тем парням, (признаюсь, не без некоторого труда), я еще помотался по трущобам. Итогом моих поисков стали еще две гоп-группировки, желавшие моих денег. Денег они не получили, а по мордасам — вполне.

За три схватки формата примерно «один на пять» я стал чуть больше понимать свои возможности. Удивительно, но я заметил, что мне во время драки помогал Кот. Конечно, оттого мои движения были больше звериными, жесткими, но и в то же время гораздо более экономными и эффективными.

Конечно, проблемы были. Я тоже шел домой с расцветающими по всему телу синяками, держась за отбитые каменным кулаком одного солнечника ребра. Неприятным сюрпризом было то, что многие из этой шпаны пользовались волшебством. Не боялись выцветания, твари. Всего суммарно я схватился с тремя солнечниками, одним вихревиком и одним вьюжником. Последний летал вокруг меня, не быстро, но на недостижимой для меня высоте. Помните, что я реально полторашка. Пришлось сбивать его плевками гиль, а то на тот момент он уже задолбал кидать в меня твердые ледышки.

Жертв не было. Я четко контролировал степень прикладываемой силы и Мощи. Хоть и шпана, смерти они не заслуживали. Я не мститель.

И вот такой, несколько отбитый, я притащился в поместье. Уже за полночь. Решил сэкономить на перелезании через стенку и просто открыл тихо звякнувшую калитку. А вот в окно пришлось уже лезть, чтобы никого не разбудить.

Залезаю в свою комнату. Тяжело переваливаюсь на подоконник. Аккуратно приземляюсь на спину и лежу, набираюсь сил.

Слышны громкие принюхивающиеся звуки из-за кованой решетки системы отопления. Гальза посчитал меня вторженцем, хах.

— Кот, от тебя пахнет кровью. Ты где был?

— Бегал, — отшучиваюсь я. Жалко, шутку никто не поймет. Закрываю глаза от схлынувшей головной боли. М-м-м, мемы. Не все, но я вас вспомнил.

— Странно, потом почти не пахнет.

— А ты рубашку понюхай, — уже откровенно ржу я.

— А если серьезно? — задает вопрос темная фигура, сидящая на моей кровати. Стареешь, Джас? Где твое хваленое кошачье обоняние?

По виднеющейся в темноте характерной короткой прическе опознаю мужчину. Мужчина, кроме меня, тут только один. Принюхиваюсь, как галгара до этого. Ну точно, Ранф.

— Ходил тренироваться, — легко признаюсь я. Не хочу делать из этого такого секрета. Главное, чтоб Лира не узнала. Волноваться будет, бедолажка.

— Гопников избивал?

— Как ты узнал? — хмурюсь я, приподнимаясь на локтях.

— Ты ходил куда-то не так далеко. Много запаха пыли, значит, ходил на улице. Запах крови и пота, но пот как у пользователей Серпентиса, такой, характерного ящерного запаха. Значит, дрался. Пришел в синяках, значит, не один на один. Вывод — ходил в трущобы, охотиться на мелкую шпану.

Я охренел. Ни хрена себе он Шерлок.

— А еще я в свое время так же промышлял, — в голосе Ранфа сквозит улыбка. Он поднимается к кровати, подходит ко мне и протягивает руку. Я принимаю помощь и встаю. Ребра ноют, но я молчу.

— Могу помочь с регенерацией. Но будет неприятно, — предлагает вермиалист.

— Ну давай. Неохота перед Лирой избитым ходить.

В темноте вижу, как из ладони Ранфа появляется извивающийся розоватый червь. Меня передергивает. Только это и успеваю перед тем, как червь хищно изгибается и вонзается точно мне в пупок.

— Проклятые духи самой глубины Дна, — вежливо и сдержанно выражаю я свои эмоции. Я прямо чувствую, как животное извивается внутри меня. Падаю на колени. Все синяки и ребра начинают бешено чесаться.

— Метаболическая особь, она же особь-госпиталь. Обволакивает собой поврежденные особи выворотня и подлечивает их. Выворотни стараются заботиться о каждой особи, составляющих их, — объясняет мне Ранф. Вот только боль это ни хрена не снимает.

Рефлекторно начинаю прогрев, поднимаю свою температуру.

— Э, а вот это прекрати, — Ранф обозначивает подзатыльник. — Не сопротивляйся, он сделал почти всю работу. У меня всего пять «госпиталей», если потеряю одного, Сехк опять будет рвать и метать.

Я послушно понижаю температуру. И правда, червь затих. Но я все равно его чувствую. Спустя еще пару минут он снова зашевелился.

— Ну вот и все. Сейчас будет самый неприятный момент.

Действительно. Когда полуметровый червь толщиной с карандаш медленно лезет обратно сквозь пупок... Да я бы похвалил этот процесс, назвав его неприятным. Аж тошнит, мать его. Залез моментально, а как вылезать, так ощущения, будто рожаешь.

Наконец, червь вывалился из меня на пол. Ранф бережно подхватил «госпиталь» и сунул его себе в ранку на руке. Червь послушно забрался в нее, и та сразу же за ним затянулась, оставив крошечный шрамик.

Я понял, почему руки Ранфа такие белые. Проклятье, а я думал, мне неприятно.

— Гальза, согрей немного воды. Мой пациент вспотел как конь после скачек, — со смешком сказал в сторону решеток Ранф. Ха-ха, очень смешно, червивый.

Хотя сравнение довольно точное. Несет от меня будь здоров. Напарился с последней шайкой.

— Прежде чем пойдешь в душ, Джас. Надо поболтать. Я сяду на комод?

— Да пожалуйста. — вообще по барабану, куда он там сядет. На комод у меня лежат только запонки, так что не свалит уж наверное. Мне далеко до накомодного склада Лиры.

— Благодарю, — пока Ранф устраивается на жесткую мебель, я сажусь на кровать. Только сейчас чувствую, как устал. — Итак, Джаспер. Тебе ведь любопытно, что я снова делаю в Княжествах?

— Лишь немного. Понятно, что у вас тут дела. Мы тут тоже теперь по уши в делах.

— Тысяча Глаз что-то готовит в Княжествах. Что-то не сильно хорошее. Сюда стягиваются силы, сильные культисты, лучшие оперативники, даже гвардия Освальда. Точно знаю, что как минимум одно Белое сердце точно здесь.

— Освальд?

— Глава Тысячи. Были с ним знакомы одно время.

— Ты ведь хочешь нашей помощи?

— Отчасти, — признался Ранф. — Вы можете разведывать обстановку в высшем свете. Мне туда пока хода нет. Я, как ты заметил, не самая публичная личность.

— Тогда выкладывай на бочку все, — отрезал я. — Я тоже могу поделиться ценными сведениями на этот счет. В обмен на откровенность.

Глаза Ранфа заинтересованно блеснули в темноте.

— Ладно. Что конкретно тебя интересует?

— Я никак не могу понять, почему вы с Тысячей — враги. Организации червивых, но почему-то враждуете. Как будто у тебя такая цель жизни — понавставлять целый лес палок в колеса этому Освальду.

— Эх, Джаспер, — покачал головой Ранф и замолчал. Молчал он около десяти секунд, после чего тяжелым голосом продолжил: — Когда я понял, что являюсь червивым, то одновременно понял, как несправедливо с нами обращаются. Мы ведь не выбрали этот путь. Ты когда-нибудь видел, как человеку отсекают хвост?

— Доводилось.

— А я в свое время побывал в специальном учреждении на востоке. Не «пациентом», проездом. В специальный приют свозят детей-вермиалистов. Каждый день специальный человек рубит по два-три хвоста, навсегда отрезая детям саму возможность применения волшебства. Они не чудесники, которым плевать, есть ли у них хвост или нет. Даже не ведьмы. Обычные дети, которых заново учат жизни. Часть таких детей потом добровольно проходят модификацию и вступают в специальное подразделение черведаров. Но тогда, в самом начале пути, я не видел этого. Тем не менее, меня переполняла злость. Ярость на несправедливость строя. Я нашел единомышленников. Большую подпольную группировку червивых, называющихся Тысячей Глаз. Я стал культистом, почти сразу же заполучив себе Сехка. Благодаря ему я стал быстро продвигаться по лестнице иерархии. За год я перерос культ и стал оперативником. Оперативников меньше, но им, знаешь ли, не надо парить мозги поклонением духам Дна и всем таким. Они идейные, и я был идейный. Я стал офицером, потом региональным координатором, в итоге вступил в гвардию, регулярно виделся с Освальдом. Меня отделял шаг от становления Белым сердцем. А потом я кое-что понял.

Ранф снова помолчал. Я не перебивал.

— На пальцах. Есть вермиалист. Вермиалиста притесняют. Он идет в Тысячу Глаз. Слушает приказы Освальда, желающего создать государство для червивых. Первая страна, где вермиалистов не убивают, не лишают силы, не используют. Вермиалисты только правят, трудятся, спокойно живут. Наш гипотетический вермиалист слушает жестокие приказы, убивает, устраивает теракты и диверсии, все в многоступенчатых планах Освальда. Однажды он оставляет молодого парня с мертвым отцом на руках. Тот парень становится черведаром и начинает убивать червивых из мести. Он — такой же идейный. Из-за его действий появляются новые культисты. А из-за действий культистов новые черведары. Это замкнутый, порочный круг насилия и мести, из которого нет выхода. Осознав это, я собрал команду единомышленников и откололся от Тысячи Глаз. Отшельник, Коршун, Чайка и Соловей. Теперь нас больше, около пятнадцати, тщательно возвращенных и воспитанных черведаров, плюс три дюжины выворотней, но из первоначального состава осталось двое. Наш путь заключается в другом. Мы стараемся показать аристократии и чиновникам, что червивые — тоже люди. У нас множество контактов во всех госструктурах стран Первого круга, и также в некоторых других. И мы не запугиваем, не угрожаем, не шантажируем. Действуем на

добровольном согласии. Цель Червивого Яблока — показать, что мы такие же яблоки, как и все. Мы заставим основные государства принять наше существование, и не так, как это сделано в Нараллии. Я закурю, ты не против?

Я кивнул. Ранф откинулся спиной на стену и достал из кармана мятую сигарету. Я поднялся с кровати и протянул ему указательный палец с вспыхнувшим на его конце огоньком.

— Благодарю, — Ранф прикурил, глубоко затянулся и выпустил струю дыма. Ха, а сигарета-то с ментолом. До чего дошел прогресс... — Теперь у нас с Тысячей разные цели. Проблема в том, что я не имею связей в Тысяче, по понятной причине. Отступник, предатель и все в таком духе. Я могу только догадываться о действиях Освальда. А он — самый сильный сукин сын из всех, которых я видел. Мало того, он еще и умен как Древней крови.

— Кто?

— Варага. Корона на вершине пищевой цепочки Червивого Дна. Почему так называются, не знаю. Там еще должно быть слово, но оно пропущено даже на языке высших варага. Древней крови. Не склоняется. В любом случае, мы отвлеклись, — Ранф глубоко затянулся еще пару раз. — Я подозреваю, что Освальд перешел к решительным действиям. Тысяча уже начала дестабилизировать обстановку в мелких княжествах на севере Долины. Когда они дойдут до сюда, до юга, всего лишь вопрос времени. Но какую цель тут преследует Освальд, я не знаю. Одно я знаю точно — скоро здесь станет очень жарко. Начнутся бунты, сюда приедут все резервы черведавов, поднимутся наемники, вспыхнет преступность, Почтампт вспомнит былое. Думаю, цель Освальда — революция. Но так ли это на самом деле?

— Моя информация, — наконец раскрыл я рот. — Действия червивых замечены некоторыми отрядами наемников. На нас вышли Стальные рога, с такой же просьбой. Разведка вражеской территории. Вот только есть нюанс.

Ранф заинтересованно вскинул брови — его лицо освещалось пылающим кончиком сигареты.

— Возможно, что у Тысячи есть союзники. По непроверенным сведениям, на стороне вермиалистов выступают Холодные сердца.

Червивый цокнул языком. Мы молчали около минуты.

— Я созову свободных агентов, — наконец, произнес Ранф. — Эта не та угроза, которую стоит игнорировать. Тысяча впервые с кем-то объединилась, надо же... Что вам предложили за разведку?

— Мы тут наступили на мозоль главе Отмороженных, — покаялся я и кратко пересказал всю историю с сыном Силестина. — Так что нам предложили банальную защиту.

— Понял, — кивнул Ранф. — Тогда набираем в поместье персонал.

— Чё? — вытаращил я глаза. Это как бы идет вразрез с понятием безопасности. А вдруг найдем агента Отмороженных? Я уже хотел заявить об этом Ранфу, но тот меня опередил:

— Найм — липа. Придут с полдюжины выворотней, потомков Сехка. Вы будете постоянно находиться под охраной. Переоформите Дамиана как телохранителя, так я за вас буду спокоен на балах.

— Но там же замкнутые пространства, — наморщил я лоб. — А он здоровый как... ну, не знаю что. Удачная идея?

— Ха! Дамиан бы оскорбился. Он не первый год в человеческом теле, так что сражается

получше многих моих агентов. Я бы еще предложил вам летать на охоту с Сольпугой.

— Я все никак не могу понять, кто Сольпуга. Вы так говорите, будто я его знаю.

— Улыбчивый молодой человек, блондин. Работает в земельной конторе. Артуро, вроде. Я привык запоминать всех по позывным.

— Артуро — Сольпуга?

— Ага. Так, насчет Сольпуги подумаем. Насчет просьбы Стальных рогов — выполняйте. Добытые сведения сливаете мне, я фильтрую то, что должно дойти до них. Наверняка вы найдете что-то и про нас, а это нежелательный исход событий. Мне только Стальных рогов в качестве противников не хватало. А вот выступить единым фронтом... — Ранф призадумался. Очевидно, просчитывает доступы к командованию Рогов. — Знаешь, Джаспер, было бы неплохо, если бы ты нашел какого-нибудь единомышленника. Который сможет спокойно воспринять мою с ним беседу.

— Человек на примете есть, — хмыкнул я.

Пружина распрямилась, и я снова стал брыкаться в одежде, пытаюсь найти выход.

— Ну ни хрена себе, — поразился Ранф. — А ты где?

— Где-то в рубашке, — прохрипел я. Ко мне в полном объеме вернулось кошачье обоняние, так что слова Ранфа про лошадь были довольно точными. — Памагити!

Ранф потрудился помочь и за десяток секунд извлек на свет божий мое голое, лысое, но давно уже не тощее тельце. Родился от рубашки, блин.

— Ну ты даешь, — улыбнулся вермиалист.

— Лира постаралась. Пусть и не так хорошо, как хотелось бы, результатом я все равно доволен. Приятно ходить на двух ногах, не чувствуя себя чудиком.

— Ну и последнее, что я хотел с тобой обсудить.

— Давай, и пойду в ванну.

— Твои тренировки. Мне нужно, чтобы Лира была за тобой как за каменной стеной.

— А ради кого я шел пинать гопоту?

— Правильно. Не забрасывай это. Такие поединки оттачивают твой стиль. Гораздо легче драться, зная свои пределы. Тренировки с Гиз тоже продолжай, она замечательный боец. Но ни там, ни там ты не можешь выложиться на полную. Тут есть двойственность. Ты обязан уметь как драться, сдерживая себя, так и драться на пределе сил. Поэтому несколько раз в неделю мы с тобой будем выбираться в Горелье. Там мы будем с тобой оттачивать твоё второе умение.

— Не хочу быть самонадеянным, но мне кажется, что я в предельном состоянии небезопасен для окружающих.

— Во-первых, это надо исправлять. Контроль нужен всегда и везде. Во-вторых, неужели ты думаешь, что способен победить меня?

Меня покоробил его веселый, полный уверенности тон.

— Я многое могу благодаря Отпечаткам. Я победил мотылька, находясь в Ауре. Так что думаю, определенный урон нанесу.

— Я сражался почти всю свою жизнь, чижик. Поверь мне, если я захочу, я буду выматывать тебя часами, без единой царапины.

— Внутри меня сидит Кот. Такой комок инстинктов, желаний и гормонов. В битве он мне сильно помогает. Коты так-то хорошо дерутся, — привел я свой последний аргумент.

— Внутри меня сидит Крыс, — со смешком поделился со мной Ранф. — Ты же слышал поговорку про крысу, загнанную в угол? Так что все. Я понял твои опасения и своеобразную

заботу обо мне, хотя, быть может, ты просто не хочешь пострадать где-нибудь в руинах в Приливной зоне.

— Да я так-то не против, — пожал я плечами. — Мне нравится становиться сильнее. Такие честные схватки, это то, чего мне так не хватало в том мире.

— Видимо, спокойно у тебя там было. Хорошо как. Я что там сражался, что тут. Ладно, хватит заговоры плести. Иди спать. Вот, держи.

Ранфа кинул мне маленький пузыречек. Я подпрыгнул и поймал его ртом, чуть не подавившись.

— Ускоритель сна. Буду тебя такими снабжать. Позволяет спать часа четыре и оставаться бодрым. К сожалению, как и любой другой эликсир, много пить его нельзя. Но сейчас уже три ночи, утром тренировка с Гиз, а вечером — со мной. Так что выспись.

— Понял-принял, босс, — отшутился я. И правда, устал как собака, даром что кот. — Последний вопрос можно?

— Давай.

— Альбатрос, Чайка, Коршун... Почему птицы? И почему тогда Отшельник, Крест, Короед? Сольпуга вообще вроде паук.

— Люблю птиц, — зажмурился от удовольствия Ранф. Порывшись за пазухой, он извлек на свет книжечку в кожаном переплете. — Орнитологический атлас. Всегда ношу с собой, скрашивает время в засадах. А вторая часть вопроса... Отшельник — прозвище одной совы. Крупная птица, водится на дальнем юге. Восхищаюсь ее голубоватым оперением. Крест — тоже прозвище птицы, степного орлана. Тонкое худое тело и длинные тонкие крылья. Когда парит в вышине, похож на крестик. Короед — просто такая лесная птица, выклеивает жуков-короедов. Древние люди думали, что питается корой, так название и осталось. Я всех агентов называю птицами. Кроме Сольпуги, естественно. Он при всем желании не похож на птицу. Свидишься с ним в боевой форме, поймешь.

Я только кивнул. Ранф открыл нам дверь, и я погарцевал в ванную, отмокать перед первым днем в череде тяжелых испытаний.

Ранф пошел к себе, негромко мурлыкая себе под нос народный мотив:

*— Не забывай, мы по разным корзинам как яблоки
Все одинаковы. В каждом из яблок изъян...*

Я стану сильнее, Лира. Любой ценой сберегу тебя и все, что мне дорого.

Подходя к ванной, я в очередной раз задумался о своих целях. Так ли мне нужно обратно в свой мир?

Глава 9. Предел Амадея

Собственно, так и начались мои трудовые, я б даже сказал «ударные», будни.

Утро начиналось с помывки и легкого завтрака. Потом Гиз делала моим бранным тельцем грядки на газоне заднего двора. Тут, конечно, ради художественного момента я существенно преувеличил — почти сразу мы стали сражаться практически на равных. Гиз, конечно, лучше понимала возможности своего тела, а ее волшебство было более разноплановым, способным как к обороне, так и к нападению. Я же не мог так сильно полагаться на защитные свойства собственного волшебства. Собственно, из защитных эффектов у меня был лишь плотный огонь, по которому удары перчаток Гиз соскальзывали с моего тела, на нанося весь урон.

Дальше по планам было одно из двух — либо поездка на охоту в компании Лиры и Дамиана, либо свободное домашнее время, которое я посвящал или чтению книг, или времяпрепровождению с Лирой. То есть, девушка варила зелья и эликсиры, а я по мере сил, роста и знаний старался ей помогать — подавал склянки и связки ингредиентов, следил за температурой котла, разливал готовый продукт по скляночкам и клеил на них маркировку.

Читал же я то, что попадалось под руку и сумело меня заинтересовать. Насколько я понял, понятие «романа» в этом мире находилось еще в довольно-таки зачаточном состоянии, по сравнению с моим старым миром. Не то чтобы их совсем не было, приключенческих и дамских романов, но проблема была в том, что их не было в домашней библиотеке Фелиции. Огромное количество разнообразных трактатов по волшебству, алхимические альбомы, журналы Гиз про последние достижения маготроники — этого навалом. Собственно, это я и читал. Удивительно, но даже подобное, зачастую не самое веселое чтиво, приносило ощутимую пользу.

Благодаря альбомам и трактатам алхимиков, я начал больше разбираться во всех хитросплетениях профессии Лиры и даже начал получать определенное удовольствие. Все же приятно, когда в начале работы перед тобой стоит миска с жиром и пучок трав, а на выходе ты получаешь мазь, которая может затянуть большие ссадины дня за три.

Я начал задавать куда меньше вопросов про историю окружающего меня мира и его обычаи. Я прочитал объемную монографию по Летней войне и Битве Девятнадцати королей, солидный двухтомник по новейшей истории Драконьих княжеств, книгу из личных записок путешественника по Стране рек (что меня надолго захватило), и множество других, менее интересных, исторических трудов.

Но самую большую пользу принесли гримуары волшебников. В каждой, весьма хитро озаглавленной, книге находились советы по освоению основ волшебства того или иного домена, а также в изобилии приводились многочисленные эффекты, которые волшебник мог делать. Тут тоже прослеживалась тенденция к упрощению — если в старинных книгах было множество фраз на туур, языке духов, то в новых изданиях их заменили длинные матемагические формулы с подробным объяснением всех переменных. Ценность книг была в том, что я теперь знал, на что способны волшебники других доменов, и многие сюрпризы Гиз переставали быть таковыми. Видели бы вы ее лицо, когда она в очередной раз захватила меня своим коронным приемом с нулевой гравитацией, а я из него вывернулся и неслабо прописал ей в печень.

Стоит еще отметить, что меня не зацепили журналы с новостями маготроники. Читать

про огромные, состоящие из перфокарт и лампочек приборы было занимательно, но совершенно не интересно. Маготроника — не мое.

Также пару раз в неделю я выбирался из дома в ночь, бродил по трущобам, порту, пригороду — искал приключению на свое подхвостье. Слава Сонму Духов, частенько их находил. Драки со шпаной, а несколько раз и с более серьезными ребятами, приносили свои плоды. На таких схватках я в первую очередь оттачивал свой стиль боя, а во вторую очередь учился разделять внимание на нескольких противниках, следить за их действиями. Пару раз меня серьезно колошматили, но, тем не менее, верх неизменно одерживал я. Я не грабил их, не убивал и по возможности не калечил. Просто одно дело схватка на кулаках, а вот когда достают кинжалы и, ровно один раз, огнестрел — тут уже серьезно. Обычно ломал пальцы, не больше.

И ровно два раза в неделю, ближе к вечеру, меня выхватывал Ранф.

В первый раз он внезапно появился из-за камня прямо посередине охоты на снегороя, забредшего в наш негостеприимный, жаркий мир напрямик из Вьюги. Ожидаемо, Ранф чуть не схлопотал пулю, но ничуть этому не огорчился. Он честно объяснил Лире, что тоже будет меня тренировать, схватил меня в охапку (что было не очень сложно — я был котиком) и упал за камень. Я тогда зажмурился, потому что ожидал, что сейчас мы больно ткнемся головами об этот валун, но мы прошли через тень, как через тонкую липкую мембрану.

Мы оказались в месте, где свет был рассеянным и серым, где воздух был густым как ликёр, где не было ни пола, ни потолка — лишь бездонная мгла под нами. Быстро осмотревшись, Ранф рванул куда-то с такой скоростью, что у меня щеки уши закрыли. Судя по всему, с трением тут тоже было не густо.

Три минуты путешествия, и мы оказались в Приливной зоне, в руинах города Ортоон. Так объяснил мне Ранф, пока я осматривал пустые окна и пышную растительность города, покинутого жителями десятилетия назад.

Как оказалось, Язва не только высасывает волшебство из мира, а еще и немного его концентрирует. Присасывающий эффект куда сильнее пропускной способности Язвы, а потому в определенной зоне Горелых земель использовать волшебство не сложнее, а проще — мир тут изменен и продавлен диким волшебством, так что Аура выворачивается наизнанку.

На окраине Горелоземелья захоти я выпустить метровую струю огня — выдам лишь сантиметров тридцать. Тут же я выдам метров пять, причем не особо напрягаясь.

Из-за приливного эффекта тут было много не только волшебства, но и абстрактной жизненной силы — все известные мне Горелые земли представляли собой степь с редкими включениями жидких лесочков и рощ. Тут же мы очутились в самых настоящих джунглях. Всего за десять лет саженцы вымахали в двадцатиметровых гигантов, а в обыкновенной траве, доходившей Ранфу до груди, мне немудрено было потеряться.

Но больше всего меня поразило не это.

С крыши, где мы очутились, открывался весьма необычный вид. На горизонте виднелось что-то огромное. Что-то циклопическое. Что-то без четкой формы и цвета, что-то, что нарушало мое восприятие. Огромный столб вращающегося фиолетового газа сменялся миниатюрным черным солнцем, а то — разломом над землей, от которого откалывались и падали куски голубого небосвода. От вида Язвы начинала болеть голова, а на языке разливался противный горький вкус. В форме кота тут находиться было почти невозможно — Кот визжал дурниной, пытаюсь забиться куда-нибудь поглубже и не отвечивать.

Пришлось перекидываться и одеваться.

И вот, когда я закончил облачаться, Ранф окликнул меня. Я обернулся. Он стоял в своей огромной маске, руки под закатанными рукавами покрылись бледно-серой кутикулой с характерной пилочкой на тыле, а из плеч он выпустил по две незнакомые мне особи — толщиной с запястье, длиной с полтора метра, ярко-красные, двояковыпуклые, а кромка подозрительно блестела.

— Особи-гвардейцы. Как боевые, но покруче, — пояснил Ранф, — Теперь давай в свою ящерковую форму, и нападай.

— Че, прям так просто?

— Не, не так просто. Со всей силы. Я хочу видеть, как ты пытаешься меня убить. Я буду драться примерно на шестьдесят процентов силы, этого будет достаточно, чтобы с легкостью сдерживать твой напор и при этом не повредить тебе.

— Ну раз вы просите, — пожал я плечами и бросился на него, в прыжке отращивая чешую.

В заброшенном городе не было нужды сдерживаться. Ранф всю жизнь провел в схватках, и если он способен, не особенно напрягаясь, вырезать целую ячейку Тысячи Глаз, то, полагаю, с одним оборотнем он справится.

Я до сих пор затрудняюсь описать те схватки. Я быстро уловил мысль о том, что сдерживаться не надо, а невероятная мощь Приливной зоны окончательно сносила мне крышу. Мы с Котом сплавлялись воедино, его яростный напор и инстинкты, мои тактические расчеты и отточенные в поединках с Гиз и драках с шпаной удары. Часы схваток сливались в одну минуту.

За без малого дюжину таких сеансов я не смог даже поцарапать Ранфа. То есть, контакт у моих кулаков и его брони был, но мои зверские, подлые удары не могли пробить его броню и поколебать его ледяное спокойствие. В драке я рычал, вопил и капал раскаленной шипящей слюной, а он сохранял молчание, лишь иногда старчески крякая после особенно сильного удара. Своего, естественно, все побои от меня он переносил молча.

Я научился подлетать на струях огня из рук и ног. Научился усилием воли скреплять сломанные кости. Существенно уменьшил время накопления энергии для взрывов. Понял, что мною можно трижды пробить кирпичную стену и я еще смогу нанести пару ударов. И это только за первое занятие. Потом я понял, как использовать гангат, не прибегая к костылю в виде ветчины — надо было немного изменить положение гортани. Я научился покрываться чешуей в мгновение ока, покрываться частично, укреплять чешую и даже отбрасывать ее для того, чтобы вывернуться из захвата.

Ценность таких уроков нельзя было преувеличить.

После четвертого занятия, строго контролируя себя, чему Ранф все же начал уделять время, я смог победить Гиз. После седьмого занятия я мог победить ее в любой момент, и тратил тренировку на закрепление ударов и движений.

Я стал гораздо, гораздо сильнее.

Как оказалось позднее, и этого было недостаточно.

На девятом занятии с Ранфом случился прорыв. Или затык, как посмотреть.

Пока Ранф немного передыхал после третьего часа схватки, я тренировал свою проводимость. Я стоял в человеческой форме, широко открыв рот и вытянув вперед руки. Из всех трех указанных мест полноводной рекой изливался ревущий багровый огонь. Я целился

строго в парадный вход одного подопытного трехэтажного здания, и пламя уже достигло такой температуры, что камень, окружавший собой бывший дверной косяк, начал плавиться и падать на землю светящимися оранжевыми каплями. Под напором огонь врывался в здание и бил изо всех окон метровыми факелами, но мне этого было недостаточно. Ранф сообщил, что сильнейшие черведавы-инферналисты могут выдать такой поток, что факел пойдет из чердачного окошка. Это и было моей целью.

Факелы легко выходили с первого, чуток посложнее из окон второго этажа. Нужно было ощутимо напрячься, чтобы пламя валило с третьего, а вот чердак никак не удавался.

Я стоял в широком круге выжженной моей температурой травы, со всего тела, портя дешевую одежду, стекала и капала концентрированная Мощь. Это было отнюдь не хорошо — значит, Мощь, вместо того, чтобы извергнуться огнем, пробивалась сквозь мощепроводы на поверхность кожи. Мне удавалось закрывать пробоины, не ослабляя поток огня, но их было слишком много.

— Ты неправильно делаешь, — едва перекрикнул потоки огня Ранф. — Тут нюанс в намерении. Представь, что на чердаке находится тот парень, что отправил тебя в этот мир! Мощь пробивается, так как у тебя слабая цель. Подумаешь, наполнить дом огнем. А ты попробуй с земли убить человека на четвертом этаже.

Я вспомнил безумца и тошнотворный знак на ноже.

Число пробоин резко уменьшилось.

Я четко представил себе, что он там, наверху, баюкает нож и посмеивается надо мной. Он убил меня! Он отправил меня сюда, даже не спросив, хочу ли я этого! МРАЗЬ!

Температура огня поднялась так, что я почувствовал, как на губах расцветают ожоги. Пламя взревело.

Секунда. Две. Три. С чердака повалил дым. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

Из окна чердака показался фонтанчик огня.

Я победно взревел. Пусть и в упрощенных условиях, но я достиг воистину немалой проводимости! Я могу сравняться с настоящими боевыми волшебниками!

Эйфория победы окрылила меня. Я почувствовал, что могу заставить горы сгореть. Я смогу сжечь этот мир к чертям!

Усиливаю напор. Еще... С крыши, трескаясь, полетела черепица. Еще. Каменная окантовка входа просто потекла сияющими струйками лавы. Еще. Факелы с первого этажа подожгли дерево, стоящее в четырех метрах от окна. Еще. Участок крыши взорвался, и оттуда в небо Горелых земель выстрелил десятиметровый столб огня. Еще. Еще! Еще!!!

Что?

Тут я словно уперся во что-то. Это было неопишуемое чувство. Словно есть мороженое из огромного ведра, и внезапно твоя ложка скребет по дну. Как я ни пыхтел и ни старался, я не мог усилить напор. Дело было не в моей силе или воле, этого сейчас было в достатке. Это было чисто физическое ограничение. Как ты ни тренируйся, а на третий этаж тебе не запрыгнуть, что-то вроде.

Я медленно ослабил поток, а потом и вовсе прекратил его. Устало опустил руки. Обернулся и пошел сквозь траву к ближайшему фонтану, полному дождевой воды. Содрав с себя огарыши, бывшие еще утром новой рубахой, я рухнул в воду. Та вскипела.

Что-то громко треснуло. Я перевернулся в воде, лег на спину и посмотрел на дом.

Это что-то треснуло громче. Потом еще, и еще, и, наконец, с облаком пыли и грохотом здание сложилось само в себя. Оказалось, мое пламя превратило кирпичи в крошку, и дом

просто не выдержал.

Меня припорошило мелкой каменной крошкой и пылью. Всполохами огня я разогнал облако вокруг себя и умылся. Вода уже просто побулькивала.

— Джаспер? — сквозь пастельно-белое облако ко мне подошел Ранф. — Что случилось?

— Амадей, — со вздохом отметил я.

Вермиалист заглянул в свою записную книжку.

— С существенным опережением графика, — ответил он. — Это солидный прорыв. Что по показателям?

Я отстегнул от пояса регистратор. Хорошо, что приобрел модель с водонепроницаемым футляром. Подал его Ранфу. Тот достал ленту регистратора и изучил ее.

— Двести сорок пять ганн в минуту, — наконец произнес он, — На сорок больше, чем я рассчитывал. Уровень «Прорывника». На тридцать больше, и после тренировок можно было бы ставить «Смертное поле». Это значимый результат. Тебе повезло.

— Я, духи Дна, уперся в свой предел, — устало и расстроено отмахнулся я. — И куда теперь развиваться?

— Хох, скакнул-то так, — усмехнулся Ранф. — Первое. Ты достиг предела на благотворной почве Приливной зоны. Тебе надо повторить этот опыт в месте с нормальным Мощь-фоном. Второе. Ты много трудился и достиг предела, теперь тебе надо развить мощепроводы так, чтобы ты мог в любое время этого достигнуть. По собственному желанию, а не благодаря усилиям. Третье. Повышай контроль. Как тренировки с извилистым пламенем?

— Ну, не очень.

— Вот тебе и ответ. У Базиля предел Амадея — сто семь ганн.

— Это же мало, — изумился я.

— Да, так бывает. Но он — ценнейший оперативник. Я не видел никого, кто лучше может контролировать потоки Мощи. Проверка вермиалистов на контроль — создать из мрака изящный меч, украшенный камнями, резьбой и прочим. Создать произведение искусства могут лишь те, кто прошли многолетние тренировки. Базиль же создает полностью рабочие винтовки и пистолеты с огромным количеством мелких деталей. Он даже пружины делает, пружины! Стремись к его уровню.

— Постараюсь, шеф, — шутливо козырнул я.

— Помни — всегда есть, куда стремиться. За всю историю этого мира был лишь один человек, полностью и досконально изучивший отпущенный ему предел способностей. Белый Король. И этот человек, в свое время, до неузнаваемости изменил мир. Ты сможешь сотворить своим пламенем долину среди гор?

— Не думаю. Я и здание-то с трудом разрушил.

— Держи хвост трубой, кот. К слову. Не хочешь как-нибудь наведаться на операцию с Яблоком?

— Че?

— Я придумаю тебе позывной, а ты сделай маску. Только нормальную. Был кадр, сделавший маску из мешка с дырками. Тупица. Его маска оскорбляла Древней крови.

— А с чего такая честь?

— Сольпуга нарыл интересные сведения. В Санго приезжает координатор Тысячи, будет на одном приеме.

— Бал середины зимы?

— Нет, до него.

— Значит, не в разрез с заданием Стальных рогов. Я за, Ранф. Почему нет? Может, что и обнаружим.

— Отлично. На сегодня все. Закончил отмокать?

— Думаю, да, — вода уже не бурлила, только исходила паром.

— Как будешь готов, сообщи. Поедем домой. Гиз обещала сделать рыбу в кислом бравийском соусе. Жду не дождусь...

Глава 10. Утро начинается не с кофе, а с кардинальных перемен в жизни

Утро началось с безобразной драки, а закончилось капитальными переменами в жизни. Начинаю к такому привыкать.

Предыдущим вечером Ранф любезно пояснил, что его подопечный, то бишь я, достиг предела Амадея. Все шумно порадовались, Гиз с Лирой вдвоем сделали роскошный ужин: морепродукты, доставленные с берегов Совиного моря, подстреленная нами дичь с просторов Горелых земель (с приятным привкусом Мощи, это трудно объяснить), пяток салатов, закуски... Фелиция достала из закромов какое-то редкое вино, темное как чернила и вязкое. Вкус был просто отменный, но в голову оно давало — только держи крышу. Лира снова перебрала, и потому сейчас отсыпалась.

А так как я достиг предела проводимости, всеми было решено дать мне денек выходного. Однако, утро этого денька я проводил, стоя за кассой магазина.

Было очень тихо, народа практически не было — бабушка, пришедшая за мазью от трещин на коже не в счет. Я сидел на удобном стуле, жаль, не кресле, и читал очерки по новейшей истории стран первого круга — это Драконьи королевства, княжество Ехонта и еще пара мелких государств, окруживших собой Горелые земли. Были страны второго круга, которые, соответственно, граничили со странами первого, но как-то они мне были не особо интересны.

На моменте, когда я читал про первый драконий бунт в Нио, в зал вошел клиент. Я встал, отложил книгу, незаметно потянулся и встал за кассу.

— Доброе утро, господин. Чем могу быть полезен?

Вошедший был несколько странный. Рослый плечистый мужчина, годами подбирающийся к тридцати. Густые золотистые волосы заплетены в небрежную косицу, свисавшую до лопаток. Одет в жемчужно-серое пальто, под которым виднелась плотная кожаная куртка. Поверх пальто была расположена португепя, удерживающая за его спиной какое-то оружие, пока не видно. На ногах он носил плотные парусиновые брюки с кожаными нашивками, нечто вроде легкой бригантины для ног. Тяжелые сапоги со шпорами звенели при каждом шаге. На бедре, в чехле, висел дробовик.

Одним словом, охотник-частник. Наверняка пришел за набором зелий и эликсиров для очередной охоты. Легкий клиент, который охотно купит большую партию, плюс не исключено, что попросит что-то особенное, вроде эликсира огненного выдоха или дальноголаза.

— И вам не хворать. Утро действительно доброе, скоро морозец ударит, а там и до снега недалеко.

Хах, любит поболтать. Очереди нет, от книги уже глаза устали, так что почему бы и нет?

— Как думаете, когда его ждать?

— Хм, — охотник задумался. — Думаю, к концу недели выпадет. Через полтора месяца праздник середины зимы, так что уж пора. Теплая нынче зима...

— На кого охотитесь?

— Что?

— Ну, вы же охотник.

— Ха-ха, меня часто путают с охотником. Нет, я частный наемник. Дельце тут, дельце там, и, как всегда, честный подряд от Почтамта на очередных разбойников, благослови их Сонм Духов.

— Зачем благословлять разбойников? — не понял я.

— Ну а как. Благодаря им, в моем кармане чаще позвякивает, чем нет.

— В целом понял. Посоветовать вам эликсиры для охоты на людей? — невозмутимо спросил я.

Охотник зашелся смехом.

— Какой непосредственный юноша. Мне нравятся такие. Но, к сожалению, я здесь по делу. Хотя, может, и прикуплю чего.

Он развернулся к ближайшей витрине — с лекарственными мазями и сиропами — и невольно открыл мне вид на свое оружие за спиной.

Там висел топор на длинной ручке. Классическое «бородатое» лезвие из синеватого металла, такой уют на юге Фрельи.

И прямо на самой широкой части изображен знак с настолько острыми гранями, что он ощутимо царапал глаза.

Дальше действовал на инстинктах.

Я перепрыгнул стойку кассы, на ходу покрывая руки длинной острой чешуей. Приземлившись рядом с охотником, я присел, гася импульс. И прямо с приседа попытался ударить ему по челюсти. Расчет был на то, что я раскрошу ему челюсти. Вспоминая этот момент, не могу сказать, что это было самым верным решением, но я тогда я снова сплавился с Котом, и цель у меня была одна — покалечить владельца оружия, которое может перебрасывать души. А потом с ним можно и поговорить.

К сожалению или к счастью, тут уж как посмотреть, челюсть охотника осталась на месте — он успел отшатнуться, мгновенно оценить ситуацию, отскочить и даже дотянуться до рукояти топора. Шустрый какой.

Я же перенаправил инерцию своим хвостом, который уже больше походил на крокодилий, и ринулся на него, не низко, а во весь рост, чтобы ему не было так удобно бить меня топором. А, судя по его скорости, достать топор он еще как успеет. Так и вышло, но я уже был на расстоянии удара.

Прямой удар с правой он перенаправил в сторону ударом локтя, как можно ближе к себе, оставляя мне меньше места для маневра. Тупица, меня столько раз ловили на этот трюк...

Я не стал восстанавливать равновесие, а просто подался вслед за рукой. Опустил корпус, перекрутился, и вмазал ему хвостом. Охотник или не захотел пользоваться волшебством, или просто тупанул, но удара он не выдержал — отлетел к двери, звучно в нее впечатался и немного съехал по лакированной древесине. Но вот топор, падаль такая, вытащить успел.

— Ты чего, е...лся? — вежливо поинтересовался охотник.

Я отвечать не стал. Помните? Сначала калечим, потом задаем вопросы.

— *Он тебя не слышит,* — раздался в моей голове потусторонний шепот. — *Он ослеплен яростью. Наверное, Саул послал нас к нему. Вот только сначала надо его успокоить.*

Шепот я дослушивать не стал. Промелькнуло, правда, что-то знакомое...

Снова ринулся к охотнику. Тот встретил меня прямым ударом топора, нацеленным в челюсть. Он такого удара я смогу увернуться целых три раза. После нескольких боев с

Ранфом этот удар казался медленным. Придвинувшись к нему, я ладонью правой руки отвел в сторону руку с зажатым в ней древком топора, а левой нацелил кулак ему в грудь.

Но в итоге бессильно упал мордой в пол, хватая ртом воздух. Эта мразь использовала *по-настоящему* подлый прием, весьма действенный против мужчин. И только против них.

— Успокойся, мать твою! — крикнул на меня охотник. — Что, духи Дна тебя раздери, у тебя с руками? Какого хрена ты вообще на меня накинулся?

— Убью... — прорычал я, тяжело вставая. Пинок в печень снова бросил меня на пол и выбил из легких воздух, который я только-только начал получать.

— Да успокойся, тебе говорят! Берсерк полоумный! Тебе имя Саул о чем-нибудь говорит?

Я действительно попробовал успокоиться. Кот, уходи, сейчас я придумаю план, как бы так познакомить его морду и мой кулак. Стоп. Саул? Этого товарища я знаю.

— Да, встречались пару раз. Мы с ним, ну, схожи. Как люди.

— *Слышишь меня?* — снова раздался шепот. В этот раз он был какой-то скрежещущий, мерзкий, будто десяток людей водили гвоздями по стеклу. Я зарычал и рефлекторно зажал уши. — *Авель, он слышит меня. Это точно наш клиент.*

— Вот что, психопат, успокойся, пока мы с тобой тут все не разнесли, и поговорим спокойно. Ну ты и выдал, конечно, — охотник с опаской протянул мне руку. К этому моменту я в целом успокоился, но осадочек остался. Принял его помощь и с трудом встал на ноги. — Повторюсь, я от Саула. Я агент-внештатник Стальных рогов. Это Мелхакх, мое оружие и мой напарник.

— *Приветствую,* — в этот раз скрежета не было.

За кассу вынужденно встала Гиз. Пришлось прервать ее расчеты, но на мои слова о «вопросе жизни и смерти» она все же, скрепя сердце, согласилась меня заменить. Правда, на незнакомого парня она сильно косилась, ну да ладно. Я бы тоже на него косился, если бы пять минут назад не пытался выбить ему все зубы, до которых успею дотянуться.

Мы расселись в гостиной. Кто-то (не будем указывать пальцами на кудрявое чудо в ведьминской шляпке) вчера оставил здесь чайник, на две трети наполненный остывшим чаем. Мимолетный импульс, и чай снова горячий. Я принес два чистых стакана.

Я уселся на кресло, которое считал своим, а Авель на диванчик напротив меня. Мы некоторое время пялились друг на друга. Начал Авель:

— Где научился драться?

— Много где, много у кого.

— Просто очень эффективно. Мелхакх сильно разогнал мое восприятие, и только благодаря ему я сумел тебя успокоить. Так бы мне пришлось туговато. Ты чуть меня зубов не лишил!

— Ну а прикинь, что ты спокойно живешь себе, никого не трогаешь, даже примусы не чинишь, и тут на тебя, в один прекрасный день, кидается поехавший с ножом. Нож такой, знаешь, с характерным символом. Пару раз он дырявит тебе брюхо, и ты оказываешься вообще хрен знает где, хрен знает когда, и ты даже имени своего не помнишь. Какие, по-твоему, у меня должны быть чувства к таким вот людям, с оружием с такими символами?

— Ну тут твоя правда. Можно понять. На самом деле, тот парень — весомая ошибка в наших кадрах. Я доложу кому надо, и его уберут. Возможно, его оружие тоже.

— *Не возможно, а точно. Только дефектные Клинки могут свести адепта с ума.*

— Кто ты вообще такой? — спросил я, игнорируя шепот Мелхакха.

— Я — адепт Круга. Мы, ну, сущности? Души? Не знаю, как точно нас описать. Думаю души — самое близкое. Мы храним круги перерождений в множестве вселенных. Нас можно перекинуть из одного мира в другой, и мы обладаем способностями перебрасывать души из одного круга в другой.

— А я тут причем?

— Тебе просто или посложнее?

— Где информации больше, — я откинулся на спинку кресла и хлебнул чая.

— Значит, посложнее. Круги перерождений есть у каждого мира. Они делятся на открытые и закрытые. Открытые круги постоянно меняются душами между собой, а закрытые — рождаются и угасают с одинаковым количеством душ. Вот наша задача — следить, чтобы так все и оставалось. Твоя родина обладает открытым кругом, иначе бы ты сюда не попал. Но послали тебя сюда адресно, как замену.

— Замену чему?

— Чьей-то душе.

Не понял.

Очевидно, мое недоумение было написано на моем лице, потому что Авель продолжил:

— Понимаешь ли, душ во вселенной — ограниченное количество. Сколько Спящий их создал, столько и будет. Новых поставок не предвидится. Однако, во вселенной некоторые живые существа могут получить доступ к магии душ. Она очень сильная, работает в любом мире по одинаковым законам, и топливом к этой магии служат души. Величайшее творение из снов Спящего необратимо рассыпается на ничто ради силы другой души. Вот поэтому некоторые души во время круговорота не отдают свои воспоминания и эмоции Чаше, а сохраняются неизменными и проживают тысячи жизней. Я — один из таких вот перерожденцев. Я еще молод, это мое семнадцатое перерождение, но определенным опытом обладаю.

— А в чем, собственно, цель твоего присутствия здесь? И почему там был твой товарищ?

— Вот тут я и собирался рассказать тебе нечто, к чему уже подвел тему. В этом мире завелся Пожиратель. Я и несколько моих товарищей были оперативно переброшены сюда. Вместе с Клинками, естественно. Наше оружие — это наши бессменные компаньоны. Мы с ним — две души, сплавленные воедино. Наша цель, соответственно, прибить Пожирателя. Он, понимаешь ли, сжигает души. Понемногу, но со временем он обнаружит, что смерть над ним не властна. Ну, естественная. Поэтому, в теории, он может полностью погасить этот мир. Тут, понимаешь ли, закрытый круг, и местные даже об этом знают. Тут должно быть строго определенное количество душ, и мои коллеги из других миров иногда адресно посылают сюда другие, на замену пожранным. Иначе тут все разболтается и полетит в тартарары.

— Как я понял и прочувствовал, посылают любых, кто под руку повернется?

— Не-а. Посылают или старых, или больных, или смертников, или тех, кто обладает потенциалом к становлению Пожирателем. Их опыт, эмоции, все, что составляло их личности, попадает в Чашу, а потом летит в другие миры. Ну, при адресной посылке, конкретно сюда. Судя по твоему рассказу, тебя убил дефектный адепт. Очень редко, но такое случается. Признаться, это происшествие будет пореже появления Пожирателей. И именно потому, что ты не подходил, у тебя не пропали воспоминания.

— Исключительно ради любопы...

— Вернуть могу, — перебил меня Авель, — Но не так, как ты хочешь. Могу адресно послать твою душу обратно в твой мир. Естественно, ты переродишься. Кем угодно, и в какой угодно временной эпохе. Тут я повлиять ни на что не в силах. Или же, в качестве компенсации, могу убрать остатки реинкарнационного шока, и к тебе вернутся все доступные воспоминания.

— Доступные?

— Ты же не думаешь, что беззаботно пролетел сквозь Ничто над Чашей и даже ничего не потерял? От сорока до шестидесяти процентов тебе вернется, на большее не рассчитывай.

Удивительно, но с меня как камень упал. Я давно мучился, переживая на счет своего гипотетического возвращения в свой мир, и нужно ли мне оно, а тут ответ на блюдечке.

И, честно говоря, мне уже и не хотелось возвращаться. Тут классно, я многого добился, тут друзья... И Лира...

— Воспоминания вернуть можно. Буду благодарен. Только перед этим хотел поинтересоваться. Кто хоть этот Пожиратель?

— Пока не знаем. Точно знаем, что он червивый, но уже лет двадцать мы его активно ищем. Найдешь, сообщи, — пошутил Авель.

— Заметано, — отшутился я.

— Ну, тогда приступим!

Авель выхватил топор и плашмя стукнул мне по черепушке быстрее, чем я успел сказать «ня». Естественно, этот урод меня вырубил.

— Джаспер, все в порядке?

Меня поднял нежный голосок Лиры.

— Ох, духи небес, у тебя синяк на половину лица!

— Да неудивительно... — я осмотрелся, наверняка с мрачным выражением лица. Авель смылся.

— Гиз рассказала, что ты был тут с человеком каким-то, что-то обсуждали. Потом он вышел, откланялся и ушел, пояснив, что тебе надо отдохнуть. Гиз тебя проверила, а ты тут лежал с синяком. Позвала меня. Ты как?

— Это был коллега того парня, что меня сюда закинул, — отозвался я, проигнорировав вопрос.

В голове шумело. Ворох воспоминаний сталкивался, перемешивался, вставал на свои места. Старые, блеклые, словно не мои воспоминания. Родители в другом городе, сестра, не любившая меня, универ...

— И... Как? — с опаской спросила Лира. Ее можно понять. Сейчас нельзя предсказать, что со мной будет.

— Он вернул мне часть воспоминаний. Максимум доступных. Часть я все же потерял.

— И что? Вспомнил имя?

— Ага.

— Давай, что ли, еще раз познакомимся, — Лира села напротив меня, достала откуда-то чистый стакан и налила себе чая. Я снова невольно залюбовался кудряшками, падающими на плечи, — Мое имя ты знаешь. А ты?

— Джаспер, — и я улыбнулся ей во все тридцать два. А Лира улыбнулась в ответ.

Интерлюдия. Эдвин

Эдвин сидел на кровати, в дешевой съемной квартире, точил резонатор и собачился с Девятой. Не то чтобы ему действительно нужно было точить кинжал. Просто это успокаивало и одновременно занимало руки. А спокойствие и занятые руки — это вот прямо то, что ему сейчас требовалось.

Общаться с Девятой было откровенно трудно. Нрав хитрого, изворотливого, кровожадного берсерка, скрипучий голос, неизменно отдававшийся в костях черепа мерзким зудом... Эдвин впервые познакомился с Девятой, когда ему было четырнадцать, и до Летней войны было еще очень далеко, но так и не смог окончательно привыкнуть к ее голосу.

Осложнялось дело тем, что Девятая была возбуждена тем, что Эдвину сломали инструмент. Уже больше недели прошло, а муза все резвилась в его голове и упрашивала порвать на клочки ну хоть кого-нибудь. Эд был терпеливым человеком, но сейчас он был готов действительно кого-нибудь убить, лишь бы она заткнулась.

— «А я тебе говорю, что прорываться надо с шумом, с боем, с потоками крови...» — упрямо скрежетала Девятая.

— Ну а к чему мне шум? — отозвался Эд, с остервенением шоркая оселком по уже и так бритвенно-острому лезвию. — Я тихо зайду, узнаю все, что мне нужно, и покину заведение. Возможно, с призами. Это ведь почти верняк, след горячий, как пирог из печки.

— «Разве Инструктор учил тебя тихому проникновению? Тебя учили превращать людей в неопознаваемые комки мяса. Давай! У тебя это хорошо получается!»

— Тебе лишь бы мясо. Не спорю, многие люди заслуживают быть прирезанными, но обычные гости, обслуга? К чему мне их смерти? И ты сама знаешь, что мне учили и тихому проникновению.

— «Да, учили. И ты сам знаешь, что это все для того, чтобы устроенная тобой резня была еще более зрелищной!» — Девятая издала звук, будто шумно сглатывает слюну. Она была нематериальна, и, естественно, никакой слюны у нее не было и в помине, но, как и любая муза, звуки она повторяла просто превосходно.

На ее слова Эдвин только тихо вздохнул. Он прекратил мучать кинжал и прятал его в ножны. Вместо этого он перешел к столику, сел за ветхий, сухой и скрипучий стул, зажег стоящую рядом керосиновую лампу, вытащил револьвер и принялся за его разборку.

— «Потрясающий волшебник звука, второй Курсант, и занимается смазкой кусочка железа...» — сварливо отозвалась Девятая. Она не признавала огнестрельное оружие.

Эдвин мог бы ей возразить. Он мог бы заставить ее вспомнить Битву Девятнадцати королей, свинцовый дождь, сеющий смерть, грохот артиллерии, бело-желтые густые клубы ядовитого газа... Но не стал. Зачем? Все эти аргументы он приводил десятки раз. Да, это заткнет Девятую на полчаса. А потом она еще часа три будет истекать слюной по воспоминаниям о толпе варага, волной заливающейся в окопы. Еще два дня там нельзя было ходить — ноги по колени тонули в смеси глины, крови и ихора.

Эдвин неторопливо, точно медитируя, разобрал револьвер, смазал все подвижные части, собрал его воедино, зарядил патроны и положил оружие в кобуру.

Все это время Девятая изводила его требованиями устроить резню. Если бы Эдвин достал резонатор, впустил ее в свои кости, вышел бы в зал трактира двумя этажами ниже и превратил всех в некрасивую краску для стен, она бы затихла. Всегда в таких случаях

затихала. На день или два.

Поэтому Эдвин достал небольшую кожаную сумку. Вытащил оттуда бутылку спирта, небольшую спиртовую горелку, пестик с ступкой и стеклянный стаканчик. Начал извлекать другие ингредиенты.

Мягкосон. Два года тюрьмы за хранение, пять за распространение. Пламяцвет. Десять лет рудников за распространение. Волкобой. Ну тут просто отравы. Если убить кого-нибудь, ожидаемые десять лет или долговое рабство у призрака почившего, если выцветание слабое. Бутылочка с соком морского кабачка. Безвреден. Кориандр. Безвреден. Настойка опиума. Можно раздобыть в аптеке, но незаконное хранение — и на три года на рудники.

Чтобы точно соблюсти пропорции, Эду не требовалось ничего. За годы с Девятой он довел процесс создания снотворного до автоматизма.

— Ты не заткнешься? — поинтересовался Эд. Не то чтобы он горел желанием пить эту бурду.

— «А я должна?»

— Если завалишься, постараюсь уйти с шумом.

— «Троих.»

— Как получится, — отрезал Эд.

— «Тр-роих.»

— Как знаешь, — пожал плечами Эд и одним махом проглотил зелье.

Спирт огненной волной прокатился по пищеводу. Сонистит выдохнул и запил дрянным грошовым оссом прямо из бутылки.

Сонливость раскаленным молотом ударила по основанию черепа. Девятая еще что-то бухтела, но Эдвин ее уже не слышал.

— Завтра на дело, Девятая. Мне нужен сон.

— Не разочаруй меня, Пятнадцатый. Я хочу видеть разрушение.

Глава 11. Шпионаж. Этап первый

Ближе к началу вечера пошел снег.

Последние несколько дней выдались очень холодные, так что весь Санго спешно переделся в теплые пальто и куртки. Естественно, жильцы «Медоносного призрака» последовали их примеру.

Вот и сейчас Лира, в темно-зеленом пальто, вела арендованную воздушную карету, а я наблюдал за снегопадом через волшебный полог, берегший нас от ветра, холода и снега. Почти как через окно.

Солнце уже зашло, последними крупными кроваво-красного света придавая розовый цвет крупным хлопьям снежинок, отражаясь от крыш и окошек домов Санго.

Все же этому городу больше шло лето.

Вздыхнув, я отвернулся от окна и повернулся к девушке, сидящей за водительским креслом. Сосредоточенная, нарядная Лира аккуратно вела карету, не позволяя себе слишком сильно разгоняться — все же арендованный аппарат. На сиденье позади нас неподвижными статуями застыли два человека, насколько их можно было так называть. Дамиан, в качественной куртке наемника, что-то читал из крошечной книжки, больше похожей на блокнот. Рядом с ним сидел и глядел в никуда Клод, выглядевший как непримечательный мужчина средних лет в недорогом костюме и с двумя кинжалами на поясе.

Клода к нам привел Ранф. Кроме него, он привел еще двух женщин. Все они были выворотнями. Женщин он направил к нам к качеству горничных, а Клода приставил к нам с целью охраны. Не то, что мы были сильно довольны появлению выворотней, но все более-менее понимали необходимость их появления. Все выворотни были потомками Сехка, и беспрекословно подчинялись ему. Всех их объединяла нечеловеческая безэмоциональность, нечувствительность к боли и весьма сомнительные навыки общения. Проще говоря, самый нелюдимый отшельник по сравнению с ними выглядел душой компании. Дополнительную нервозность вызывало то, что все прекрасно осознавали, что выворотни все же были варагабойцами. Даже Млакш, выглядевшая как женщина лет тридцати, могла перебить полицейскую казарму, а что говорить о самом Клоде, который обладал наиболее развитыми боевыми навыками...

Так что теперь поместье было намного более защищенным, но из него частично ушло тепло домашнего общения.

Сейчас же мы вчетвером летели на прием в поместье некоего Саркоди — одного из офицеров Холодных сердец. Не то, чтобы нас туда приглашали, но Со Кромм, с которым мы недавно обсуждали детали плана, уверил нас, что выпроваживать нас оттуда не станут. Все же мы знаменитости.

На руку нам было то, что этот Саркоди был тем еще кутилой и прожигателем жизни, так что мы легко затеряемся в толпе из порядка двухсот человек. Так что на осуществление нашего плана были все предпосылки.

Буквально через три минуты мы начали снижаться, и совсем скоро Лира наконец посадила карету на площадку. Мы вышли из транспорта и подошли к воротам. Клод остался сторожить карету, для облегчения нашего стратегического отступления после выполнения задачи.

Около входа стояли двое рядовых Отмороженных — судя по скованности движений,

совсем озябли в своих легких летних куртках. Те, кто выпускал для них форму — дебилы.

Мы представились, и все прошло даже лучше, чем мы планировали. Видать, в головах рядовых были мысли исключительно о теплой каптерке, кружке глинтвейна или еще чего горячего, в общем, на нас они не обратили почти никакого внимания. Конечно, потребовали приглашения, и мы продемонстрировали им оранжевые картонки, которые выдал нам Со Кромм. Сумел выделить, для пущей правдоподобности. Бойцы многозначительно покивали, глядя на расплывчатое золотое тиснение на карточках, спросили про еще одного человека с нами и вполне удовлетворились ответом, что это телохранитель. Таким образом, прошли не только мы, но еще и Дамиан.

Первый этап плана за плечами — мы прошли к поместью. Перед нами стоял огромный четырехэтажный дом, весь увитый лепниной, усыпанный скульптурами, и из-за обилия украшений выглядящий абсолютно безвкусным. В широких окнах через тонкое стекло просматривались десятки силуэтов — там они кружились в танцах, там — склонялись над столом, а слева — просто перемещались туда-сюда. В общем, мы подоспеем к разгару бала.

Мы зашли внутрь. По сравнению с этим дворцом, даже вилла Со Кромма выглядела бедняцким домом. На первый взгляд. Когда ты привыкал к обилию позолоты, мрамора и лепнины, становилось ясно, что хозяин просто впихивал сюда все, что выглядело побогаче. Как сорока. А мы, коты, не слишком любим птиц. То есть, любим, но исключительно как легкую закуску перед основным блюдом.

— Лира, мне тут не нравится. Я будто в гнезде сороки, куда стащили все цветные стекляшки со всего города.

— Да и мне тоже тут не особо, — прошептала в ответ Лира, поправляя в районе талии сбившееся зеленое платье. — Просто сконцентрируйся на задании.

Я коротко кивнул. Действительно, мы сюда не развлекаться пришли. Тем не менее, нам требовалось создать какое-никакое алиби, поэтому мы с Лирой поднялись по лестнице и попали в основной зал.

По размерам больше похожий на небольшой стадион, он был полон франтов, пижонов и расфуфыренных дам. В дальнем конце зала играл небольшой симфонический оркестр, но их в целом приятная музыка тонула в гомоне разговоров, игривых смешков и звоне бокалов. Никем не замеченные, мы смешались с толпой.

Следующий час прошел как одни смутные, лихорадочные сутки — пока мы пытались перехватить хоть что-то со стола, к нам подходили самые разные люди с самыми разными темами для разговоров, и всех этих людей объединяло одно — мы никого не знали, а вот нас, казалось, знали все. Мы удостоились сомнительной чести переговорить с владельцем крупнейшей красильни города, который просил нас о заключении контракта на доставку редких красителей из Горелых земель. Мы, понятное дело, отказали. Неужели двое молодых волшебников (ну, или волшебник и ведьма, не суть) действительно похожи на многочисленный отряд охотников?

Дальше мы встретились с прочими представителями бомонда, которые подходили просто чтобы перекинуться парой слов с знаменитыми Убийцами мотылька. Они задавали тупейшие вопросы о нашей работе, ни на грош не понимая простейших правил охоты (не на опасных существ, а просто охоты), а также не стараясь запомнить наши ответы. Одна дама в сером платье и ярко-синем боа вообще обозвала нас обманщиками, так как она была свято уверена, что ружья предназначены для войны, а охотятся исключительно с помощью луков и стрел. На этом моменте я спекся и помалкивал, а Лира недовольно смотрела на мой

мотыляющийся туда-сюда хвост. Да, я очень раздражен, и контролировать хвост трудно, потому что Кот вообще взбешен и хочет тут всех перебить.

К концу часа наконец настало время действовать. Лира прервала даму, которая рассказывала ей, ведьме, о правильном расположении кристаллов при призывах духов, и сказала, что ей надо припудрить нос. Девушка быстро удалилась. В этот же момент от меня отстал молодой парень, который пытался подкупить меня, чтобы я ему показал эффект, которым я прикончил мотылька. Поэтому я, не дожидаясь следующего представителя света, обделенного мозгом, молча ушел в противоположную сторону.

Схема здания, подкинутаая нам Ранфом, была нами изучена и тщательно занесена в склерозники, так что проблем с выдвижением на позиции не составило. Коридор, который вел в хозяйское крыло особняка, располагался ближе к женскому туалету, так что мне пришлось бы сильно постараться, не будь я котом.

Я зашел в туалет. Снова мрамор, на этот раз розовый. Коридор с двумя раковинами, из которого еще три двери вели в отдельные комнаты. Хоть что-то хорошее.

Закрыв за собой дверь, я огляделся. Туалет как туалет, просто размером чуть больше моей комнаты в поместье. И зачем такая площадь для одного унитаза? Зато тут было окно с матовым стеклом, которая мне-то и была нужна. Я открыл окно, разделся, запихал одежду в унитаз и превратился в кота. Дальше я сжег тряпки, в которые превратились брюки с дешевой рубашкой, купленной специально к такому случаю — я был готов расстаться с одеждой и обликом. Смысл невесомый пепел. После этого я открыл дверь, чтобы не вызвать подозрений, протиснулся в узенький проем окна и выскочил наружу.

На первый взгляд, нехилая такая проблема — по карнизу второго этажа, голышом, перебраться в другое окно, которое было от меня в сотне метров. Но все облегчается, если ты — кот, и если карниз, относительно моих размеров, похож на прогулочную дорожку. Более того, чуть ниже карниза торчали макушки статуй. Если даже и свалюсь, то обязательно за одну зацеплюсь, спасибо гара «коготь».

На всякий дополнительный случай я покрылся сильно видоизмененной чешуей. Раз уж научился ее худо-бедно контролировать, то почему бы и не воспользоваться. Я сделал ее как можно более тонкой и плоской, похожей на толстенные, жесткие волосы. Выглядел я, конечно, как бродячий кот, облитый маслом и после этого извалявшийся в дегте, но хотя бы не как приметный лысый фамилиар. Спасибо, проходили, знаем.

Безо всякого труда я перебрался на другую сторону и нырнул в окно, уже гостеприимно распахнутое Лирой. Девушка меня уже ждала. Тоже переделась — в серый брючный костюм. Двигаться в таком удобнее, да и не так запоминается, как зеленое шелковое платье.

«Хотя, как посмотреть» — подумал я, глядя на точеную фигурку девушки.

К слову, сумку с костюмчиками и масками нам передал один из привязанных духов девушки. Удобно быть ведьмой.

Лира передала мне из сумки сменную одежду и отвернулась. Я обернулся человеком и спешно напялил брюки и фрак. Из сумки я также достал свою маску. Понятия не имею, правда, зачем они нам сейчас, но пускай будут. Ее я спрятал в специальное крепление на внутренней стороне фрака.

Над своей маской я сильно думать не стал. Точнее, думал я целый день, как бы сделать пооригинальнее, но после вечернего моциона в теле кота ответ, можно сказать, упал мне на голову, будучи сбитым искрой, и съеден.

Я просто весьма плотно поужинал птицами, в изобилии водившимися в нашем саду и

садах соседей. Прямо-таки набил пузико. Отдельной песней было то, как я очищал кости от мяса. То, как я перекладывал миниатюрный и колючий пазл в поисках наилучшей формы, вообще достойно героической баллады. Потом был вечерок, пропахший клеем и запомнившийся мне склеенными пальцами. И вот, моя маска была готова.

Она отчасти была похожа на пластинчатую броню. Начиная со лба, мелкие и крупные птичьи косточки волной спускались до подбородка, в процессе формируя подобие оскаленной кошачьей морды. Мне нравилось. Лире не очень. Она сказала, что я и в худшие моменты и наполовину не выглядел таким злым. Проблема была в хрупкости конструкции. Птичьи кости, знаете ли, не славятся прочностью. Вот за клей я мог быть полностью спокойным.

— Готов? — спросила меня Лира.

— Ну да.

— Тогда пошли?

— Давай.

Лира достала из кармана две медных луны. Вытянув ладонь перед собой, она произнесла:

— Дух Длинных теней, прошу, убереги и укрой нас.

На ладошке девушки возникло облачко мрака, будто что-то отбрасывало на нее тень. Миг — и тьма слизнула монетки. В ответ на подношение наши силуэты расплылись, стали нечеткими и полупрозрачными.

Лира засунула руку за жакет, вытащила оттуда свою, едва различимую маску — папье-маше из ее старых и уже ненужных конспектов по ведьмовству.

— Быстрее, пока эффект не спал. Нам надо добраться до кабинета Саркоди, и побыстрее. Нам еще все обыскивать.

Я кивнул и надел маску из птичьих костей.

Глава 12. Шпионаж. Этап второй

Мы с Лирой, больше похожие на неверные тени, бегом продвигались по коридорам поместья. Не то, чтобы нас совсем нельзя было заметить, но по крайней мере от случайного взгляда охранника мы спасемся.

Как говорится, помяни черта, он и явится. Нам надо было свернуть в конце длинного коридора, и, когда нам оставалось около тридцати метров, из-за угла на нас вышел отчаянно зевающий стражник в форме Холодных сердец. При нем не было их фирменного ростового лука, но в закрытом помещении ему прекрасно хватило бы и двухзарядного дробовика, уютно притаившегося в расстегнутом чехле на бедре.

Мы остановились как вкопанные. Я сориентировался быстрее и нырнул за ближайшую портьеру. Расстояния между ней и подоконником было достаточно, чтобы я ее даже не шевельнул. Лира скользнула за мной следом.

Мы устроились практически в обнимку, плотно прижимаясь друг к другу. Я внезапно очень четко ощутил, как часто вздымается грудь ведьмы. Я успокаивающе погладил ее по тылу кисти. В ответ я почувствовал, как прохладные от волнения пальцы сжимают мои.

Из стены рядом с моей головой вынырнуло лицо Дамиана. Я придушил испуганный взвизг, а Лира вообще закрыла рот руками.

Дамиан был полуизменен — серая кожа, угольные глаза, капюшончики жабр на шее. Судя по всему, в стене ему было достаточно удобно. Как он вообще туда забрался?

— Могу придушить его и спрятать, — едва слышно предложил нам роккулу.

— Нет, мы действуем тихо, — прошипел я.

— Как знаете. Тогда я просто буду рядом. Прикрою, предупрежу если что, — и Дамиан скрылся в стене. Та от его исчезновения на пару мгновений пошла волнами, будто он нырнул в нее.

Мы затаили дыхание. Если Отмороженный не настолько умен, чтобы оглядывать коридор на предмет выявления потоков воздуха, то мы спасены.

Так и случилось. Отмороженный явно думал лишь об отдыхе. Интересно, куда их так гоняют?

Впрочем, может, сегодня и узнаем.

Отмороженный прошел мимо нас, не задерживаясь ни на миг. Спустя пару десятков шагов он неожиданно решил проверить одну комнату и удалился за едва скрипнувшую дверь. Духи нам благоволят.

Мы с Лирой продолжили путь. Без труда и проблем мы добрались до лестницы. Большая, с пролетами, она не была украшена ни коврами, ни даже особо освещена — лишь по одному тусклому газовому светильнику на пролет. Нам лишь на руку.

Лира прошептала слова заклятия, и в воздухе появился синий огонек — Шаиш. Зависнув в воздухе на пару ударов сердца, он двинулся и застыл над одной ступенькой. Знак — скрипит. Поэтому, перепрыгнем.

От постоянных прыжков наше продвижение сильно замедлилось. Скрипучие ступеньки попадались на удивление часто, а между вторым и третьим этажами Шаиш вообще начал плясать сразу над пятью ступенями. Пришлось лезть по перилам.

Наконец, мы попали на четвертый этаж. Он был не в пример меньше, чем первый — тут располагались личные покои Саркоди. Туда-то нам и надо было.

Обстановка тут была... какая-то немного романтично-извращенская. Пушистые алые ковры, пляшущие огоньки газовых фонарей за розовыми стеклами, множество картин, изображавших обнаженную натуру, как женскую, так и мужскую. Иногда вдвоем. Иногда и за физическими упражнениями.

Лира повертела головой, полюбовалась картинами и смущенно и одновременно брезгливо цыкнула языком.

Нам оставалось понять, какая из десяти дверей ведет в кабинет местной большой шишки. Нахрена ему вообще на личном этаже столько помещений?

Мы подошли к первой. Шайш метнулся к двери, застыл, после мигнул зеленым. Людей внутри нет. Лира осторожно приотворила дверь. Столовая — три столика, накрытых белыми скатертями. На одном — блюда с остатками мяса, рядом стояли нетронутые фрукты.

Процедура повторилась около второй двери. Зеленый свет. Личная ванная. Охренеть, там был микробассейн. Кран оформлен в виде кувшина в руках обнаженного парня. Скульптурная, мать ее, композиция.

— Что за извращенец тут живет? — шепотом спросила Лира.

— Не знаю, — ответил я, рассматривая вентили кранов, расположенные аккуратно на месте яичек статуи, — Но мне он уже не нравится.

— Согласна. Пошли дальше.

За третьей дверью была здоровенная кровать, заправленная розовым шелком. Постельное сильно сбилось. На маленьком столике рядом стояли свежие морепродукты, две початые бутылки дорогого вина. Из комнаты сильно пахло алкоголем и мускусом.

Лира просто махнула рукой.

За четвертой дверью нам улыбнулась удача. Или не улыбнулась, тут как посмотреть.

За дверью был кабинет — стол, на котором в аккуратных держалках лежали стопки бумаг, корзина для писем, арсенал ножей, то ли бюро, то ли картотека, и небольшой стеллаж с разнообразными книгами.

Проблема была в том, что здесь была еще одна дверь, которая вела в соседнюю комнату. И оттуда раздавались вполне однозначные звуки — шлепки, вздохи и томные стоны.

Мы с Лирой переглянулись. Ни ей, ни мне особенно сюда больше не хотелось, но делать нечего. Назвался лимфоцветом — полезай в мазь, или как там говорится?

Мы зашли в кабинет. Аккурат как мы прикрыли дверь, с нас спало защитное проклятье, и мы вновь стали видными. Мне открылся хороший вид на пунцовые как вареный рак ушки ведьмы.

— О-о-ох, Модест! Сколько можно?! — раздался из-за двери женский голосок.

— Я и сам по себе силен, Ванесса, а под этим чудесным зельем я могу не останавливаться часами!

— Еще, Модест, еще!!!

Мы с Лирой переглянулись.

— Ну минут двадцать у нас есть, — прошептал я.

— А не часы?

— А ты знаешь, что у него за зелье?

— Нет.

— И я нет. Может, там сильнодействующий эликсир. А, может, там отвар из бычьего корня.

Из-за двери донесся особенно громкий стон, почти переходящий в крик.

— Непохоже на отвар, — с сомнением произнесла Лира.

— Мы тут вообще за другим, не за оценкой фармакологических действий. Ищем бумаги!

Исходим из того, что у нас двадцать минут.

И мы бросились по сторонам. Я только успел заметить, как Лира достала из кармана кроличье ухо.

— Дух Шепотов и Криков, прими подношение и...

Я не стал дослушивать. Это уже обсуждали, действие знаю. Просто буду меньше шуметь.

По плану, Лира перебирала стол, а я рылся в картотеке. Если там пусто, переходил на прочитанные письма.

Открыл верхний ящик. Лежал разряженный, весь ствол в копоти, револьвер, бутылочка с синим переливающимся зельем, маркированное «от геморроя», и флакон Мягкосна. Я подавил желание сплюнуть.

Второй. Ряды картонных папок, неплотно прижаты друг к другу. Схватил одну. Отчет по операции «Белое око». Мусор. Схватил другую. Отчет о взятии городка Сильвис. Мусор. Быстро пробежался по остальным. Отчеты об операциях, взятии городов и покупке снаряжения в оптовых объемах. Мусор, мусор и мусор.

Третий ящик. Синие и белые картонные папки, уже потолще. В каждой был послужной список какого-то рядового или низшего офицера из состава Холодных сердец. Бегло пробежал глазами парочку. Судя по всему, синие папки — благонадежные сотрудники, которым можно и какую-то незаконную мокруху поручить.

Четвертый ящик. Плотно забит мелкими прямоугольными бумажками. Вытащил одну: «Внутренний циркуляр № 373484». Та-ак, вот это любопытно.

Начал бегло смотреть содержание каждого. Тут были распоряжения о внутреннем суде, изменениях в распорядке, какие-то особые приказы, типа, при взятии городка Сабь никому не пить.

А вот и что-то интересное. «Предоставить в распоряжение агента Корданны пятерых доверенных. Возможны потери. Срок — восемь дней.» Отложим это. Ищем дальше.

Через пяток минут я уже нашел еще три таких однотипных циркуляра: предоставить в ведение агента такого-то столько-то солдат сроком на столько вот дней. Любопытно. Тут на циркулярах есть даты, Ранф может сопоставить сроки с терактами Тысячи Глаз.

В целом, для основы хватит. Будет время, вернусь.

Открыл пятый ящик. Ряды бутылок виски, почти половина пустые. Должны были звякнуть, но Дух Шепотов и Криков хорошо знает свое дело.

Конец моих поисков ознаменовал особенно громкий и протяжный крик. Видать, Модест зажигает. Хорошо, что этот декадент не останавливался. Хотя мне от ситуации хотелось сильно-сильно скукожиться.

Я присоединился к ведьме. Она осматривала держатели для папок для бумаг — по очереди вытаскивала каждую папку и внимательно ее листала.

— Улов есть? — спросила меня девушка.

— Есть. Пара интересных циркуляров.

— Модест, ах, Модест! Глубже!

— Копирка есть? — спросила ведьма. Пытается игнорировать, но уши аж светятся.

— Нет.

— Держи, — Лира вытянула из внутреннего кармана пиджака пару листов бумаги и подала их мне.

Копирка — удобная ведь. Приложи к чистому сероватому листу текст, и он отпечатается. Правда, с обеих сторон — на одной зеркально, а на другой — нормально. Тем не менее, вещь более чем удобная. Лучше, чем принтер со сканером.

Все три циркуляра уместились на одном листочке. Копирку я тут же сложил и спрятал в карман, оставшуюся отложил, и положил циркуляры обратно. Я примерно запомнил, откуда их брал, так что они примерно там и устроятся.

Вернемся, точнее, приступим, к корзине для писем.

«О Летиция, когда я думаю о тебе, мой могучий посох вздымается в небеса...»

Тупое дерьмо тупого дерьма. Ему сколько? Тридцать? Сорок? Ведет себя так, будто ему шестнадцать.

Всемогущие духи, я сижу в чужом поместье, в маске из птичьих костей, и читаю чужую эротическую переписку. Джаспер, Джаспер, до чего ты докатился? И какого хрена это вообще делает в его корзине для прочитанного? Впрочем, судя по хаосу в его шкафчике, Саркоди не отличается аккуратностью.

Читаем другое.

«Друг мой Модест, нашим друзьям из теней требуются новые подопытные. Возьми на досуге два десятка доверенных людей, нанеси визит в какую-нибудь задрипанную деревушку, забери побольше материала. Л'Атон был доволен, когда вы привезли детей. Говорит, хорошо тестируются маломощные яды. Удели этому внимание».

Короткая записка, а сколько смысла. Разом и подтверждение порочащей связи с Тысячей, и уличение в незаконной деятельности, разбойном нападении, работоторговле. Еще и повод отрезать Модесту корень. Его пыхтение меня дико раздражает.

Скопировав ее, я взял у Лиры еще копирки. Она и сама что-то копировала. Уже радуется, с пустыми руками не уйдем.

Следующее письмо.

«Господин Саркоди, сообщаем, что ваш заказ на мазь для увеличения мужского достоинства пришел. Приходите в нашу аптеку, после полуночи с радостью выдадим ваш препарат. По оплате — как договаривались.»

Я едва сдержал гомерический хохот. То-то Ванессе все хочется поглубже. Не хватает чуток, видать.

Прикусив себе до крови губу, я продолжил.

«Касательно осады города Сабь. В окрестностях города располагается большое количество винных заводов. Выпустите циркуляр о недопустимости пить, иначе наши солдаты будут ходить синие. И так мелочевку эту берем вторую неделю.»

«Господин Саркоди! Ежемесячная оплата поставщика в этом месяце составит восемьдесят лун. Еще двадцать за особые услуги. Касательно утилизированной работницы заведения мадам Шарго — штраф составит три луны. Прошу, держите себя в руках и не допускайте подобного.» Рядом значилась приписка, другим почерком: «УРОД».

«Наши темные друзья довольны проведенной акцией. Они сожалеют о наших потерях. Мне доложили, что трупы утилизированы силами варага прямо на поле боя. Связь с нами не будет установлена.»

Будет, сучечка. Скопировано!

«Господин. Пришли родственники убитой вами горничной. Как прикажете поступить?»

Я уже всерьез думаю об убийстве. Мне этот поминаемый Модест нравится все меньше и меньше.

— Лира, что наша?

— Немного теневой бухгалтерии. Отчеты свидетельствуют о солидных денежных вливаниях со стороны. Суммы более двух тысяч лун в месяц.

— Это же состояние!

— Да. Они спешно наращивают боевую мощь. Осталось понять, зачем. Есть доказательства в корзине?

— И доказательства, и причины прикончить Модеста. Он убивает проституток и горничных.

Лира едва слышно скрипнула зубами.

Из пола высунулась голова Дамиана.

— Внизу какой-то шум. Крики, странные визгливые звуки. Чувствую, сюда сдвигаются силы стражи. Поторопитесь. Постараюсь их немного задержать.

Мы с ведьмой переглянулись и начали судорожно копаться в бумагах.

Я отбрасывал одно письмо за другим. Отчет... Дружеская переписка... Счет из охотничьего клуба... Офицерский сбор в каком-то поместье... Это скопирую. Кто-то гневно угрожает расправой за очередную убитую... Распоряжение издать циркуляр... Еще одно... Счет за вина... Отчет о доходах сыроварни... Доля за «крышу» рынка... Счет за морепродукты... Просьба выделить пятьдесят людей на «акцию наших друзей в Гантирре». Копирую.

— Джаспер, переходи к ящикам.

— Хорошо.

— Внизу все пошло вскачь, — снова высунулся Дамиан. — Гостей выводят, сюда стекаются все силы с поместья. Чую, уже пролилась кровь. То есть, натурально чую. Носом, — пояснил роккулу.

— Тревога есть? — спросила Лира. Помолчав, хлопнула себя по лбу. — Тупой вопрос.

— Могу возиться с замками, а могу к хренам расплавить, — предложил я.

— Плавь, — сказал Дамиан, медленно моргнув глазами. — Там спешил офицеришка с донесением этому половому гиганту, — роккулу указал за дверь, где стоны только участились. — Я свернул ему шею.

Я кивнул. Роккулу исчез.

Ящиков было три. Я приложил палец к верхнему и пустил жар. Почти сразу замок потек, как масло. В ящике лежало два письма и старинный пистолет — еще дульнозарядный. Письма я вскрыл. Ничего супер-интересного: эротическая переписка с Ванессой. Заверения в твердокаменности жезла, грязноте помыслов и прочая похабщина.

Второй ящик. Слякоти с Мягкосном, еще пара бумажных пакетиков с синеватым порошком, покрытый резьбой костяной бумеранг (а он-то что тут делает?) и письмо. Вскрыл.

«Акция наших друзей назначена почти сразу после праздника середины зимы. Пять единомоментных взрывов в разных концах Санго. Один будет направлен в наше отделение на улице Летних грез. Это продиктовано конспирацией. Меньше шансов, что заподозрят в связях. Целесообразно выставить на дежурство неблагонадежных и истощивших свою полезность сотрудников. Отдельным приказом: назначьте старшим офицера Гослина Г. Он не должен выжить, проследить. Второй взрыв — отделение Стальных рогов. Третий — Почтамт. Четвертый — отделение Мягкой поступи. Пятый — Центральный Банк Белой долины. Наши бойцы, по два десятка, должны с воздуха прикрывать наших друзей. Образцы

крови кандидатов должны быть предоставлены до вторника для обучения варага, для исключения дружественного огня. Принять к сведению, выполнять. Силестин Фироль.»

Я охренел. Во-первых, целых пять взрывов в Санго. Во-вторых, мы ухватили Силестина за яйчишки. И ухватили прочно.

С другой стороны, могут ухватить и нас. Достаточно расплавленного замка. А там просто связать наше появление, мое исчезновение, мой талант к волшебству Инферно, и связать эти факты воедино.

Я уже начинаю надеяться на шум там, внизу. Кто бы там не бедокурил, это нам на руку.

Немного Мощи, тонкая струйка дымка, и последний ящик открыт. В ящике лежал коробок.

Куб из полированного дерева, с гранью где-то сантиметров пятнадцать, с обилием металлических элементов на корпусе — какие-то рычажки, кнопки, шестеренки, замки. Головоломка? Че это вообще такое?

Дальше события понеслись галопом.

Сперва из-за двери раздался голос Ванессы:

— Господин Модест, я вся утомилась. Спину так сотру, хи-хи. Хочу, чтобы вы взяли меня на столе. Сильно, как вы можете.

— Да ты выдумщица, милая. Вставай.

Мы с Лирой только успели переглянуться паническими взглядами.

Дверь распахнулась. На пороге оказалась молодая, лет шестнадцати, девчушка. Тем не менее, для ее возраста у нее была довольно внушительная грудь. Завидев нас, она тихо охнула.

— Ванесса, что копаешься? Хочешь немного отдохнуть? Тут есть шадинское светлое...

Ванессу отеснил подтянутый мужик лет тридцати. Ни глаз, ни подробностей лица я не запомнил. Запомнил только то, что даже у меня, коротышки-полторашки, побольше будет. Мдя, мазь тут будет не лишней.

— Ох-х, — опешил Модест, впрочем, не пытаясь прикрыться. — Анди Молтоуз? Нет, стоп. У них не такие маски. Ящики? Кто вы и что, духи вас разорви, вы тут делаете? — под конец его голос перешел в разгневанный рев. Одной рукой он начал формировать какой-то явно неприятный эффект.

Дверь, ведущая в коридор, с оглушительным треском вылетела из косяка — кто-то выбил ее одним пинком. На пороге стояло существо, отдаленно напоминающее человека. Нет, все же это был человек, просто с ног до головы покрытый стекающей и пятнающей ковер кровью и разноцветными ошметками — красными, розовыми, бурыми и серыми. В руке человек сжимал визжащий резонатор.

— ЭДВИН?! — заорал я.

— Знакомый голос... КОТ?! — заорал в ответ Эд. — А какого ползуна ты тут делаешь?!

Глава 13. Чудовища

— Да что вы себе все позволяете?! — заревел раненым зверем Модест.

Я не стал тратить время на разговоры. Мне хватило одних переписок, чтобы составить свое, весьма веское, мнение насчет этого человека. Так что я на кортах подскочил к Модесту, и хорошо так осушил ему чуть ниже хозяйства, что у меня аж рука заболела. Мой удар возымел поистине чудотворный эффект — волшебник временно забыл сами основы волшебства, заготовленный им эффект рассыпался, не успев сорваться с пальцев, а сам хозяин поместья, посинев и издавая жуткие звуки, завалился на пол.

Неожиданно, меня поддержала Лира. Подскочив, она отвесила пару весомых пинков по уже и без того пострадавшей «конечности». Наградой стало едва слышное сипение.

— Это за что вы так его? — с опаской поинтересовался окровавленный Эд.

— Убивает проституток и горничных, кутит, прожигает казенные средства, ну и еще пара отягчающих, — сказал я, сопровождая каждое слово увесистым пинком в живот.

— А ну, тогда... — Эд прошел в комнату, оставляя на ковре багровые следы, и взял из ящичков коробочку. — Хм. А я за этим вот сюда и пришел. Как удачно вышло.

Свободной рукой Эдвин подобрал со стола пару отчетов, приказов и писем. Подумав, сонитист переложил коробочку подмышку. Пролистал бумаги, пятная кровью бумагу. Брезгливо откинул обратно.

— Ну и ублюдок... — протянул он. — К слову, он меня видел. Так что можете сильно не стараться, он пойдет в расход.

— Вы его убьете? — со странной интонацией спросила девушка, про которую мы начисто забыли — до того она была тихая и незаметная. Видно, и дышала через раз. С другой стороны, она успела прикрыться каким-то покрывалом на манер тоги.

— А-ага, — ответил Эд, любовно оглаживая свой трофей.

Девушка встrepенулась, почти подбежала к посиневшему, сипящему телу и отвесила три увесистых пинка:

— Урод! Насильник!

— А у вас разве не все обоудно? — удивился я.

— А если твоего десятилетнего братишку возьмут в плен, как ты думаешь, на что ты согласишься ради его спасения?

— О как, — почесал я затылок. — Эд, или ты действуешь сейчас, или мы тут втроем его до смерти забьем.

— Да иду я, — устало отозвался сонитист.

Действительно, волшебник спрятал коробочку в кожаный мешок, притороченный к бедру, и подошел к нам.

— А что это у тебя за коробочка? — поинтересовался я.

— Да так, ничего особенного, — выдохнул Эд. — Всего лишь ключи от моего дома.

— В смысле ключи? — скосил я глаза на коробочку.

— Может, потом обсудим? — нетерпеливо мотнула головой Лира.

— Да, пожалуй, что так. Монна Фольди, вы же не возражаете, если я нанесу визит вежливости?

— Всегда к вашим услугам, анди Моуз.

Эдвин присел на корточки возле поверженного, тяжело дышащего Модеста. Вздохнул.

Приложил руку к его лбу. Все окружающие поморщились от резанувшей уши какофонии. Модест затих, а потом как-то потерял форму и, за неимением лучшего слова, растекся по полу. Ванесса ринулась обратно в соседнюю комнату, и почти сразу же до нас донеслись звуки неукротимой рвоты.

— А вы, собственно, что тут делали? В таких модных масках, — вскользь поинтересовался Эд.

Я окинул взглядом стол, с заляпанными натекшей с Эда кровью документами.

— Да, собственно, уже ничего. Все, что хотели, сделали. Ты, видимо, тоже получил то, за чем шел.

— У-угу, — протянул сонитист.

— Вы как-то не в форме, — с обеспокоенностью произнесла ведьмочка. Какая тактичность — сказать это человеку, с ног до головы покрытому кровью.

— Признаться, я очень-очень устал в последние несколько дней. Но мои старания вознаграждены. — и волшебник погладил рукой мешок на поясе.

— Неловко просить тебя об одолжении, но не мог бы ты помочь? Я тут немного наследил — расплавил замок. Не мог бы ты как-нибудь скрыть следы?

Эдвин, видимо, от усталости, емко прокомментировал это в стиле «фигня вопрос» и одним движением превратил стол в труху.

— Тогда на выход, дамы и господа? — предложил парень. Возражений не нашлось.

Первые проблемы начались, когда мы спустились по лестнице. Эдвин, шедший впереди, чуть грудь к грудию не столкнулся с резко выбежавшим на него стражником-вьюжником. Отмороженный только и успел, что коротко вскрикнуть — раздался взвизг какофонии, и наемник словно бы взорвался изнутри, заляпав своим богатым внутренним миром дорогие обои. Лира, словно эхом, негромко крикнула, когда на нее попали горячие алые капли.

— Монна, прошу меня простить, — виновато отозвался Эдвин. — Меня учили работать только так. Я умею и по-другому, но сейчас на это нет сил и времени. В свое оправдание скажу, что это должно быть безболезненно. Работаю высокими частотами.

— Вынуждена признать, что мы сейчас заляпаны по уши. Имею в виду ситуацию, — ответила Лира.

— Позже поболтаем, — сказал я.

Мы продолжили путь вдоль по коридору. Буквально через десять метров из колыхнувшейся стены вылез Дамиан.

Эдвин отреагировал бурно — вынул из ножен яростно взвизгнувший резонатор и уже замахнулся им. Дамиан по пояс провалился в пол и спокойно сказал:

— Я свой. Успокойся, волшебник.

— Джас, кто это? — напряженным голосом спросил Эд, никуда не девший резонатор.

— Наш приятель, Альбатрос, приставлен Отшельником. В данный момент, мы под его юрисдикцией. Он роккулу.

Эдвин тут же опустил кинжал.

— У меня будет к вам сотня вопросов, — сказал он.

— У меня лишь чуть меньше, — кивнув, ответил я.

— Впереди около пятнадцати рядовых Холодных сердец, — словно бы невзначай заметил Дамиан, выбираясь из жидкого пола, опираясь руками на твердый.

Эдвин емко охарактеризовал ситуацию. Донные духи, как же я скучал по этому парню.

— Ну, в принципе, я справлюсь, — вздохнул Эдвин, — Вот только вас всех попрошу удалиться.

— Будешь работать особенно жестко? — спросил я.

— Нет. Будете мешаться, — честно ответил Эдвин.

— А я предлагаю просто поделить обязанности, — подал голос роккулу, как и всегда, сохранявший полное спокойствие. — Я беру на себя всех, кто не пройдет прямо к Синице и Сипухе.

— Синица и Сипуха? — переспросил Эд.

— Монна и анди, — обвел нас двоих рукой Дамиан. — Мы на заданиях, как правило, пользуемся позывными. Монна — Синица, анди — Сипуха.

Да, Ранф расщедрился на позывные. Он сказал, что моя маска очень похожа на характерную мордочку этих пустынных сов.

— Что ж, идею понял. Ты не пропускаешь Отмороженных, я крошу тех, кто все-таки прошел.

— Быстро уловил.

— Что там улавливать, — отмахнулся волшебник.

— Занимаем позиции, — скомандовал посерьезневший Дамиан. — Они уже идут.

Роккулу простер руку вперед, и небольшой участок стены перед поворотом выбух здоровенным полупрозрачным пузырем. Приглядевшись, я заметил, что сразу за обоями вился целый вихрь пузырьков. Роккулу умеют кипятить воду?

Ответ был дан практически сразу.

Не успело мое сердце сделать и пять ударов, из-за поворота вылетели первые три преследователя. Обычные парни и мужчины, разного возраста, но с кучей объединяющих признаков — длинная голубая прядь в волосах, облегающая летная одежда с сложной ременной перевязью по всему телу и короткие, толстые дробовики в руках. Я надеялся на луки, конечно, но, видать, они не до конца Отмороженные.

Завидев нас, наемники тут же кинулись в нашу сторону. Один из троицы несколько поотстал, что-то агрессивно втолковывая подчиненным. Когда Холодные сердца поравнялись с вспухшим пузырем, Дамиан коротко махнул рукой. Пузырь лопнул, и в стражников ударила тугая струя яростно шипящего, раскаленного пара. Раздались визги заживо свариваемых.

Из клубов пара раздался выстрел, сопровождаемый дульной вспышкой. Одновременно с ней Эдвин пустил волну звука, настолько плотную, что она искажала перспективу. По мере своего стремительного полета стена выбивала окна. Пули, столкнувшись с волной звука-воздуха, просто остановились и попадали на ковер, будто семена диковинного растения.

Я, решив не оставаться в стороне, пустил в уже рассеивающийся пар череду искр-гиль. Раздавшиеся звуки боли и беспомощные хрипы были мне наградой.

Нежеланной наградой. На краткий миг я задумался. Желал ли я им смерти? Нет. Убил бы я их? Да. В моем сознании образы серьезного преступника и обычного наемника Холодных сердец стояли очень и очень близко.

Из пара, всего в сорока-тридцати метрах от нас, вышли уже пятеро охранников. Сжимая свои дробовики одной рукой, другой они ставили в воздухе перед собой плотные белесые вихри воздуха. На пробу я запустил в них дюжину искр. Все они попали в щиты, закрутились в потоке воздуха и попали кто куда — в стены, потолок, пол, вылетели в оконные проемы. Я начал нагнетать взрыв недалеко от их строя. Как только приблизятся, я тут все взорву.

Причем взорву умно, направив волны давления, жара и раскаленных газов в их сторону.

Около моего уха раздался выстрел — Лира выщеливала уязвимые точки в обороне ровного строя Отмороженных, пока без особого успеха.

— Эй, Альбатрос! — крикнул Эд. — Я знаю эти щиты. Их даже звуковая волна не возьмет. Есть идея?

— Есть. Надо уходить, пока не подоспело следующее подкрепление.

— Отличный план. А главное, лаконичный! — скепсис в голосе волшебника можно было намазывать на хлеб. Строй наемников еще раз огрызнулся свинцом, и сонитисту снова пришлось пустить звуковую волну.

— Тоже так считаю, — бесстрастно отозвался Дамиан. Внезапно его рубашка и жилет лопнули, лохмотьями свешиваясь у него с пояса, выпуская наружу растущие из его спины шесть длинных щупалец с когтями, больше похожими на кинжалы, на концах. Строй наемников замер от неожиданности, всего в метре от моей бомбы. — Они победили Тьму глубин, и считают, что знают, как биться с глубинщиками. Сейчас я покажу им всю разницу, о которой они до этого не подозревали.

Роккулу свел вместе руки в каком-то жесте. Внезапно все пространство вокруг наполнилось вязкими, тягучими тенями, все очертания и контуры здания потеряли сначала четкость, потом цвет, а потом и непрозрачность.

Мы с Лирой потрясенно заозирались. Это было бы большой промашкой с нашей стороны, если бы Отмороженные тоже не застыли с раскрытыми ртами.

Дамиан превратил все крыло особняка в воду.

Толща темно-темно синей воды была пронизана коридорами, усеяна окнами-отверстиями. То тут, то там виднелись комнаты, сейчас больше похожие на пещеры, за тончайшими, почти невидимыми мембранами дверей. Все три этажа особняка просматривались как на ладони. А если посмотреть выше...

Сквозь слоистую воду был виден мутный, рассеянный свет звезд посреди черного неба ночного Санго. Зрелище было просто крышесносным, другого слова мне не подобрать. Все это зрелище удивительным образом контрастировало с тем маленьким фактом, что светильники работать не перестали.

Тем временем Дамиан частично преобразился. В дополнение к щупальцам, он снова покрылся чешуей, обзавелся жуткой пастью, бритвенно-острыми когтями и хвостом плащеносной акулы — с характерным ворохом плавников на конце. Не успел я и пикнуть, как роккулу ушел в воду и превратился в чрезвычайно быструю, смазанную черную тень.

Дальше началось форменное истребление.

Я как будто снова очутился в своей прошлой жизни, перед телевизором, на котором шла передача про доисторических хищников, конкретно, зарисовка «древний водоплавающий хищник насыщается толпой слабачья перед длительной спячкой».

Началось все резко — Дамиан подплыл к паникующим и не совсем осознающим, что вообще произошло, наемникам, вылетел из пола, подняв целую тучу брызг, откусил голову одному, одним ударом разворотил бок второму, и погрузился обратно в воду прежде, чем кто-то вообще успел среагировать. Будучи снова в воде, Дамиан начал наворачивать круги вокруг сгрудившихся наемников, причем, судя по всему, пустотелые коридоры роккулу не сильно смущали.

Кровь из тел убитых проливалась на пол, растекалась лужами, а уже из луж медленно растекалась по воде багровыми облаками.

Какой-то умник выстрелил из дробовика по мечущемуся с ошеломительной скоростью силуэту, но это не принесло ни малейшего результата. Напротив, раззадоренный роккулу промчался под строем противника, за ноги сдернув щупальцем одного вьюжника в глубину. Перекрытия между первым этажом и подвалом моментально перестали быть прозрачными.

Я очнулся от сильного хлопка по плечу. Обернувшись, я увидел несколько бледноватого Эда и Лиру с совершенно потерянным взглядом.

— Уходим!

— А как же Да... Альбатрос?

— Да вот уж не думаю, что у него есть проблемы. Проблемы только у них, — волшебник указал острием кинжала на вопящих от ужаса и совершенно позабывших о нас солдатах.

— Разумно, — согласился я, и мы бросились обратно, оставляя солдат позади. Пол-вода пружинила под нашими ногами, не позволяя нам упасть в бездну.

Жуткое и явно запредельно мощное колдовство роккулу сыграло нам на руку — мы увидели, что из комнаты в начале коридора есть тайный ход на первый этаж. Спустившись на него, мы в любой момент сможем покинуть здание, хоть и через окно.

Но, уже идя по лестнице, мы заметили, что в коридоре стоит еще один человек в форме Холодных сердец. Он стоял, скрестив руки на груди, и просто смотрел, как мы втроем спускаемся. Над ним буйствовал роккулу, и даже вода едва могла приглушить крики, но фигуру в коридоре это никак не трогало.

— Эд, тебе тоже неудобно?

— Есть такое, — кивнул русой головой парень. — Что-то в нем меня напрягает. Но с одним я точно справлюсь. С галгарой один на один справился, и с ним слажу.

Я кивнул, но, на всякий случай, начал прогреваться.

Мы не стали задерживаться или сбегать, разрушая стену. Мы просто вышли в коридор.

Когда нас перестала разделять темная вода, мы втроем могли рассмотреть нашего противника.

Волосы были полностью выкрашены в голубой, а длинных прядок было целых две. На форме Холодных сердец были не серебряные, а медные печати. Из ножен на голени торчала рукоять короткого кривого меча, а прямо на ремнях на груди в особых ножнах, рукоятками вниз, ждали своего часа два ножа. Больше при нем ничего не было. Но хуже всего был циничный взгляд, в котором не было почти ничего человеческого. Этот человек словно бы видел перед собой насекомых. У этого человека явно было по-настоящему холодное сердце.

Когда мы полностью вышли из коридора и встали в подобие боевого порядка — мы с Эдвином впереди, Лира позади нас — противник изволил представиться:

— Я Тибо, старший офицер отряда Холодных сердец, второй из триады меча. Командование поручило мне добыть ваши головы. Предлагаю просто сложить оружие и покориться судьбе.

Вместо ответа Эдвин просто сорвался с места в прыжке, при этом не делая никаких движений — его словно швырнуло из катапульты. Сонитист летел точно на противника, и с такой скоростью, что даже мне, с звериной реакцией и инстинктами, непросто было бы среагировать.

Тибо успел достать меч из ножен, принять визжащий клинок Эда на клинч, а другой рукой выстрелить в него из аналога воздушной пушки.

Оставляя за собой кровавый след в воздухе, Эдвин перелетел через нас, но приземлился

на ноги, хоть и прошипел, когда его ноги звучно соприкоснулись с размягченным полом. Его кровь тонкой струйкой потекла на воду и начала в ней растворяться.

— Своим жалким сопротивлением вы лишь оттягиваете неизбежное, — скучающим тоном сообщил нам Тибо. — Если сложите оружие, я обещаю, что будет не больно.

В ответ я начал финальную стадию прогрева — я выделял бешеное количество тепла, не сохраняя его в своем теле, а выпуская наружу. Вода, ластящаяся к подошвам моих ботинок, моментально вскипела. Тибо, приподняв брови, моргнул, а я уже полностью покрылся чешуйчатой броней в максимально серьезном варианте, соорудил себе пасть, полную заостренных зубов, солидно утолстил хвост и даже успел припасть к земле. Мое сознание радостно слилось с Котом — его помощь в таких ситуациях нельзя было переоценить.

— **Кот**, — донеслось сзади. Это был не совсем «голос», в привычном понимании. Легче было бы описать так — кто-то один говорил хором, и все это прогнали через синтезатор. Этот голос вовсе не мог принадлежать человеку.

Я обернулся.

Эдвин поднимался с колена. Вены на его теле набухли и ярко светились фиолетово-черным. Пальцы, ладони и лицо покрыла сеть трещин — его кожу словно бы что-то раздвинуло, обнажив сверкающее золото. В левом глазу лопнули все до единого капилляры, делая его взгляд абсолютно чуждым, несущим угрозу. Весь его внешний вид превосходно сочетался с одеждой, насквозь промокшей от чужой и собственной крови. Силуэт сонитиста окружала аура чистой какофонии — вода вскипала и моментально замерзала для того, чтобы снова вскипеть, а воздух дрожал от силы чистого разрушения из другого мира.

Эдвин внушал ужаса больше, чем Дамиан. По крайней мере, Кота проняло до нашей общей печени.

На моих глазах Эд спрятал в ножны кинжал. Вытянув руки вдоль тела, он выдохнул. Из ладони, перпендикулярно ей, прорывая мясо между средними и безымянными пальцами, полезли длинные мечи, похожие на обломки здорового мутного зеркала. Такие же лезвия, больше похожие на бесформенные осколки, появились из его предплечий, голеней, спины и густо усеивали хвост, спазматически дергавшийся в ожидании боя.

— **Отойди, кот. Мы с Девятой справимся.**

Глава 14. Джаспер vs. Эдвин

По мне, ситуация была крайне прозрачна и ясна. Человек, покрытый кровью, в ауре концентрированной энергии разрушения, с золотыми трещинами и фиолетовыми венами по телу, с стеклянными клинками из рук — это тот человек, который однозначно заслуживает доверия. По крайней мере, пока он твой друг.

Поэтому мы с ведьмой, не сговариваясь, шагнули в стороны.

Тибо же выглядел удивлённым.

— Что это с тобой? Выглядишь так, что в реку краше опускают.

— Когда я с тобой закончу, то красавчиком среди нас двоих буду я, — проскрипел Эдвин.

Волшебника вновь кинуло на наемника, будто выстрелом из катапульты. Тибо снова исхитрился поймать на клинч лезвия Эдвина — одно лезвие на меч, другое — на каким-то чудом выдернутый нож. Раздался чудовищный скрежет, и спустя пару мгновений Эд отскочил.

Тибо действительно стало похуже — лицо в язвах, одежда — прореха на прорехе, оружие изъедено и заржавело. На моих глазах клинок его кривого меча переломился надвое под собственным весом.

— Уже не так весело, господин офицер?

— Уже не так, — с кривой ухмылкой кивнул Тибо. — Но знаешь, и мы тоже кое-что можем...

Наемник отбросил ставшее бесполезным оружие, хлопнул себя по печати на груди и, под шипение струй воздуха, приподнялся на полметра над землёй. Потом он сжал руки. В коридоре пахло холодом, поверхность воды в радиусе двух метров от Тибо покрылась толстой коркой льда, а в руках офицера появились длинные одноручные мечи, сделанные из мутного, непрозрачного синего льда. Судя по блеску, они были бритвенной остроты.

— Посмотрим, как ты полетаешь, Свисток, — ещё раз ухмыльнулся Тибо и ринулся в атаку.

И мы с Лирой замерли. Мы бы хотели помочь: я был готов рвать когтями и клыками, стрелять искрами и дышать огнем, Лира готова была стрелять и наводить проклятья, но это было невозможно. Просто потому, что на них нельзя было навестись, прицелиться, а иногда и заметить.

Два человека стали смазанными силуэтами, воздух наполнился звуками ударов стали о сталь, хрустом льда и порывами ледяного ветра.

Тибо мастерски выписывал пируэты вокруг Эдвина, то пролетая в десяти сантиметрах над полом, то взмывая к потолку. Он вертелся и крутился ужом, а длинные мечи позволяли ему не находиться слишком долго в разрушающем поле Эдвина. Более того, разрушенные волшебником мечи он восстанавливал раз за разом, и спустя десяток секунд сотни крошек, обломков и частей одинаковых ледяных мечей медленно проваливались в воду.

Эдвин же стал чистым разрушением. Какофония захватила его тело полностью. Волшебник махал руками-клинками и хвостом, покрытым осколками неведь чего, но очень острого, задевая пляшущего в воздухе наемника, но и сам страдал от десятков мелких царапин и порезов. Осколки, торчавшие из его тела, вполне эффективно защищали его от режущих ударов, а от тычков и рубящих Эдвина просто будто бы что-то отодвигало в

сторону. Что-то невидимое.

Создалась патовая ситуация. Каждый миг нахождения в ауре Эдвина приближал Тибо к смерти, и поэтому он не мог перейти в усиленный ближний бой, предпочитая выцеливать уязвимые точки. У Эда такого ограничения не было, но он просто не успевал за мелькающим вьюжником.

И на таких скоростях бой не мог идти долго.

Замедлился Тибо.

Он решил резко остановиться, чтобы нарушить рисунок боя сонитиста, и всадить меч ему в спину. Но я уже целую минуту стоял как дебил, с раскрытой пастью, полной раскаленных искр. Образно, конечно, но я действительно стоял с открытым ртом.

Серия трассеров влетела Тибо в ноги и низ живота, сломала что-то в его ременной системе и отбросила его на мокрый, пружинистый пол. Эдвин, рыкнув, тут же подскочил к поверженному противнику.

Клинок на его правой руке треснул и опал осколками, что позволило волшебнику поднять вьюжника за горло вверх. Тибо захрипел от боли — ауру никто не выключал, и тело наемника начинало разрушаться само по себе.

— Славная была битва. Давно так не веселилась, — доверительно сообщил Эдвин.

Рука Тибо взорвалась облаком красных капель, обильно окатив стены и пол. Наемник взвыл от боли.

— Было настолько весело, что Пятнадцатый очень неосмотрительно дал мне слишком много свободы. Я думаю тут повеселиться. Ну, пока это тело может меня выдержать. Бедный Пятнадцатый...

Так, вот этого я сейчас не понял.

Эдвин, или кто там сейчас был у руля, отпустил хрипящего наемника, и тот кулем рухнул на пол. Волшебник провел раскрытой ладонью по его лицу, и Тибо заорал полным голосом — по его лицу словно наждачкой прошлись.

— Эдвин, что вы творите? — прошептала Лира.

Волшебник медленно повернулся лицом к нам. Я неосознанно отступил на шаг, прикрыв собой Лиру и уплотняя чешую — оба глаза Эдвина были кроваво-красными, а на лице гуляла кровожадная улыбка.

— Какая милая девушка. Полагаю, твои крики будут наслаждением для меня. О, а рядом стоит... Не совсем понимаю, кто ты, но с тобой явно будет весело. Ты выглядишь прочным.

— Эдвин, — с тревогой и угрозой одновременно прорычал я. — Приди в себя, иначе мне придется тебе помогать.

— Он все ещё тут, внутри. Суетится, носится, дёргает меня. Дурачок. Кот, выруби меня!

На одну секунду жуткая какофония голоса лже-Эдвина затихла, и мы смогли услышать голос самого сонитиста, не искаженного... этим, чем бы оно ни было.

— Эд, я могу тебе повредить.

На мою фразу лже-Эдвин только расхохотался, мелодичным и заливистым женским смехом. Отсмеявшись, он с искренним весельем в глазах и широкой улыбкой вскинул клинок на левой руке и указал им в мою сторону.

— Ты сначала попробуй, котик.

Согласен, глупо. Если уж с изменившимся Эдвином не смог совладать офицер Холодных сердец, то уж куда мне. Но не попытаться я не мог.

Я опустил на четвереньки, вцепился когтями в пол (он оказался неожиданно

плотным), напитал мышцы Мощью и с силой швырнул себя вперед, параллельно полу.

Не-Эдвин ухмыльнулся, отставил левую руку и замахнулся, чтобы красиво срезать мне голову на подлёте.

Но когда до него оставалось полтора метра, я снова вонзил когти рук в пол и на полсекунды остановился. Передней частью тела я затормозил, но, как я и ожидал, инерция не пощадила заднюю часть. Гудящий стеклянный клинок мелькнул у моего носа, а потом инерция чуток подправила направление движения, и я совершил кульбит, с приземлением обеими подошвами ботинок прямо по лицу Эда.

Ошарашенный волшебник отступил на два шага, собираясь с силами, а я перекрутился в воздухе и приземлился на пол.

В ближнем бою мне не светило абсолютно ничего, и я это понимал. Практически все инферналисты — бойцы средней дистанции, и мое владение Серпентисом — всего лишь костыль, чтобы покрыть мой самый главный недостаток. А вот сонитисты, особенно с правильно подобранным оружием, являются чуть ли не самыми смертоносными бойцами ближнего боя. Сколько бы я не накачивал свою чешую Мощью в целях укрепить ее, она не шла ни в какое сравнение с гудящим мечом, способным прорубить буквально все что угодно.

Так что в моих интересах было закончить бой за 1–2 удара. И был у меня козырь в рукаве. Ну, наверное.

Я снова прыгнул на Эдвина. Думал, что если повалю, так сумею его вырубить. Но Эдвин был быстрее.

Сумев сориентироваться, он выставил навстречу мне правую руку. С восстановившимся лезвием.

Я сумел повернуть руки ладонями к Эду и выпустить короткую, но очень сильную струю огня — чуть не вывихнул плечи, но хоть жив остался. Однако, я потерял инициативу и внезапность, а это явно могло стоить головы.

— Лира!

— Да, Джаспер?

— Быстро, ищи способ, как вернуть Эда! Носом чую, тут что-то связанное с духами!

Эдвин резко пошел в наступление — махая клинками, он двинулся на меня. Я начал уворачиваться, чувствуя, как он изредка задевает отдельные выступающие чешуйки на теле, и какой болью это отдается во всем моем теле.

Завязалась драка. Я в основном уворачивался, а Эдвин атаковал, иногда рыкая от злости. Несколько раз я пытался прорвать его оборону и контратаковать, но каждый раз я нарывался на неожиданный финт, оставлявший мне очередной порез.

Наконец, я с огромным трудом сумел прорвать его оборону и исполнить свой финт — ударить его по челюсти основанием ладони. Этому приему меня научил Ранф. Он сказал, что этот удар хорош тем, что при правильном исполнении гарантированно посылает противника в нокаут. После чего полдня тренировал со мной этот удар.

По коридору разнесся звук хлесткой пощечины — правильный звук. Однако, коленка, прилетевшая мне в бочину, толчок локтем и длиннющая, глубокая кровотокающая рана на плече — все они дали мне понять, что мой финт не сработал.

— Джаспер, Эдвин внутри! Он борется с чем-то! Я не знаю, как помочь в этой ситуации.

Тогда придется применить два финта одновременно. Осложнялось все это дело тем, что второй финт я только придумал. Ну, осознал как идею. Не то что не тренировал, даже ни

разу не делал. Все лапки не доходили.

Так что самое время проверить мою способность работать и преодолевать себя в стрессовых, очень стрессовых ситуациях.

Я разорвал дистанцию, и за две секунды сумел провести огромное число операций для подготовки к следующему и, надеюсь, последнему этапу битвы. Я прогнал через себя мощнейший импульс Мощи, мои раны задымились, но кровоточить перестали. Потом я восстановил потерянные чешуйки, и нарастил дополнительные на руках, груди и животе. Потом я аккуратно, но очень быстро прогрел сосуды, ведущие в мозг, ради повышения быстродействия.

Приготовился? Приготовился. Чего тянуть?

Я снова, бесхитростно, рванул в бой.

Эдвин, все это время ждавший, ухмыляется и выставляет вперед левую руку, отводя правую для колющего удара. Я проскальзываю влево, уходя от удара, одновременно накрывая лезвие правой рукой.

Первый момент истины. Я смогу схватить рукой это лезвие?

Мои пальцы сомкнулись на боковых гранях лезвия, когти глубоко вошли в этот странный материал. Я умудрился не коснуться самого лезвия. Однако, вибрации какофонии мигом разнеслись по телу. Клянусь, я почувствовал каждую косточку в правой руке.

В ладони левой руке я уже нагнетал маленький-маленький пузырек взрыва. Не больше петарды. Немного волновался — а вдруг будет мало? Или наоборот, много? Но не время рассусоливать.

Признаюсь. Я плохо проработал момент с второй рукой. Именно эта мысль промелькнула у меня в голове, когда я увидел, что вторая рука с острейшим лезвием летит мне точно в грудь. Скорее всего, этот удар я не переживу.

Мелькнула какая-то мушка, и большая часть лезвия лже-Эдвина разлетелась осколками. Ударной волной от попадания траекторию лезвия повело, и в итоге обломок лезвия, длиной около десяти сантиметров, вошел мне в левую часть живота. Вошел так легко, будто там и не было двух слоев чешуи.

Я прошипел от боли и с размаху двинул Эда в челюсть. Основанием ладони. С махоньким взрывчиком на конце.

Раздался звук взрыва петарды. Удар кинул Эда на пол, где он сначала попытался встать, но все же рухнул без сил.

В этот самый момент с потолка, точно капля воды, грациозно стек Дамиан, все еще не вышедший из своей формы оборотня. Он что-то сказал, и мир снова безмолвно сдвинулся. Миг — и все вокруг потеряло прозрачность.

— Дамиан! — воскликнула Лира. С дымящимся револьвером в руке. Так вот что была за мушка. — Они оба ранены! Надо отнести их в поместье! Срочно!

— А этого точно нужно? — с сомнением произнес Дамиан, указывая на Эда. — Мне казалось, он стал противником.

— Нет! Крикнул я, больше от боли — пропоротое брюхо не способствует хорошему настроению. — Эдвин — мой друг! Отнеси нас домой, Дамиан, прошу.

— Анди Ранф не одобрит быстрый отход... Хотя о чем это я, — вздохнул роккулу. — Я же применил «Взгляд сквозь толщу», так что, скорее всего, меня и так переправят в другое княжество. Засветился-с. Что ж, тогда с шумом

Роккулу воздел руки, и из них с громогласным шипением вырвалось облако густого

тумана. Оно, подчиняясь воле Дамиана, подлетело к стене и просто в него впиталось. Прямо на наших глазах. Без остатка и следов.

Потом Дамиан сделал вид, что что-то толкает. И стена как будто взорвалась изнутри. Туча пыли, обломки крупнее меня, облако стеклянных обломков — все вылетело на улицу, оставив огромный пролом.

Потом Дамиан, глубоко вздохнув, снял с шеи амулет. Десяток секунд, и вот возле нас стоит, согнувшись в три, а то и побольше, погибели, настоящий роккулу. Он с трудом протиснулся сквозь пролом, попутно наступив лапой на Тибо и, судя по звуку, чего-то ему сломав. Впрочем, он скорее всего мертв — вон какая лужа крови натекла.

Выскользнув на свежий зимний воздух, роккулу поежился и расправил свои крылья ската. Потом он аккуратно подхватил когтистой лапой бесчувственного Эда, ну а мы с Лирой вышли вместе — мне пришлось опираться на нее, так как брюхо болело просто несусветно.

Посадив всех нас себе на спину и для надежности обхватив щупальцами, которые я в прошлый раз не заметил (они очень плотно прилегали к спине на манер плаща), роккулу расправил крылья, и мы, уставшие, злые, израненные, но выполнившие свою миссию, летели домой.

Глава 15. Возвращение домой

Сознание включилось резко, как будто щёлкнули выключателем. Я лежал на кровати, укутанный одеялом, в кошачьей форме.

Осмотрелся, вертя по сторонам головой. Кровать располагалась в моей комнате в поместье. Это радовало. Но я не помнил, как я сюда попал, плюс из окошка лился вечерний алый свет. Это не радовало. Я что тут, денёк целый в бессознанке пролежал? Не дело. Надо встать, потянуться там, обнюхать все что можно... Снова Кот на мозги капает. Но и правда, подняться надо.

Я попробовал пошевелиться и прошипел от резкой боли в животе. Недоумевая, раскутался. Оказалось, что кто-то заботливо перемотал мое пузико бинтами. Это радовало. Бинты в паре мест были немного бурыми из-за крови, и вот это вообще не радовало.

А чего я, собственно, вообще лежу? Не помню.

Так, восстанавливаем все по порядку. Мы с Лирой и Дамианом были на задании. Надо было максимально тихо добыть разведданные. Разведданные мы добыли, но вроде не тихо. Там Дамиан устроил светопреставление. И вроде Эд был. А потом Эда что-то захватило. Какая-то Девятая. А потом мы друг другу накостыляли. Он получил взрыв-кулаком в лицо, а я осколком чего-то полуматериального в брюшину. Потом нас вытащил Дамиан. А дальше как раз не помню. По-моему, я вырубился в воздухе, на широкой спине роккулу.

Мои размышления прервал звук открывающейся двери. Она приоткрылась совсем чуть-чуть, из-за досок сначала показался носик Лиры, а потом и само личико девушки. Глаза ее были полны тревоги.

— Джаспер, ты как? — шепотом спросила она.

— А чего шёпотом? — поинтересовался я.

— О, очнулся! — в этот раз ведьма была погромче, а в голосе появилась радость. — Я приставила к тебе духа-наблюдателя. Он пару раз ложно срабатывал, чтобы получить подношение. На диких духов не всегда можно положиться... Как ты себя чувствуешь?

— Ну, нормально, пожалуй. Только живот болит.

— Ещё бы он не болел. Эдвин чуть не порвал тебе селезёнку.

— Ух, — поежился я. — О, точно. Как там сам Эд?

— Жив, но до сих пор в отключке. У него разрывы мышц, нескольких органов, массивные кровотечения по всему телу, несколько костей были раздроблены... Мы всем помещьем его латали — бабушка подмораживала вены из-за внутренних кровотечений, я призывала духов восстановления, а Ранф... Ну, он как всегда. Призвал червя какого-то.

— О, "госпиталь"?

— Он самый! Ради Великих Духов, ты тоже через это проходил? — изумилась Лира.

— Ну, было дело.

— И как?

— Восстанавливает здоровски, только жрать потом охота. А вот ты сказала про отключку... Это я остаток ночи и весь день пролежал?

Лира неожиданно отвела взгляд.

— Ну, почти так.

— Чего это ты глазки отводишь? — прищурился я.

— Ну, ты действительно пролежал остаток ночи и весь день. И следующий день. И ещё

один. В итоге, три дня.

Я немного помолчал.

— Просто ты потерял очень много крови, — затараторила Лира. — Я очень волновалась, призвала сонм духов, ну, где-то полсотни, — тут у меня приоткрылась пасть, так как призвать за раз десять духов было той ещё работенкой... — И духа сна, и они тут тебя лечили, чтобы ты полностью выздоровел. И ты выздоровел, вот только нервы ещё не должны полностью освоиться в новых плетениях, так что дня три поболит.

— Ясно. Что хоть случилось, пока я спал?

— Ох, Джаспер, — Лира присела на край кровати, — Тут такое... Ну, во-первых, ты пропустил Ранфа в ярости. Потом довольного Ранфа, когда я вытащила все полученные сведения. Пропустил уход Дамиана...

— Чего? — перебил я ведьмочку.

— Дамиан сильно засветился. Он превратил пол-особняка в воду, разорвал на клочки отряд элитной стражи, а потом выбил водяной взвесью кусок стены и в истинном облике пролетел над городом. Собственно, Ранф поэтому и ругался. Ты ведь помнишь?..

— Да. Он просил сделать все по возможности тише. Максимально тихо. А мы... Ну, не сложилось.

— Именно что не сложилось, — грустно ответила Лира. — В отличие от особняка тогда извращенца.

— Э?

— Ну, Дамиан вынес слишком большой кусок стены. И весь дом сложился.

Честно говоря, мне было, в общем-то, абсолютно плевать. О чем я и сообщил Лире.

— Ну, на самом деле, мне тоже. Прислуга покинула особняк при первой тревоге, а ту девушку, ну, в кабинете, ее спас выворотень.

— Разве они могут отлучаться куда-то? Мы ведь вообще-то приказали...

— Один из товарищей Ранфа присматривал за нами, оказалось. Всегда был готов вмешаться. И не смог остаться в стороне, увидев такую красоту. В общем, на окраине города был небольшой бой, а на одного свободного пятилетнего мальчишку стало больше.

— Сказал бы мне кто год назад, что варага будут людей спасать...

— Да я сама в шоке, Джас. Так вот, Дамиана сняли с поста нашего телохранителя и перевели на фронт.

— Какой ещё фронт?

— А вот это последняя новость, — грустно вздохнула Лира. — Тысяча начала действовать. Потеряно сообщение с несколькими южными княжествами, а значит, там массивные бунты. По всем другим княжествам проходят диверсии и теракты, выполняемые Тысячей Глаз. И несколько агентов Червивого Яблока мечутся по всей стране, пытаясь все это веселье предотвратить. Но Ранф и сам настроен скептически. Все же Тысяча Глаз насчитывает несколько тысяч культистов, а Яблоко — всего человек двадцать. Но на праздник Середины Зимы мы с тобой все равно пойдем, Джас.

— Ну, надеюсь, до него я уже исцелюсь.

— Тоже надеюсь.

Внезапно дверь, аккуратно прикрытая Лирой, распахнулась и впустила в комнату взволнованную Гиз.

— Лира, там Эдвин очнулся, пытается себя лечить. Ну хоть ты скажи, что у него половина мощепроводов порвана! О, Джас, привет!

— Привет, Гиз.

Между стройных ног волшебницы проскользнула чья-то толстенная оливковая тушка. Пара мгновений — и на кровать запрыгивает Маю. Взгляд сквозь крутецкие очки — и меня начинают слабо бодать лбом. Так этот мохнатый пенёк выражает любовь и симпатию. Немного смущает, что делает он это, не издавая ни звука. Ну а что взять — пенёк и есть пенёк.

— Он скучал по тебе и волновался, — сообщила мне Гиз. — Спал один день с тобой, сторожил тебя.

— Какой зайчик, — умилился я, аккуратно потрепывая Маю по холке. Тот удвоил усилия по боданию, и меня начало ощутимо шатать.

Внезапно мой живот издал какой-то душераздирающий звук, похожий на звук попыток трёх китов одновременно.

— Знаешь, Лира... Я бы сейчас не отказался от крылышек, или ветчины, или пирожков с печенью...

— А что тебе хочется? И сколько?

Помолчав, я ответил:

— Да.

Мы снова были всей большой разнородной "семьёй" за столом, и снова половина из присутствующих чувствовала себя не в своей тарелке.

Комфортно было только Фелиции и Ранфу — они спокойно кушали, просили передать им то или иное блюдо, и, в целом, наслаждались пищей. Лира и я, в человеческой форме, постоянно переглядывались — мы хорошо знали Ранфа, и он в любой момент мог начать длинную лекцию с перечислением всех ошибок, нотациями и наставлениями. Эдвин сидел с нами, но был все ещё бледный, покачивающийся от слабости, а глаза ещё были красноватые. Гиз сидела возле сонитиста и украдкой поглаживала его по руке, будто никто не замечает.

Наконец, свершилось. Ранф отпил чай, проглотил, шумно выдохнул и сказал:

— Анди Моуз, я, признаться, крайне рад вас видеть. Хотел бы выразить вам благодарность, что справились с офицером Холодных сердец. Возможно, это был бы слишком сильный противник для Сипухи и Синицы.

— Мы вообще-то тут, — подала голос Лира. — Мне кажется, сейчас можно и без позывных.

— Мы говорим не об обычной жизни, а о работе, поэтому позывные, — серьезно ответил Ранф. — Тем не менее, анди, не могу не поинтересоваться, что вы, собственно, делали в том особняке и почему получили такие повреждения от собственного волшебства.

Эдвин молча отхлебнул чая, и, глядя в стол, начал:

— Я родился на территории княжества Артабас около двадцати восьми лет назад. Сколько точно, не знаю. Я был сиротой и беспризорником. Это был период после бунта белой гнили, поэтому путаницы с людьми было очень много. Артабас в то время был уже не самым молодым, а потому сильным княжеством, но княжеством, медленно теряющим свою силу и влияние. Руководству княжества было необходимо нарастить боевую мощь. Вы ведь слышали про облавы на беспризорников?

— Я присутствовал при нескольких, — ответил Ранф. — Спасал некоторых одаренных

подростков.

— Подавляющее большинство из нас было направлено в кадетские училища, где готовили толковых рядовых, полуволшебников, ну и кадровых офицеров, конечно. Но определенный процент детей, тех, у кого была хорошая проводимость, направили в секретный горный институт. Что вы, анди, знаете о Роковых раскатах?

— Роковые раскаты, Извержение, Ледяное дыхание, Дно океана, Вихрь безумия, Алые свистки. Трудно не знать о них, когда находишься на передовой.

— Я попал в Роковые раскаты. Меня готовили как живое оружие. Уже в одиннадцать лет я мог выдавать чистую какофонию в течение двадцати минут.

— Серьезный результат.

— Я был одним из лучших. Поэтому проходил стажировку и в Алых свистках. К тринадцати я был лучшим в Раскатах и третьим в Свистках. Поэтому, я угодил на эксперимент. В меня вживили музу какофонии.

Все за столом, кроме Ранфа, глубоко вдохнули.

— С тех пор утекло много воды. Я долго мирился с тем, что мое тело и сознание больше не принадлежит мне одному. Учился обращаться с Девятой, как с личностью, так и не силой. Строго говоря, она не плохая, но она и не хорошая. Цель ее существования заключается в разрушении старого, отработанного, чтобы на его месте первые ноты смогли создать что-то новое. Просто... Она не всегда понимает, когда надо остановиться. Тибо был сильным противником. У него был целый вагон эффектов, приемов, и много лет опыта их использования, так что я сразу зашёл с козыря. Я давно не пускал Девятую в прямой ход, поэтому... Поэтому и потерял контроль.

— Мне кажется, что Джаспер не в обиде на тебя, — заметил Ранф.

— Эдвин, да все в порядке, — улыбнулся я волшебнику.

Эдвин отвёл взгляд от скатерти и взглянул на меня. Мне бы хватило и слез в его глазах, но то, что они были розовые, меня окончательно добило.

— Как я могу называть себя твоим другом, если я тебя чуть не убил?

— Ну, не убил же, — пожал я плечами. — Да и потом, мне было очевидно, что это был не ты. Ты, как правило, не говоришь о себе в женском роде. Ну, и не склонен к спонтанному разрушению всего и вся.

— Это ты точно ее описал, — усмехнулся Эд.

— Да все в порядке. Я стал сильнее, пока тебя не было.

— Я бы хотел посмотреть, — волшебник улыбнулся мне.

— Да без проблем, дружище.

Эд только кивнул, быстрыми движениями утерев выступившие слезы. Мир между нами был восстановлен.

"Хорошо, когда в стае мир", — удовлетворённо отозвался Кот, и я был с ним полностью согласен.

— Тем не менее, Эдвин, — продолжил Ранф. — Мне интересно, что вы делали в особняке.

— Особняк... После окончания Битвы девятнадцати, я вернулся в Артабас. Так получилось, что во время битвы я одно время сражался в составе подразделения другого княжества, и потерял паспорт. Так что, меня, как человека, не существовало. Я не знал, что делать. Поэтому вернулся в центр подготовки. Нашел его в разлухе, спешно покинутый специалистами. Я оставил послание таким же, как я, забрал большую часть документации и

ушел искать новый путь. Собственно, из-за этой документации все и началось. Я восстановил некоторые связи между нами, опытными образцами. Со временем некоторые связи... оборвались. Вместе с жизнью владельцев. Учитывая мое место жительства, многие подопытные отдавали мне те документы, которые были при них, поэтому у меня скопилась богатая коллекция. Однако, мои знакомые умерли не сами по себе. Кому-то очень нужны эти бумаги.

— Если не секрет, что в них? — подала голос Фелиция.

— Протоколы создания одержимых. Программы обучения, расписанные на десятки лет, для каждого домена. Чертежи оборудования и свистков подавления чудесников. Личные переписки глав нескольких княжеств. Карты со схронами оборудования. Списки личного состава. Куча всего, — пожал плечами Эдвин. — По очевидным причинам, об этой коллекции знали лишь подопытные. Но, судя по всему, Тысяча Глаз умеет развязывать языки.

— Как ты узнал, что это Тысяча? — спросил Ранф.

— Да ко мне пришли червивые в масках. Среди бела дня. Я месяц лежал на волоске от смерти, так они меня отделали. Взяли ключ от квартиры и мой меч-резонатор, как образец. С тех пор я забросил практику детектива и посвятил себя возвращению своего имущества. Собственно, в особняк я полез за ключом. Нашел и его, и двух милых людей в масках, которые оказались моими знакомыми.

— Если вы не возражаете, я могу взглянуть на бумаги? — поинтересовался Ранф.

— Да в общем-то нет. Только у меня встречная просьба.

— Слушаю вас.

— Я бы хотел вступить к вам. Ну, в Яблоко. Мне просто больше некуда податься. Во-первых, не думаю, что Тысяча от меня отстанет, а искать их мне надоело. Меня тренировали как бойцового пса: тыкни пальцем, и цели не будет. Так что вы можете надеяться на мои навыки боевого волшебника. Плюс, полагаю, вы как никто другой знаете и умеете делать схроны. Так что документам лучше побыть у вас. Передам все, кроме списка личного состава подопытных.

— Ну, это совершенно невозможно, — откинулся на спинку стула Ранф, пряча улыбку. — Это невозможно, пока у вас нет маски.

Эдвин фыркнул, потом ещё, а потом тихо рассмеялся. Прекратил смеяться резко, схватился за правый бок и поморщился.

— Отлично. Маска будет.

— Тогда добро пожаловать в ряды.

— Ты не набирал столько новых членов разом уже много лет, — заметила Фелиция, глядя на червивого.

— А на носу и не было революции, — отозвался он.

Спустя минут двадцать все мы стояли в гостиной, а Эд возился с коробочкой.

Он нажимал на малозаметные выступы, вытаскивал металлические штифты, снимал грани, под которыми были ещё грани, крутил сейфовые замки, а когда из крошечной полочки вывалилось связка с полусотней ключей размером с швейную иглу, я совершенно охренел. Это был не ключ, это была самая сложная головоломка на свете.

Наконец, Эдвин извлёк тонкое, обоюдоострое лезвие, провел им по двум рёбрам, воткнул его в одно из десятка малозаметных отверстий и выдал мелодию. Сыграл он ее чистым волшебством — просто водил в воздухе пальцами, а по комнате разносилось самое сложное и многогранное симфоническое произведение, что я только слышал.

В итоге, коробочка треснула и разошлась. Внутри коробочки оказалось пространство, куда едва-едва помещался простой медный ключ. Эдвин вынул его, придирчиво осмотрел и дал вердикт:

— Им не удалось пройти мой тест. Бумаги, наверное, в целости.

— И как ты этим откроешь квартиру? — спросил я.

— Да никак, — улыбнулся Эд.

— Че? — хором изумились я, Лира и Гиз.

— А вот так. Ключ не он.

И Эд вставил в лезвие три крошечных ключика.

— Вот ключ.

Дальше волшебник подошёл к углу комнаты, и провел лезвием прямо в воздухе. Раздался душераздирающий звук, отдаленно похожий на звук рвущейся ткани. Но только очень отдаленно.

Лезвием волшебник очертил прямоугольник размером с стандартную входную дверь. Потом он переложил лезвие в левую руку, а правую сунул в очерченное пространство, и его рука просто пропала. Эд что-то нащупал и потянул на себя.

На короткий момент мне показалось, что меня сейчас стошнит. Ощущение было трудно описать, возникло такое чувство, что сейчас схлопнется вселенная, произойдёт какое-то непотребство с пространственно-временным континуумом и все в таком духе, но все кончилось очень быстро.

В уголке комнаты стояла обычная дверь из тёмного лакированного дерева.

— Прошу, — сказал Эд, и раскрыл перед нами дверь.

Мы все, точно зачарованные, вошли в его квартиру. Царила темнота. Эд щёлкнул невидимым выключателем.

Квартира была двухъярусная — широкое длинное помещение и лесенка на второй ярус, почти не отделенный перекрытиями. Высокие потолки, стены из природного камня, украшенные кое-где высохшим вьюном.

На нижнем ярусе был широкий стол с картотекой, два шкафа, небольшая кухонька и стол на двух человек. Дальний конец комнаты был закрыт массивными темно-фиолетовыми шторами. Я успел заметить, что на втором ярусе находился только комод, книжный шкафчик и кровать.

Но царили в помещении цветы. Горшки, кашпо, держатели напольные, настенные, потолочные — они были всюду, и из-за них даже не было видно люстру. Когда-то это помещение было царством растений, но это было давно. Хозяина не было дома очень долго, и большая часть цветов засохла. Уцелели только кактусы, стоявшие на столе, и маленький держатель с суккулентами возле лестницы на второй ярус.

Эдвин осмотрелся, не веря своим глазам, а потом, не сдерживаясь, вообще ни разу ни ёмко, описал ситуацию. В красках. Я аж заслушался. Он помянул всю возможную родню каждого культивиста Тысячи, во всех возможных позах, предположил их родство с горными овцами, звучно усомнился в наличии у них головного мозга, и это было только первое предложение.

Сказав таких шуток пять-шесть, он замолк. Потом добавил:

— Работы тут теперь, е...ть-копать, целое кладбище. Буквально.

— Эдвин, я помогу, — тихо отозвалась явно впечатленная тирадой Гиз. — Я с цветами на короткой ноге. Плюс, тут много семян, чувствую отголоски жизни в сухостое.

— Думаешь, не все пропало?

— Большую часть спасём.

— Поздравляю с возвращением в родной дом, — похлопал по плечу волшебника Ранф.

— У тебя очень уютно, — улыбнулся я. С цветами тут, наверное, был рай.

— Жаль, что не смог впечатлить вас садом. Впечатлю хоть видом, — сказал Эдвин, прошел через всю квартиру к шторам и резко распахнул их.

Не ахнул только я, так как разок это видел, и Ранф — видимо, его сложно удивить.

За толстым стеклом был прекрасный вид на Шум.

Бескрайнее светящееся небо, без земли и космоса в вышине. Все оттенки фиолетового, сиреневого, розового перемешивались и переплетались между собой. Подобно жилкам в мраморе, сияли полосы чистого золота, а то тут, то там, были участки абсолютно черного цвета. Все это шевелилось, перемещалось, переплеталось, изменялось. Сквозь стекло звук был не так слышен, как в самой атмосфере Шума, но мы все даже возле выхода слышали симфонию, настолько сложную, настолько многогранную, наполненную столькими эмоциями, что слезы на глаза наворачивались.

Мы все молча любовались Шумом. Может, минуту, может, часы. Нарушила тишину Фелиция.

— Анди, это просто прекрасно.

— Я многое отдал за эти окна, — Эд стоял к нам спиной, но я слышал счастье и облегчение в его голосе. — Но это стоило каждой горсти, что я отдал. Теперь я дома.

— Думаю, вам за такое представление полагается подарок. Примите его как благодарность и поздравление с возвращением.

Эдвин обернулся. На его лице гуляла улыбка.

— А что за подарок? Если не секрет.

— О, никакой не секрет. Мы все знаем, какие чувства вы питаете к дивану в помещении лавки, и я думаю, что он прекрасно впишется в ваш интерьер.

— Ого. Княжеский подарок, — Эдвин, несмотря на покореженные внутренности, отвесил Фелиции глубокий поклон.

— Я попрошу выворотей принести его вам в дом, — улыбнулся Ранф. Он умеет улыбаться? — Вижу вашу радость и разделяю ее. В таком случае, предлагаю к документам вернуться завтра.

— Спасибо.

— Сразу после всех этих дел сразу займёмся цветами, — просияла Гиз.

— Обязательно, — Эдвин выглядел совершенно оглушенным от счастья.

Я подошёл к волшебнику и, немного собираясь с духом, обнял его.

— Рад, что ты вернулся.

Он только обнял меня в ответ.

Интерлюдия. Червивое Яблоко

Где-то в городе Наам, княжество Соуго, на севере Белой долины.

Артуро прекратил играть с добычей и, сблизившись с культистом, изящно взмахнул рукой. Лёгкий, тонкий и безумно острый коготь, в который превратилась его кисть, очертила полукруг. Из рассеченного горла червивого хлынула кровь. Моментально потеряв любой интерес к схватке, противник рухнул на колени и, хрипя, попытался прикрыть руками кровоточащую рану.

Артуро просто вонзил коготь ему в затылок, обрывая мучения.

Вынув оружие, он брезгливо отряхнул его и огляделся.

Город горел. Ночь была светла от огня пожаров. Изредка, с разных сторон, доносились крики то боли, то ярости, совсем редко ветер доносил рев варага.

Сейчас пятеро агентов Червивого Яблока вместе с стражниками, гвардией, остатками корпуса боевых волшебников и просто неравнодушными гражданами пытались отбить нападение Тысячи Глаз.

Атака была спланирована весьма хорошо — культисты сожгли четыре окрестных деревни, на пожар помчались спасатели и стражники, на пожар в слободе за окрестным лесом отправили уже часть гвардии. В город, лишенный большей части сил, пришел основной отряд противника — с три сотни рядовых культистов, несколько офицеров, погонщики варага со своей ордой и один Белое Сердце. Сейчас его выслеживал Ранф. Тем не менее, Тысяча успела сжечь многие административные центры, натравить варага на жилые кварталы, захватить городской арсенал. Яблоко было не в лучшем положении.

К блондину из темноты неба шмыгнула птичка, сотканная из мрака. Послание от кого-то. Артуро поймал ее левой рукой, правая все ещё представляла из себя большой коготь. Птичка рассеялась дымом, втянувшись в ладонь.

"Сольпуга, быстро, на юго-запад, Короеда теснят!" — раздался в ушах командный голос Базиля-Коршуна.

Сольпуга-Артуро вздохнул, сбросил с себя кофту, обнажив торс, вложил монетки в специальные прорези на глазах маски, и начал метаморфозу. Снова. Все же пора стать серьезным. За игры с добычей Ранф его бы не похвалил.

Левая рука вытягивается, приобретает два дополнительных сустава, кисть превращается в коготь. Теперь руки одинаковые. Ноги утолщаются, покрываясь жгутами искусственных, сотканых из гибкого мрака, мышц. Из спины лезут ещё две пары конечностей — длина около двух метров, четыре сустава, когти на концах. В конце Сольпуга покрыл всю доступную площадь тела шерстью — десятисантиметровыми толстыми волосками из хитина. Благодаря хорошей иннервации мышц, держащих волосы, Сольпуга прекрасно чувствовал мельчайшее движение ветра. Можно было сказать, что его осязание распространялось метров на десять-пятнадцать вокруг.

В завершение метаморфозы Артуро тяжело вздохнул и выпустил изо рта маленького паука из мрака — он сейчас не представлял, где находится юго-запад.

Паучок приподнял край маски, скользнул на покрытую шерстью грудь, скользнул к брюкам, нырнул в карман, и, чуть погодя, с видимой натугой извлёк оттуда маленький компас, после чего прыгнул на подставленную руку.

Сольпуга оценил направление, подождал, пока паучок спрячет компас обратно, развеял его и присел. Напряг свои мышцы и пустил Мошь в искусственные.

И с лёгкостью запрыгнул на крышу соседней трехэтажки.

Дальше Сольпуга, выглядящий как чей-то ночной кошмар, поскакал по крышам строго на юго-запад.

Долго его путь не продлился. Буквально через десяток домов, в переулке, он услышал звон стали и почувял запах крови. Подбежав к краю крыши, он склонился над обрывом.

Принять выпад на меч, пинок в бедро, враг отшатнулся. Перейти на нападение. Меч чертит кровавую борозду на его груди — успел отшатнуться. Враг слева. Отклонить голову, пропуская шип из мрака.левой рукой отмахнуться мечом. Самонадеянно, глупо, но сил уже почти нет. Задела — культист потерял маску, отвернулся и завопил, прижимая руки к месту, где минуто назад были его глаза.

Врага сзади не почувствовала. Шип вошёл в левую часть поясницы.

Афина только всхлипнула от боли.

Сил не осталось. Она в одиночку схлестнулась с десятью культистами, и уже минут двадцать машет мечом как заведённая. Шестеро из нападающих украсили своими потрохами брусчатку, один оглушен, но ещё трое...

Афина вызывает Мошь. Словно черви пробуривают себе путь сквозь мышцы — привычное чувство. На конце ее локтя возникает острый пятисантиметровый шип с пустотой в основании. Там создаётся газообразный мрак. Когда газа становится слишком много, шип отрывается от основания и летит. Привычный ритуал, не занимает и двух секунд, атаки шипом — базовые атаки любого червивого.

Попала или нет — уже неважно. Афина чувствует, что быстро теряет кровь. Видно, последний удар задел артерию. В ушах звенит, ноги слабеют. Она только и может, что смотреть, как рослый культист в серой мантии с кровоточащей полосой на груди замахивается булавой, сделанной из угольно-черного мрака.

Сверху на культиста тяжело приземляется нечто отвратительное, уродливое, вонзая в человека шесть длинных шипов. Покрытое серыми волосами, с шестью паучьими конечностями, всажеными в врага, с ногами, бугрящимися от черных обнаженных мышц, с погребальной фрельской маской на лице и блестящими глазами-монетками в пять горстей. Афина почувствовала, как под ее маской на щеки потекли слезы облегчения.

Чудовище одним движением разрывает культиста на куски, густо окропляя все вокруг кровью. Чудовище рычит — это смотрится особенно жутко, когда рев доносится из-под красной каменной маски.

Ужасающая помесь человека и длиннолапого паука смазанной тенью ринулась на врагов. Афина же просто рухнула на колени и прижала руки к животу — сейчас ее задача верно направить Мошь, чтобы восстановиться и продолжить битву. Придется ткать себе мышцы, скреплять треснувшие кости, оборачивать в гибкую тьму разорванные артерии.

Потом она хлебнет одного дорогого эликсира, встанет, поднимет отцовский меч и продолжит резать Тысячу Глаз.

Теперь будет полегче. Теперь с ней Сольпуга.

— Господин, нам налево! Там хорошее место, агенты ослабили там коэффициент Бругга, разлом открыть будет проще.

— Просто веди! — рыкнул Боан.

Он возглавлял центральный отряд сил Тысячи Глаз. Шестьдесят солдат, не жалких культистов, что только и могут, что стенать о невозможности жить как все, а настоящих солдат, прошедших многолетнее обучение в горных крепостях Тысячи, возвращенных на ненависти и вскормленных на почтении к Освальду. Один старший офицер, постоянно то посылающий мрачных воронов, то принимающий — координирует работу. И он, Белое Сердце, один из сильнейших воинов Тысячи, приближенный к самому Освальду. Такой кулак с лёгкостью разгромит почти любую силу в Красных Княжествах.

Господин выбрал хорошее место для построения своего государства. Однако, многое что надо разрушить, прежде чем строить новое.

Они уже убили мэра, захватили арсенал, разрушили Палату Наемников. Варага вырезают активное население, не трогая тех, кто трусливо заперся в домах. Летучие отряды кусают остатки гвардии, торопящейся обратно в город, а городской Круг Оборона просто затопили мясом культистов и одним Гладиатором. Его отряду осталось только дойти до площади, где специалисты заботливо ослабили ткань реальности, и немного ее порвать. Тогда в город войдут основные силы, выделенные Боану, и Наам станет плацдармом для захвата Соуго.

Офицер поймал очередную птицу, и вдруг резко развернулся к Боану:

— Господин!..

Он не успел договорить — пуля крупного калибра разворотила ему голову и часть груди, разорвала идущего рядом солдата и, задев по касательной, оторвала ногу следующему.

Стыдно признавать, но Боан оторопел. Они же захватили арсенал, старые галгарабойные орудия не могли попасть к жалким силам сопротивления...

Следующая пуля порвала четырех солдат, вместо трёх. Отряд не поддался панике — солдаты начали занимать позиции, прикрываться щитами, прятаться за ближайшими предметами, разбивали стекла и забирались в дома, а трое младших офицеров поставили над Боаном огромный мрачный щит.

Вдруг Белое Сердце обратил внимание на фонтан крови, взметнувшийся вверх дальше по улице. В той стороне, куда они держали путь.

Там стояло... что-то. Человекоподобное тело было закрыто глухой бледно-серой пластинчатой броней, словно бы образовывавшей комбинезон. Руки напоминали булавы с гипертрофированными, хищно шевелящимися шипами. От всего тела отходили десятки тонких, гибких нитей — одно малозаметное движение, и ближайший солдат развалился на две неровные половины.

Мерзкие розовые глаза за маской, нет, за лицом, сорванным с Гладиатора, смотрели точно на Боана.

Белое Сердце вышел из-под щита. Выпустил из пальцев облако мрака. Тот послушной собачкой собрался в огромную секиру, которой так привык орудовать Боан.

— Мне много про тебя рассказывали, Отшельник! — крикнул своему противнику Белое Сердце. — Мне будет интересно одолеть тебя. Хочу увидеть глаза Освальда, когда я брошу твою голову к его ногам!

— Знаешь, сколько раз мне это говорили? — крикнул ему в ответ Ранф-Отшельник.

Внезапно один из младших офицеров рядом с Боаном свистнул. Подчиняясь условному сигналу, все солдаты спешно начали возвращаться на улицу, и группами набрасываться на Отшельника. Гремели выстрелы.

— Ты что делаешь? — заревел Боан на офицера.

— Ваша задача — открыть разлом на той площади, — не дрогнул червивый. Глаза за маской оставались бесстрастными. — Оставьте его нам. Идите.

— Никуда я не пойду, — рыкнул Боан и ткнул секирой в сторону Отшельника.

Тот был словно волнолом в шторм. Волны наказываются на каменный вал, и бессильно взмываются брызгами в небо. Все так и выглядело — солдаты группами нападали на одинокого агента Яблока, и все они за несколько его плавных, экономных движений разукрашивали город своей кровью. Винтовка с ближайшей крыши почему-то замолчала, но солдаты кончались ещё быстрее. Ранфа не брали ни мечи, ни пули, ни все многообразие техник Тысячи Глаз. Зато он щедрой рукой сеял смерть.

Боан успел пройти лишь десяток метров, как последний из солдат в одиночку кинулся на Отшельника, замахнувшись прикладом винтовки, словно дубиной.

Червивый за белой маской просто отмахнулся от него. Приклад и ложе винтовки щепой брызнули в стороны, а практически обезглавленный солдат рухнул на землю.

Боан встал в стойку, отведя секиру чуть за спину. Его душа пела — наконец достойный соперник! Боан был одним из сильнейших бойцов ближнего боя из всех Белых Сердец. С Якубом ему не сравниться, но все же... И тут замечательный шанс доказать себе, каких ты высот достиг.

Отшельник, видимо, принял правила игры. Он остановился, подприсел и отвёл правую руку далеко за спину. Длинные нити впились в землю за ним, выгнувшись дугой. Розовые глаза внимательно следили за молодым Тысячеглазым.

Боан скрипнул зубами. Он ещё и издевается. Что ж, тогда Боан применит пару нечестных приемов. Что может быть веселее, чем гнущееся древко у секиры? Отшельник точно этого не ждёт.

Что-то свистнуло, и внезапно Боан упал на одно колено. Посмотрел вниз. Выстрелом того оружия ему оторвало ногу ниже колена.

Ловчие особи, торчащие из тела Отшельника, распрямились, с чудовищной скоростью швыряя его вперёд. В полете Ранф снёс Боану голову, впечатался ногами в грудь одному из офицеров, сломав ему почти все кости туловища, а двух оставшихся попросту порвал на куски червями-штыками.

На землю тяжело приземлился Базиль — из маски, состоящей из кожаных обрывков, торчали несколько его приживленных глаз. Лучший стрелок просвещенного мира внимательно следил за окрестностями. Он развеял свою двухметровую винтовку ещё на крыше, и теперь расслабленно держал два не менее впечатляющих калибром револьвера.

— Чего-то ты сегодня разогнался, — пожурил Коршун старого товарища. — Работаешь грязнее обычного.

— Слышал донесение от Рябиновки?

— Нет.

— Черведавы в получасе езды. Сообщение я получил около двадцати минут назад.

— Дерьмо, — сплюнул Базиль.

— Да уже нет, даже на руку, — возразил Отшельник, вырывая застрявший между

пластинками брони-кутикулы нож. Лезвие до половины было в его крови. — Мы можем вывести свои подразделения. Надо только приставить пару выворотней к местному осведомителю. Как его, Эмиль, что ли?

— Эмиль, да.

— Угу, — задумчиво кивнул Ранф. — Тогда... Ссолъи ракл нак ссорн тау Эмиль.

Откуда ни возьмись прилетела маленькая черная птичка. С кивка Ранфа ее поймал Базиль. Прослушав сообщение, он сказал:

— Черведавы в городе, вступили в бой с Гладиатором.

— Пошли отсюда. Командуй вывод агентов.

Коршун взмахнул рукой, отправляя сразу дюжину птиц в полет.

— Шеф, куда дальше?

— Малогост, в Бранге. Следующая атака там.

— А она когда?

— На рассвете, — пожал плечами Ранф.

Коршун только вздохнул.

Глава 16. Тихое утро. Тихое ли?

Я проснулся довольно рано. Как и всегда, спал я в кошачьей форме. Времецко, отпущенное мне Лириным проклятьем, надо экономить, знаете ли.

Сначала я подумал, что это кошачьи закидоны — я уже привык просыпаться посреди ночи с диким желанием чего-нибудь (а иногда и кого-нибудь) сожрать, пошуршать бумажкой, поохотиться за заблудшей в комнату мухой... Ну, все мы знаем обычаи котов. Обычно я просто наворачивал пару кругов по комнате, Кот успокаивался и я мог лечь спать обратно, но не в этот раз. Я проснулся окончательно.

Дом еще спал — солнце только начало вставать. Сначала я решил не выходить из комнаты — посидел на подоконнике и понаблюдал за тихо поющими птицами, минут пять потягивался, разминался, немного, ради самого процесса, прогрелся, очень слабо запустил пару искорок — обычных таких, будто от костра. Потом наскучило. Запрыгнул к себе на стол и с трудом приоткрыл томик по обучению волшебству Инферно, который еще в незапамятные времена принес себе в комнату. Полистал. Прочел параграф про использование мощного импульса сухого жара. Впечатлился. Прочитал примечание про альтернативное использование плавления. Сделал себе заметку — допросить Гальзу, а то он давненько мне ничего нового не показывал, лишь раз в неделю мы с ним перепаживали задний двор во время тренировок. Потом мне снова наскучило, и я решил выйти, умыться и немного поиграть с Маю на заднем дворе.

Перекинулся, оделся, тихо умылся и почистил зубы, зашел обратно в комнату, разделся и снова перекинулся. А что, удобно мне так. Зубы-то чистые в любой форме, а в кошачьей мне как-то привычнее, да и потише я в ней перемещаюсь.

Первым делом побежал на кухню. Тихо, лампы не горят, шторы задернуты — мрачно, спокойно, только пыль в редких солнечных лучах пляшет и залетевшие в дом пчелы Призрака жужжат. На кухне тоже никого не было. Я огляделся, запер кухню изнутри, перекинулся и за пару минут соорудил себе нарезку из ветчины, пол-сосиски из рубленого мяса, пирожок с секретной начинкой и стакан холодного молока. Немного еды, в общем. Решалась эта проблема просто — я поел в кошачьей форме. Беру от жизни все в лучшем виде из возможных.

Как раз когда я допивал молоко, кто-то попытался открыть дверь. Она, естественно, не поддавалась. Потом этот кто-то постучал. Я плюнул на свой спокойный завтрак и кое-как отпер дверь.

На пороге стояла Млакш — выворотень, потомок Сехка. Этот комок червей захватил тело тридцатилетней женщины, довольно потасканного внешнего вида — и морщины по лицу, и согбенная фигура, и шрамы на запястьях. Как объяснил Ранф, «сосуды» для новых выворотней подбирались из числа каторжан, чаще всего беглых. Таких изредка ловили в перевалочных пунктах Яблока, раскиданных по всей Белой долине. Вот и женщина, сейчас служившая домом для Млакш, была поймана таким же образом.

Любой несведущий человек будет видеть перед собой очень молчаливую и патологически спокойную кухарку, горничную или уборщицу. А вот я видел мертвые глаза с каким-то безумным голодом внутри. Ну, еще было нетрудно заметить с десятков красных извивающихся боевых особей, торчащих из предплечий Млакш. Выворотни всегда настороже.

Млакш смерила меня взглядом, больше пошедшим сушеной рыбе, внимательно оглядела кухню, запертое на ночь окно, изучила остатки моего завтрака.

— Ты запер? — наконец спросила она. Червей не убрала, что меня дико нервировало.

— Я.

— Действия?

— Перекидывался из кота в человека. Не хотел, чтобы меня увидели. Голым, — уточнил я. Кто знает, что творится в этой червивой голове. Еще мне казалось, что Млакш меня недолюбливала.

— Посторонние?

— Нет. Завтракал.

— Уходи. Буду готовить, — больше она на меня не смотрела.

Ну, что, а мне и не надо больше. Молоко я уже все равно не пил, а потягивал, лениво размышляя о своих планах на день.

Но в первую очередь Маю. Пойду, поищу его.

Краткий экскурс по дому окончился ничем. Маю нигде не было. Я пошел в сад, оставляя отпечатки лапок на свежем снегу. Маю не было и в саду. Его кокон под деревом Лайун, в котором он находился по ночам, пустовал. Значит, он где-то бегал. Надо спросить Гиз.

Гиз в комнате не было. Я стучался, демонстративно чихал под дверь, даже тихо мяукнул, мол, выходи. В итоге просто зашел в комнату. Пусто. Что вообще происходит? Где все? Может, я что-то пропустил?

Тихонько пробрался в комнату Лиры. Нет, девушка спала, свернувшись калачиком под одеялом. Не буду тревожить. Полюбовался минутку и свалил, прикрыв дверь. Кот, конечно, требовал свернуться у хозяйки в ногах, но у нас тут торжество разума, а не инстинктов.

Эда в его комнате тоже не было. Что за бред?

Тут я вспомнил, что, вообще-то, он вернул себе свой переносной дом, так что, наверное, надо искать его там.

Дверь в квартирку Эдвина была не заперта. Хорошо смазана, не скрипит. Я протиснулся в щелочку и собирался почапать в сторону окна в Шум, как обнаружил и Эда, и Гиз, и Маю заодно.

Маю занимался делом — переносил сухие стебли растений в кучу. Судя по небольшому беспорядку, Гиз и Эд с утра пораньше занялись садом — все кадки были в беспорядке расставлены по комнате, везде была рассыпана сухая земля, в углу стояло три лейки, то тут, то там были заметны кучки каких-то семян. Везде грудями лежали высохшие стебли, которые и сносил в одну большую кучу Маю. Пахло землей и сухими цветами.

На Гиз и Эде были зеленые матерчатые фартуки и перчатки, все перемазано земляной пылью и веточками растений. Ни грязь на одежде, ни беспорядок, то топот Маю, ни мое тихое вторжение ничуть не мешало им самозабвенно целоваться. Оба стояли на коленях друг напротив друга, возле здоровенной кадки с высохшим чем-то, напоминающим денежное дерево, только с красными колючками. Обнимались и целовались. Судя по звукам, даже с языком.

Я немного отошел от охренивания и тихо-тихо ретировался, пока меня не заметил никто из этой веселой компашки.

Надо же, блин. А я-то думал, что Гиз такая тихая стала, когда Эд ушел.

Мне ничего не оставалось, как вернуться в комнату и сесть за учебник. В моих планах

была игра с Маю, но он занят, болтовня с Эдом, но он занят еще сильнее, тренировка с Гальзой, но пока нельзя, а то шумно. Все мои планы были накрыты тазиком. Так что я просто листал книгу, думая о совершенно других вещах. О людях. О Лире, если быть откровенным.

Наши отношения стали странными. Мы уже явно были ближе, чем друзья, но между нами стояла какая-то грань. Ее даже определить было трудно, не то что ломать. Она ведьма, я фамилиар. Она хозяйка, я питомец. Ну, разумный и в целом даже самодостаточный, как и все коты, но деньги-то за меня уплачены, и тут ничего не сделать. Она реализовавшийся, обученный волшебник, если можно так выразиться, а я даже паспорта не имею. Усы, лапы и хвост только.

Однако ничего не мешало Лире немного задержать руку на моем предплечье, когда она контролировала, сколько спирта я вливаю в эликсир. Ничего не мешало мне рассматривать ее стройную фигуру во время охоты. Ничего не мешало нам задерживать смотреть друг другу в глаза чуть дольше положенного.

Меня тревожила эта неопределенность. Немного душила. Я немного скучал по тем временам, когда мы были просто друзьями, ведьмой и ее верным фамилиаром.

Как-то незаметно мои мысли перетекли на ее улыбку. Было бы здорово ее еще раз увидеть. Не то чтобы я редко ее видел, но лучше чаще. Когда она улыбалась, словно бы загоралось маленькое кудрявое солнце. Эффект в ее полутемной камерке с зельями был просто поразительный.

Решив про себя выступить на маленькую авантюру, я перекинулся, оделся в парадное, прихватил кожаный мешочек с двумя дюжинами горстей, спустился, надел пальто и покинул поместье. Надеюсь, рынок работает в такую рань.

Утренний Санго только начинал свой ежедневный цикл. Прохожих было мало, и те в основном призраки — величавые полупрозрачные фигуры шествовали по своим делам. То тут, то там, нахохлившись, как воробьи, стояли стражники. Что-то их было многовато...

Я дошел до рынка довольно быстро, минут за двадцать. Большая часть всех лавок была закрыта, но за некоторыми стояли утепившиеся торговцы. Многие только раскладывали товар. Покупателей почти не было.

Я быстро прошелся по рынку, купил любимых булочек Лире — с черничным джемом, еще взял себе любимому большой сверток жареных рыбок, докупил немного ароматного чая и, немного подумав, зашел в бакалею и выбрал бутылку качественного осса, специально для Эдвина. Хотел поздравить с возвращением и в поместье, и домой. Теперь, судя по всему, и с приобретением девушки поздравлять. Это же закономерный итог, верно?

Когда я уже, нагруженный, возвращался домой, мое внимание привлек голосистый парнишка, стоящий на ящике, с охапкой свежих газет в руках.

— Последние новости! — кричал он. — Вестей из Самрайбо все еще нет! Почтамт отказывается давать комментарии! В Дворце Наемников небывалое столпотворение! Идет самая большая волна найма с времен свержения Черного князя!

Я подошел к мальчишке и, переложив все пакеты в левую руку, выудил из кармана монету в пять молотов и вручил ее разносчику. В ответ получил хрусткую, ароматную газету. Отойдя в сторонку, я поставил свертки на лавку, сел рядом и быстро пробежался взглядом по заголовкам.

«Вести из княжества Самрайбо не поступали четыре дня». «Столкновение с Тысячей Глаз в Нааме». «Город Малогост, княжество Бранг, почти полностью сторел». «Круг

Черведавов вводит войска в Белую долину». «Драконий Совет выражает обеспокоенность ситуацией в Красных Княжествах. Когда ждать ввода регулярных войск?». «Заявление шерифа Санго: получите вознаграждение за людей в серых плащах!».

Что происходит?!

Глава 17. Дыхание солнца

Я вернулся домой в смятении. В Княжествах происходило что-то жуткое, причем Ранф особо не давал понять, что что-то вообще происходит. Просто стал чаще отлучаться из дома.

Меня это сильно тревожило. Насколько я разобрался в местной географии, то волна беспорядков шла с севера, и уже скоро подберется к центру Белой долины. А Санго находился посередине между югом и центром. Так что нас наверняка зацепит.

Однако, когда я зашел домой, буря в моей душе несколько подулелась. Все же Ранф и его, нет, уже наше, Червивое Яблоко наверняка с этим справится. Да, как и говорил вермиалист, у Тысячи намного больше людей и ресурсов, однако у Яблока все рядовые члены тренированные, испытанные, тертые жизнью бойцы, каждый из которых стоит десятка, а то и сотни культистов. Кроме того, помним про выводок Сехка. Да и в случае чего подключусь я, Эдвин, думаю, что и Лира может что-то устроить.

Я вспомнил фонтан грязи, из которой выныривали жуткие фигуры и неестественно длинные руки, хватали цвергов и затягивали их куда-то вглубь. Сразу захотелось поежиться.

На кухне по-прежнему хозяйничала Млакш. На зашедшего меня она смотреть не стала — шинковала что-то ножом. Я не стал задерживаться — оставил покупки, объяснил, что трогать их пока не надо и ретировался, пока она на меня не посмотрела. От каждого мгновения мертвого взгляда выворотня Кот орал дурниной, так что не будем рисковать.

Я тихо прокрался в комнату Лир — ведьмочка еще спит. Не будем будить.

Поэтому я вышел в коридор, спустился в гостиную, подлез к ближайшей решетке и спросил:

— Гальза, не спишь?

— Нет, кот, не сплю, — со смешком ответил Гальза.

— Можно у тебя взять еще урок?

— Что-то конкретное хочешь узнать?

— Да, две вещи. Поинтересоваться твоим мнением насчет нового эффекта и узнать, как пользоваться еще одной гарой.

Гальза немного помолчал. Я уже даже подумал, что он отвлекся, и хотел его окликнуть, как из решетки снова пахнуло дымом:

— Давай, заходи. Даже интересно, что ты выдумал.

Сказано — сделано. Уже через тридцать секунд я был в подвале, и здоровенный бескрылый дракон уже ждал меня.

— Начнем с эффекта. Что беспокоит?

— Я все думал над твоими словами насчет слабости в ближнем бою. Решил перепроверить, взял несколько учебников в библиотеке, посмотрел. Очевидно, это проблема всех инферналистов.

— Хорошо, что проверил, — качнул рогатой головой галгара. — Но это не твоя проблема. У людей нет ни чешуи, ни когтей, ни клыков, ни рогов. Да и хвосты слабые. Ты в форме Серпентис лишен этих недостатков. Ну, кроме рогов.

— И благодаря Ранфу я делаю успехи в контактном бою. Но по сравнению с ним я как котенок против льва...

— Пойми, кот, — Гальза наклонился ко мне. От тела ящера несло таким жаром, что у меня волосы в носу в колечки закрутились. — Это лишь заменитель. Для обычного, рядового

инферналиста... Да ты даже не рядовой. Да, твоя теоритическая часть хромает, и девять эффектов из десяти, что ты знаешь, боевые, но именно как боевой волшебник ты стоишь на уровне как минимум офицера Круга Оборона. Предназначение инферналистов — нанесение урона на средней и дальней дистанции. Ни в одной армии этого мира инферналиста не пустят в авангард. Если это, конечно, не эти ваши позиционные бои. И ты сравниваешь себя, который может победить не самого слабого офицера, с старым, хитрым вермиалистом, который сросся со своим паразитом? Предназначение вермиалиста — нести смерть на ближней дистанции. И еще, просто для справки. Ранф, не сильно запыхавшись, раза три скручивал меня как дети — лавовую мокрицу.

— Я это понимаю, — ответил я, глядя точно в четыре глаза галгары. — Но это не повод останавливаться на достигнутом.

Я закатал рукав на рубашке и покрыл руку чешуей. Недовольно цыкнул языком и усилил чешую, усилил максимально — вместо длинных острых чешуек моя рука покрылась слоями толстых широких щитков. Такую броню не брала винтовочная пуля — Ранф проверял. Но, как ложка дегтя, запястьем я шевелить не мог, как и пальцами. Рука, сжатая в кулак — только так и не иначе. И только такая рука могла выдержать мой эффект.

— Дай мне что-нибудь, по чему я могу врезать, — сказал я Гальзе.

Он фыркнул и провел в воздухе рукой. Пространство сжалось, неслышно вздохнуло и разжалось, оставив на полу массивный гранитный валун. Такие в изобилии украшали берега рек Белой долины.

Я молча влупил по камню кулаком. Отдача больно ударила в плечо и даже немного в бедро — удар я уже поставил хорошо. Убрал руку. На камне осталась небольшая вмятина и едва заметная трещинка.

Отведя руку назад, я пустил по венам волну огня, направил Мощь на поверхность костяшек пальцев и за пару секунд собрал там небольшие пузырьки взрывов. Укрепил стенки пузырей, обращенные ко мне, ослабил ту сторону, которой собирался бить.

Зажмурился и ударил. В момент контакта прогремел взрыв.

Меня немного отбросило назад, но я устоял. Руку качественно отсушило, и пока я не знал, как с этим бороться. Неизменной рукой я стряхнул с лица крошки камня и открыл глаза. Взглянул на руку — испачкана кровью с лица. Поранился осколками. Посмотрел на правую руку — половинка чешуек отсутствует, вторая половина треснутые, обломанные. С кулака капает кровь. Переборщил с напряжением.

Взглянул на камень. Верхушка была снесена напрочь. На котле Гальзы остались многочисленные засечки от каменной крошки. Остатки валуна лежали на полу — взрыв расколол его на три части.

— Да, я знаю этот прием, — отозвался Гальза, совершенно не пострадавший от взрыва. Конечно, что ему будет — он представитель расы, купающейся в расплавленном железе. — У нас его тоже используют. Но редко. Отдача от взрывов портит даже наши кости, но нам и больше надо, — галгара ощерился. — Неплохое усиление, но это для превентивного удара, или для быстрого завершения боя, или для пробития защиты. Не больше. Удар мощный, но опасный и для тебя. Используй как можно реже.

— Понял. Второе. Хочу узнать про плавление. Вычитал в книге, что этим эффектом можно заменять удар сухим жаром.

— Да, и это тоже знаю. Волшебники из одного гуррского круга звали это «Дыханием солнца».

Галгара протянул мне коготь, на котором горело его кровопламя.

— Вот, ознакомься.

Я видел картину из окна второго этажа.

Шел ливень. К офицеру в длинном сером плаще, с винтовкой и пантронташем, перекинутым через плечо, приставал какой-то обычный мужчина-рабочий в замызганном, мокром комбинезоне. За спиной офицера стояло шестеро солдат, разной степени потрепанности.

— Господин, но мы правда не сможем... Тогда где жить нашим семьям? — рабочий преградил дорогу офицеру и всему отряду. На лице рабочего застыло решительное, но вместе с тем просительное выражение.

— Дан приказ, защитить город. Казармы накрыты огнем войск противника. Принято решение расквартировать личный состав в бараках. Решения вышестоящих не обсуждаются. — в голосе офицера звенела сталь.

— Но в бараках живут такие же рабочие! Весь город был накрыт! Неужели женщины и дети должны ютиться в руинах, ежеминутно ожидая нового обстрела?

— Расквартируйтесь в помещениях завода.

— Где? В складах, как скот в хлеву? Кроме того, не все склады накрыты щитами от артиллерии. Проблема не решена.

— В течение часа освободить бараки. Скоро прибудет третья дивизия. Освободи дорогу.

— Господин офицер!

Офицер же грубо оттолкнул рабочего в сторону, тот отлетел, ударился плечом о стену и упал в лужу. Не взглянув на человека, отряд двинулся дальше.

Рабочий встал, опираясь на стену.

— С такими воинами Гуррское княжество обречено...

Офицер застыл. Солдаты нерешительно встали.

Глава отряда отряхнул серый плащ от невидимой пыли, подошел к рабочему и протянул руку в его сторону, выставив ее ладонью вперед.

— Это измена.

Не было ни вспышки, ни огня. Чистый поток жара сначала испек голову человека, за мгновение обуглив ее, а возникший порыв ветра разметал золу, в которую превратились голова и плечи. Стена за рабочим покраснела, засветилась, начала медленно стекать на землю, шипя от капель дождя.

Руки рабочего упали на землю одновременно с телом. Казнь заняла меньше секунды.

Я очнулся. Тут же подавил рвоту.

— Готов ли ты использовать такую силу?

Я задумался лишь на мгновение. Мне было достаточно вспомнить события в Асмине, вспомнить поток варага, выплескивающийся на улицы.

— Если надо будет, то готов, — ответил я.

— Что ж, — ощерился Гальза, еще раз поднося ко мне пылающий коготь. — Тогда я покажу тебе плавление.

Глава 18. Разговорчики за стаканом осса

Я с тяжелой головой выбрался из подвала Гальзы. Любой, даже самый невнимательный свидетель, мог бы заметить идущие от меня клубы жидковатого дыма. Все же перегрев после очередного Отпечатка — малоприятная вещь.

В котелке медленно томились воспоминания о всей мощи гара "плавление". Да, тающий, льющийся темно-оранжевыми ручьями в море скалистый утес — это надо видеть.

Мне срочно требовалась какая-то психологическая разрядка. А то ещё и десяти утра нет, а от меня уже дым идёт. В буквальном смысле. И разрядка мне была дана...

— Кот, здорово! — с широкой улыбкой поднял в приветственном жесте руку Эдвин. — Или уже не Кот... Я, конечно, извиняюсь, может, так оно и надо, но ты в курсе, что ты дымишься?

— Не то чтобы было прямо надо, но да, в курсе. Спасибо. А насчёт кота-не кота...

Я вынул пару заколок и стянул с головы берет, который в человеческом обличье носил не снимая. Поставил уши торчком. Наслаждался изумленным лицом Эда. Пряднул ушами, буквально разок.

— Нда. Гиз мне говорила о проблемах с твоим проклятьем. Но не думал, что такие. Собственно, поздравляю тебя с переселением в человеческое тело. Скажи, как удобнее? Быть котом или человеком?

— Знаешь, везде есть плюсы и минусы, — задумчиво протянул я. — Предлагаю сесть где-нибудь и поболтать. Только в беседку не хочу, там снега навалило, ещё топить его, а мне сегодня нежелательно напрягать мощепроводы.

— Так пошли в Табакерку, — пожал плечами Эд. — Я тут на рынок сгонял, рыбок купил. Ну какие ты постоянно ел. Мне тоже понравились.

— Я купил осс, чтобы отметить новоселье. Или староселье? Обретение дома?

— Да я там цветами занимаюсь. Беспорядок такой, будто ремонт затеял. Считай новоселье. Берём осс, рыбок, и пошли ко мне. Поболтаем хоть, как нормальные люди.

— И то верно.

Мы забрали наши покупки и, пока нас никто не заметил и к чему-нибудь не припахал, убежали в Табакерку. Там мы прокрались мимо куч сухой земли, охапок не менее сухих стеблей растений, груды горшков, и наконец прибыли на кухню. Эд сразу же раскрыл шторы, и лиловый свет Шума пролился на мою кожу. Впервые подметил — от этого неяркого света ощущение как от солнца летнего полудня. Кожу немного жгло, но в целом терпимо и даже чуток приятно.

Мы расположились за высоким узким столом, напоминающим барную стойку. Стулья были под стать — высокие, с низкими неудобными спинками. Эд достал стаканы под осс, разложил на блюде рыбок и порезал ветчины и сыра, извлечённых из кухонного шкафчика.

— Сегодня с утра прошелся до рынка, купили горшки, еды сюда немного, ещё всякого по мелочи, — немного рассеянно прокомментировал мой взгляд на ветчину волшебник.

— Ага. Купили? — я невольно отметил множественное число.

— А то ты не видел, — ехидство в голосе сонитиста можно было намазывать на хлеб.

— О чем ты? — постарался прикинуться валенком я.

— О Гиз.

— Ладно-ладно. Я просто искал Маю, и случайно заглянул. Подумал, что Гиз знает, где

этот пенёк, и что Гиз может быть у тебя в Табакерке. Кто ж знал, что вы так... заняты.

— Да не слишком заняты, — с довольным лицом хмыкнул Эд. — Пока никакой занятости. Гиз семнадцать. Мне совесть не позволит.

— А тебе?

— Да я хрен знает, говорил же. Чего-то около двадцати пяти-двадцати восьми. Некому было сообщить, когда именно я родился.

— Хотел спросить у тебя, Эд. А откуда вообще Табакерка у тебя взялась?

— Изначально это долгая история, но определенную часть ты слышал. Когда я вернулся в наш институт, то обнаружил разруху и запустение. Большая часть оборудования была вывезена, но кое-что осталось. Табакерка — один из лично моих трофеев. Это обычная исследовательская Шкатулка, которую я творчески переоформил.

— Шкатулка? Это как комната? Квартира?

— Ну смотри. В Последнем Океане ныряют батисферы. В Инферно для исследования Стеклоанной пустоши используются стеклоходы. А в мире чистого звука используются Шкатулки. Потому что музыкальные. Логично?

— Логику понял, но что за Стеклоанная пустошь?

— Можно не объяснять? — вздохнул Эд. — Запасы твоих вопросов безграничны.

— Позязя. Это ж мой домен, мне интересно.

— Смотри. После Битвы девятнадцати королей разумные Общности сильно пересмотрели свои отношения. В основном под давлением появившихся драконов. И сейчас все расы свободно сотрудничают, организовывая в каждом из миров по паре-другой исследовательских институтов. Обычно в них изучают странные, необычные места того или иного мира. У нас это лунные базы, в Океане — попытки достичь дна, в Вьюге — вулканический архипелаг, а в Инферно — додумались пробурить "потолок" мира и выйти на огромную пустошь, названную Стеклоанной. Потому что там огромный слой мутного непрозрачного стекла. И сейчас эту пустошь исследуют. Понятненько?

— Понятненько, босс.

— Ну и славно. Так вот, я прихватил Шкатулку и до-олго ее ремонтировал. Выкинул нахрен аппаратуру, смастерил тайники, сделал красивую отделку, соорудил замкнутую систему циркуляции воды на духах очищения, ну и, конечно, разграничил зоны на обеденную, рабочую и спальную, что наверху. Так и жил, долгое время. Пока в один прекрасный день не пришли те уроды в масках.

Эд наконец смог прикоснуться к еде — он съел кубик твердого сыра и тут же запил оссом, пока не пришлось рассказывать мне что-то ещё.

— Ну теперь-то ты вернул свою собственность. Рад за тебя.

— Угумс, — кивнул Эд, болтая во рту осс. Наконец, он его проглотил: — Ух. Хороший взял, ягоды мипп немного перезрели, оттого вкус более сладкий.

— Да, сам заметил.

— Так, теперь ты. Какие новости?

Я вкратце рассказал про тренировки с Ранфом, про Серпентис, про свое превращение и его особенности, а также рассказал про случай с Авелем и его говорящим топором.

— Да, любопытно, — наконец откинулся на микро-спинку Эд. За это время он приговорил уже два стакана, и почти добил третий. — Я бы с удовольствием с тобой схлестнулся. Просто чтобы проверить как тебя, так и меня. Надо же, инферналист-контактник. Даже интересно стало.

— Но не сегодня. Только плавление освоил.

— Да понятное дело.

— А ты? Что ты делал, как ушел?

— Занялся привычным делом. Выслеживал, добывал знания, немного лечился, выслеживал, добывал, лечился. Ещё вставляем слова "проникал", "втирался в доверие", немного "пытал". Зато перебил человек пятнадцать культистов, накрыл два наркопритона. Куча полезного, в общем.

— Ясно. Меня вот все интересуете вы с Гиз, уж не обижайся, — Эд только хмыкнул. — Как так вообще вышло?

— Я сначала думал, что она заносчивая и немного заумная волшебница. Потом как-то случайно завис у нее в камерке, помог ей считать один хитрый коэффициент. Так и разговорились. Иногда спарринговались, пока вы на охоту летали или готовили зелья. Считали на этой ее машинерии, Маю тренировали. Так незаметно и сблизились. Но чуток с дистанцией. Наверняка понимаешь, о чем речь.

Я кивнул, чувствуя, как загорелись самые кончики ушей. Прекрасно понимаю.

— Так вот, — продолжил волшебник. — Ну а потом я ушел вслед за Табакеркой и Костром. И вдруг неожиданно для себя понял, что сильно по ней скучаю. В целом по поместью, тебе, спокойствию, зарплате скучал, но Гиз была на первом месте. Ну и понял, что влип. Потом, как экстравагантным методом сюда вернулся, она от меня почти не отлипала. Все пыталась мазать чем-то, даже сумела пару костей мне срастить. И глаза ее так светились... Да, мы, может, и не слишком сильно сходимся характерами, но увлечения у нас точно одни. Всегда есть о чем поговорить. А что у тебя с Лирой?

Я поперхнулся оссом от такого вопроса. Уши зажглись целиком. Хорошо, это почти не видно из-за меха...

— Кхе-кхе-КХА! Ну... Как бы... кхе-кхе... Ничего. Наверное.

— Наверное? — готовится ещё один бутерброд с ехидством.

— Да я не знаю. Все сложно. Стенка какая-то стоит. В конце концов, вы полноправные люди. А я как бы кот. Фамилиар ее. Ты вот можешь похвастаться тем, что тебя девушка на рынке купила?

— Да, проблема, — поджал губы и покивал сонистит, подливая мне осс. — Но не такая уж и большая.

— А бывает больше?

— Один из нас, ну, опытных образцов, нашел свое место на исследовательской базе на Луне. И он влюбился в молоденькую моннгу.

— Чё? — я натурально охренел.

— Ну а вот так. Сошлись характерами, — пожал плечами Эд. — И ничего не попишешь. Человеку нравится моннгу, а ей — человек. Ну подумаешь, что она больше в полтора раза, имеет мех, клыки и в целом напоминает смесь енота и полярной лисы. С ее точки зрения, это он лысый, маленький обезьян. Такие дела. Так что подумай, проблемы ли у тебя, или так, трудности?

В дверь тихо постучались.

— Войдите! — крикнул Эд. Дверь отворилась, и из-за створки показалась немного заспанная мордашка Лиры.

— Джаспер, ты тут?

— Ага. Посиделки устроили.

Ли́ра вошла в комнату, оглядела бардак, а потом посмотрела на стол.

— Во-первых, Джас, спасибо за булочки. Очень вкусно. Ты самый заботливый кот на свете. Но во-вторых, Джаспер, почему ты накидываешься с утра пораньше? — возмущённо закончила девушка.

— Ну смотря как считать время, — отозвался Эдвин. — Если считать по времени далёкой страны Кантулоо, то мы очень даже вечером пьем. Время, оно относительно...

— Эдвин, я выпил две трети стакана. А судя по твоим разговорам, ты точно перебрал норму.

— Эх, дружище, — непритворно вздохнул Эд. — Девятая бдит. Я не могу сильно напиться — она пускает волну какофонии особой частоты, которая разлагает исключительно алкоголь. Только вот так вот могу. Обычно, когда я выпью, то становлюсь разговорчивым, а также склонным к созерцательности и философствованию. Примерно как сейчас. Кстати, а что значит "сейчас"? Ведь кто-то же первый додумался определять единственный момент времени из вечности...

— Джаспер, хотела тебя на охоту пригласить. Давно не катались, — перебила волшебника ведьмочка.

— Да, почему нет, — пожав плечами, ответил я. — Эд, ты с нами?

— Не, — отмахнулся сонитист. — Я сейчас уговорю Девятую разрушить весь алкоголь в крови, а потом пойду с Гиз дальше наводить тут порядок. Пока без меня. У меня тут, знаете ли, духи очищения сбежали, и всю систему водоочистки мне порушили.

Ну да, ну да. Наводить порядок он тут будет...

Мы успели подготовиться к охоте. Пока мы переодевались, а Ли́ра чистила ружье, один из выворотней обслуживал нашего Стрижа. Ну а как только мы почти вышли из дома, то услышали странный звук в гостиной. Будто кто-то упал, перевернув что-то то ли стеклянное, то ли фарфоровое. Переглянувшись, мы рванули в комнату. Вдруг что с Эдом?

Это был не Эд.

Тьма за диваном выплюнула одновременно четверых агентов Червивого Яблока. Все они были измученные и израненные.

На диван вверх тормашками приземлился Базиль, он же, насколько помню, Коршун. На его лице багровела едва сросшаяся рваная рана, ну и левой рукой он зажимал кровоточащую рану на правом плече.

Ранф был единственным, кто устоял на ногах — он был в углу комнаты, привалился спиной к стене и тяжело дышал. Плотная кожаная куртка на нем была темной и блестящей от крови. Надеюсь, не его.

Афина-Короед приземлилась на журнальный столик, перевернув и его, и все, что на нём стояло. Это могли бы быть только книги, но благодаря одной ведьмочке, обожавшей вечером пить чай в гостиной и не убирать за собой чайник, Афина была мокрая с ног до головы. А учитывая, какая она была фигуристая, мне оставалось только невольно сглотнуть. (Это не я, это Кот, честное пионерское.) Восприятию откровенно красивого женского тела мешал воткнутый в ее живот обломок какого-то костяного лезвия.

Хуже всего явно было Артуро. Светловолосый парень стоял на четвереньках и прижимал к животу правую руку. С него уже натекла целая лужа крови. С изумлением я заметил, как в лужу упало что-то длинное, розоватое, немного похожее на гроздь свежесделанных сосисок. Осознав, что это, меня затошнило.

Я сумел рвануть дверь в комнату Эда и крикнуть:
— Эд, тут жопа! Надо лечить и срочно!!!

Глава 19. Полет

Ранф сидел, опустив голову, и смотрел в никуда. Фелиция с беспокойством смотрела на него. Рядом сидел и морщился Базиль — его раны были не настолько серьезными, и Ранф ограничился червем-госпиталем. Мы с Лирой просто молча следили за ситуацией.

В это самое время в соседней комнате Эдвин и Гиз боролись за жизнь Артуро. Афина ждала своей очереди — ее раны были не такими обширными.

Напряжение росло до одного момента. Встрепенувшись, Ранф саданул кулаком по столу с такой силой, что расщепил столешницу.

— Проклятье! — крикнул он в ярости.

— Вы не справляетесь? — холодно спросила Фелиция.

— Их много. Их чересчур много, — тихо ответил Ранф, потирая совершенно не пострадавшую руку. — Я даже не думал, что они смогут набрать столько бойцов. Причем не только червивых, но и бойцов других доменов. Каждый день они захватывают до пяти городов. На каждый город выделяется до трёх сотен культистов, до сотни гвардейцев, часто в бой идут Белые сердца. Нас просто не хватает. Мы выдерживаем до трёх боёв за сутки, но каждый день... Агенты начинают совершать ошибки. Базиль, поднимай рубаху.

Коршун послушно поднял одежду. Сразу же из него полез белесый червь. Ранф бережно подхватил его, дождался, пока тот выберется полностью, и спрятал куда-то в рукав. Очевидно, что оттуда "госпиталь" полезет в внутреннюю тьму Ранфа.

— И мы проигрываем, — продолжил вермиалист. — Мы теряем Красные княжества.

— А что вообще происходит? — с тревогой спросила Лира.

— Тысяча Глаз накопила достаточно сил, чтобы основать свое государство, — ответил за Ранфа Базиль. — Стратегически правильное решение. Красные княжества разобщены, при этом Белая долина в целом — место, которое удобнее всего оборонять. Горные гряды отделяют ее от Драконьих королевств и Горелых земель, а обилие рек и плодородная почва позволяют не бояться голода. Поэтому Освальд, глава Тысячи, нацелился именно на эту часть мира.

— А чем для вас так важна Страна Рек? — спросил я.

— Нам важна не Страна Рек, — качнул головой Ранф. — Это моя родина, это прекраснейший край, но даже если тут случится новая революция, я ничего не скажу. Но теперь это место грозитя подчинить себе Тысяча. Тут будет основано первое в истории государство вермиалистов. Где они не будут просто признаны, а будут хозяевами. Именно это я и не хочу допустить. Именно поэтому я и откололся от Тысячи.

— Откололся... От Тысячи Глаз? — потрясённо прошептала Лира.

— Да. Именно потому, что действия Освальда чересчур радикальны. Он хочет создать государство. Для этого он до основания разрушит строй Красных Княжеств. Они прекратят свое существование, а на их месте родится страна Освальда. И это место станет самым главным врагом всего просвещенного мира. Разразится война, сначала страшная и кровавая, потом долгая, затяжная. И это будет длиться десятилетиями. Естественно, больше ни о каком признании вермиалистов не будет идти и речи.

— А твоя цель? — прямо спросил я.

— Действовать мягче. Да, дольше, да, сопряжено с риском. Но мы решаем проблемы многих государств, у нас в друзьях много чиновников, князей. О истинной сути нашей

группы даже знает один Дракон. Мы хотим добиться мирного признания. Понимания того, что вермиалисты — точно такие же люди, как и все. И сейчас получается так, что либо Освальд осуществляет свои цели, либо мы получаем шанс серьезно приблизиться к нашей победе.

— И этот сукин сын, — подал голос Базиль, — Просто давит нам мясом. Мы можем отразить нападение на город. Но один, максимум два раза за день. И то не каждый. А Тысяча каждый день атакует до пяти раз. Нас просто не хватает.

Воцарилось молчание.

Внезапно в комнату вошёл Эдвин, сразу за ним Гиз. Все уставшие, окровавленные, но спокойные.

— Оба будут жить, — кивнул волшебник Ранфу.

— Спасибо.

— Чем можем... — тяжело вздохнул Эд.

— В любом случае, Санго станет переломной точкой в войне, — Базиль откинулся на спинку дивана.

— Это почему? — нахмурилась Лира.

— Все просто, — ответила, неожиданно, Фелиция. — Санго — эпицентр паутины, сплетенной Ранфом. Сюда сходятся все нити, которые он заботливо выстраивал по всем Княжествам. Сколько тут у тебя процентов доверенных людей из правительства?

— Семьдесят процентов, — буркнул Ранф.

— Семь из десяти чиновников Санго подчинены Червивому Яблоку. Если Ранф потеряет Санго, то потеряет и все княжества разом.

— Праздник Середины Зимы через полторы недели, — сказал Ранф. — Через полторы недели все решится. Или мы получим шанс отыграться, или окончательно потеряем Княжества как базу Червивого Яблока и откатим наш прогресс на десяток лет.

Чтобы хоть как-то прийти в себя после таких новостей, мы с Лирой все же полетели на охоту. Однако, ничего не клеилось.

Сначала мы просто не могли ничего найти. Было такое чувство, что Горелоземье просто вымерло.

Потом мы обнаружили стайку продрогших лавовых ящеров из Инферно. Обычно убийственно меткая Лира в этот раз высадила весь магазин в толпу, толком ни в кого ни попав.

— Лира, может, сегодня просто посидим где-нибудь? — предложил я, глядя, как ведьмочка поскрипывает зубами, заряжая в винтовку новую кассету патронов.

— Думаешь? — хмуро отозвалась она, провожая глазами стадо убегающих лавовых ящеров.

— Однозначно. У меня сегодня тоже нет такого настроения на охоту.

Лира цыкнула языком, отложила винтовку. Сев, она взялась за руль и сняла карету с стопа. И вдруг застыла, явно что-то обдумывая.

Через полминуты она широко и немного зло улыбнулась, и... Вытащила из-под сиденья ремень безопасности.

Я похолодел настолько, что даже рефлекторно начал прогрев. Лира никогда не

вытаскивала ремень безопасности. Я рыбкой нырнул под сиденье и судорожно начал искать свой ремень, что было не так уж и просто в кошачьей форме.

Тем временем Ли́ра пристегнулась, отрегулировала ремень по себе и начала копаться в своей сумке. Я тем временем вытащил свой ремень, сел обратно на сиденье и лихорадочно соображал, как бы мне закрепиться.

Точно в тот момент, когда я все же примотал себя к спинке сиденья, Ли́ра достала из сумки две вещи: очки-авиаторы и темно-зеленый изумруд. Я икнул от ужаса.

— Ли́ра-Ли́ра-Ли́ра, а ты не-не торопишься? Какие изумруды, Ли́ра? Это же гарант призыва духа бурь из Вьюги...

— А по-твоему, чего я добиваюсь? — с мягкой улыбкой спросила Ли́ра, надевая очки. Следующим движением она закинула изумруд в лючок топливоприемника.

Я выругался.

Ли́ра крутанула ручку. Обычно, чтобы найти голодного духа ветра, требовалось три-четыре оборота. Сейчас Ли́ра провернула ручку на девяносто градусов, и раздался звук колокольчика.

Мы рванули с места абсолютно беззвучно. Буквально за мгновение небо и иссохшие травы Горелых земель превратились в два больших смазанных пятна — беловато-голубое и зелено-желтое. Меня вжало в кресло, и единственное, что я слышал, это скрип продавливаемой мною кожи обивки. Ли́ра же наклонилась вперед, ее пальцы до мраморной белизны вцепились в рукоять управления. Очки она надела с четким пониманием того, что даже маготронная защита от ветра не сможет защитить нас от такого давления воздуха. По всей кабине гулял ветер — игрался волосами девушки, подкидывал мелкий мусор, пытался вытащить из-под сиденья багаж.

Спустя минуту я наконец сумел побороть силу инерции и приподняться в кресле для того, чтобы посмотреть нам вслед. Выглянув, я убедился в своих подозрениях.

Мы с Ли́рой преодолели звуковой барьер. Наш полет вызывал такое воздушное давление, что наш полет отследить было проще простого — просто иди по широкой полосе вмятой в землю травы.

— Ли-и-ира!

Девушка не ответила — она была полностью поглощена скоростью полета. Вроде вот нормальная девушка, а в глубине души такая маньячка...

— Ну Ли-ира! Ты меня слы-ыши-и-ишь?

Я заметил, что ее глаза под авиационными очками слезились. Но их разве не делают для того, чтобы защитить глаза?

Мне оставалось только связать два и два, а потом решить, что делать. И второго варианта я, в общем-то, не видел.

Скрепя сердце и умирая от ужаса, я распутался из ремня, и, ежесекундно борясь с инерцией, подлез на коленки к Ли́ре. Там я улёгся, будто ни в чем не бывало.

Ли́ра ожила — наклонилась ещё сильнее, и дернула вниз особую шторку, открывавшую застекленное окошко. Мне открылся прекрасный вид на наш путь. Он лежал прямо к Язве. Потом девушка распрямились, откинулась на спинку кресла, одну руку расположила на рукояти управления, а другой начала поглаживать меня по голове.

Трудно сказать, сколько мы так летели. Сначала я немного боялся, но потом как-то расслабился, а потом просто кайфовал. Другое слово трудно найти.

Вечернее солнце чуть сбоку справа. Прохладный ветер щекочет кожу. Впереди

смазанными пятнами проносятся бескрайние степи Горелых земель, с редкими вкраплениями жиденьких рощиц. Ты, котик, лежишь на коленях любимой хозяйки, пока она тебя гладит

Вы молчите, но вам комфортно. Сказка. Ветчины только не хватает.

Мы летели, пока не села батарейка. Мы начали постепенно замедляться, и в какой-то момент звук догнал нас, и наш беззвучный полет превратился в ревущее нечто. Большая часть очарования поездки тут же улетучилась. Нахмурившись, Лира и сама сбросила скорость.

К этому моменту мы уже находились в Приливной зоне Горелоземья, в руинах какого-то гуррского города, поглощенного цветущей даже в середине зимы зеленью. Город был расположен на исполинском высоком обрыве, по которому текла река. Естественно, на самом обрыве река превращалась в длинный водопад.

Мы приземлились на одной из редких полянок возле самого водопада. Молча вышли — Лира первая, а я чуть следом, потому что перекидывался и переодевался, ещё и прихватил корзинку с едой. Пальто и кофты остались в карете. Удивительное явление — был уже закат, да и на дворе стояла зима, но солнце жарило по-летнему: в Приливной зоне Горелоземья из-за перенасыщенности элементарной энергией царило вечное лето. Что меня, как лысого котика, более чем устраивало.

Подойдя к обрыву, мы обнаружили, что это было довольно популярное место — склоны были укреплены каменной стеной, был спуск вниз, перед которым даже стояла будочка кассира. Видимо, там было что-то красивое.

Лира застыла, словно во сне. Похоже, что ее молчаливая истерика кончилась, и теперь она была полностью опустошена.

Я собрался с духом и, взяв ее за руку, повел к будочке кассира. Путь нам преградили деревянные, разошедшиеся воротца. Хватило небольшого импульса низкоэнергетического жара, чтобы полностью развалить их.

Мы шли вниз. Ветхие желтоватые камни, которые образовывали стенку и лестницу, довольно быстро побеждались вездесущей жизнелюбивой травой. Совсем рядом шумел водопад.

Наконец, лестница привела нас к уступу на обрыве, который творческие гурры переделали в прекрасную беседку с великолепным видом на водопад. Когда-то давно это было белоснежное строение с ажурными стенами и цветными витражами окон, с алой черепицей и удобными диванчиками для отдыха. Теперь же... Часть стенок обвалилась, черепица облетела, окошки щерились ртом с выбитыми зубами, а диванчики разошлись, развалились и покрылись мхом. Но сила волшебства, царящей в этих землях, была сильнее любой вещи, сделанной людьми — по окраинам беседки огромный куст роз пробил камни пола, да и те полностью скрылись из вида под густым слоем зелёной травы. Именно поэтому беседка выглядела не как руина, а как прекрасная иллюстрация к сказке, причем ещё и пахнущая розой.

Мы не стали долго рассматривать красоты, а прошли в беседку и расположились биваком прямо в середине беседки. Оставив прилегшую на травку Лиру, я снова поднялся, набрал в охапку каких-то высохших палочек-веточек, вернулся и развел огонь.

Лира все ещё лежала на траве и смотрела на темнеющее небо в пролом в потолке, так что обедо-ужином занялся я. Просто пожарил ветчины, чуток подрумянил хлеб (не на костре, а выдыхая жар), и, соорудив сэндвичи с ветчиной, сыром и местными сиреневыми

помидорками, вручил один Лире. Та, почуяв приятный аромат, наконец очнулась, села, отрянула руки и принялась за еду.

Мы ели молча, тихо. Треск валежника в костре и шум водопада создавали весьма комфортную атмосферу. Но еды никогда не хватает надолго...

— Лир.

— А?

— Что это была за истерика?

— Я устала от такой жизни с потрясениями. Надоело себя обманывать. Это не весело. И вообще, Джас... Больше года назад знаешь что было? Выпускница университета, дипломированная ведьма, ехала к бабушке проходить практику. И что с тех пор случилось? То мы едва сводили концы с концами, то вляпались в какую-то историю с Тысячей Глаз, будь они трижды прокляты, то пережили беспорядки в городе, то бежали из Бравии, моей родины, то тут что-то началось... Я уже ничего не понимаю, что происходит. Все стало слишком серьезным.

Девушка обняла колени и уставилась в огонь. По ее щекам текли слезы.

— Лира, мы со всем разберемся.

— Я так не думаю, Джаспер. Слишком все серьезно. Мы в эпицентре революции в Красных Княжествах. На нас идут сотни культистов Тысячи Глаз, да и тот факт, что некогда там состоял Ранф... Это ужасает.

— На самом деле вермиалистов можно понять. Разве нет?

Лира понурилась, а потом кивнула. Я продолжил:

— Это не оправдывает поступки Тысячи, но тем не менее, их поведение имеет определенный смысл. Да и потом, мы не будем защищать Санго в одиночку.

— В смысле?

— Ранф молодец, у него агенты и выворотни. А у нас есть полезные знакомства. А у тех тоже есть знакомства.

— Поясни?

— Стальные рога, — улыбнулся я. — Я думаю, мы должны дать им информацию о происходящем. Ну и они обязательно поделятся этим с своими коллегами из дружественных отрядов.

— Хм, — ведьмочка задумалась. — А это может сработать.

— А то. Да и потом. Если бы у тебя была спокойная, плавная практика, достигла бы ты таких вершин в ведьмовстве и алхимии?

— Ну, нет...

— Вот тебе и ответ. Все эти испытания похожи на удар молотом, когда ты лежишь на наковальне. Это тяжело. Но это укрепляет тебя. Вот только представь, смогла бы эта твоя выпускница сделать проклятье оборотня?

— Не думаю, — робкая улыбка появилась на лице девушки.

— Ты сильна, да и я не слабак. Главное, верь в нас. Уж один город Червивое Яблоко точно отстоит.

Внезапно Лира придвинулась ближе, развернулась и легла головой мне на бедра. Я замер.

— Я все ещё не совсем расслабилась, — заявила девушка. — Мне нужно многое обдумать. Но, думаю, лучик надежды у меня появился.

Я неосознанно провел рукой по кудряшкам ведьмы. Она блаженно зажмурилась.

Когда луна поднялась на небеса, она застала меня с Лирой, уснувшей от утомления у меня на коленях. Я же, с пустым разумом, созерцал огонь, иногда подкидывая в него дровишек, а другой рукой гладил девушку по голове.

Ночью я разбудил Лиру. Все же нехорошо спать в руинах города, без спальников и духов-сторожей. Так что мы вернулись в поместье с помощью Маяка. Гиз, представлявшая собой встречающую комиссию, немного отчитала нас, но быстро отстала. Лира ушла в ванную, а я..

Я зашёл в подвал, спустился по лестнице и постучал в раскалённую дверь котла. Урона мне это не нанесло — слишком хорошо я был натренирован.

Спустя полминуты дверь котла отворилась, и наружу вылез Гальза.

— Чем обязан, кот?

— Напомни мне, что ты там хотел за гара "пространство"?

Глава 20. Ритуал

Я не удержался и вывалился в коридор. Дверь запер за собой ногой.

Осмотрелся. Голова гудит, но это и понятно, не каждый день от тебя отрывают кусочки мяса. Рубашка пропиталась кровью, и от жара почему-то рассерженного Гальзы уже успела высохнуть. Только на выброс. Но все искупалось, и искупалось сполна.

Вы когда-нибудь сидели в бассейне, или на дне небольшого водоема? Знаете, испытание такое — сесть или лечь, возможно, прижав себя парой камушков, чтобы так легко не всплывать. Сидишь, смотришь на толщу воды, игру солнечных бликов на песке, наблюдаешь за поднимающимися из носа пузырьками? Вот сейчас я чувствовал это же, но без воды.

Оказалось, что с гара «пространство» легко почувствовать саму ткань пространства. Все-все вокруг становилось вязким, плотным, подчиняющимся движению пальцев. Все равно, что взмахнуть рукой под водой, только еще послушнее.

Я перевел взгляд на кадку с высохшим цветком, стоящим в другом конце коридора, примерно в четырех-пяти метрах. Усмехнулся. Сел поудобнее. Протянул руку, *схватился* за пространство и собрал его в складку. После чего с дебильной ухмылкой постучал по ободку кадки.

Ну а потом, как и любой уважающий себя кот, я начал баловаться, несмотря на плохое самочувствие. Я одним шагом пересекал пятиметровый коридор, садился на корточки и трогал потолок. Потом я тут же, по совету Гальзы, научился делать одну прикольную вещь. Я пошел на кухню, по запаху нашел ящик, в котором был кусочек ветчины, и растянул пространство. В дверце образовалась аккуратная дырочка. Я засунул руку, взял ветчину, вытащил ее и закрыл дырочку. Шкафчик оказался нетронут, а вот ветчина тут же подверглась жесткому обкусыванию со всех сторон. Захомячив ароматное, острое мясо, я облизнул руки и решил пойти переодеться.

Потеря потенциального прогресса меня не слишком сильно беспокоила. Да, я теперь никогда не смогу призвать настоящих ти-рекссов напрямую с полей Инферно, но будем честны: не очень-то мне это и было нужно. А вот солидное усиление прямо здесь и сейчас очень даже поможет.

Переодевшись, я завалился на кровать и начал думать. Потенциал к сонному размышлению у котов был поистине безграничен. Как известно, эти животные могут часами лежать и думать свои бессловесные мысли, а что получается при развитии, образном мышлении, и подумать страшно. Однако, у меня уже было четко оформленное намерение, и мне надо было решить некоторые детали.

Понятное дело, что в данный момент мое владение вагарр представляет собой не более чем игрушку. И мне надо за неделю превратить его как минимум в инструмент. Лучше, чтобы в оружие, но и инструмент сойдет. А как я уже заметил, лучшее обучение происходит или в бою, или под присмотром такого специалиста, как Ранф.

Кивнув самому себе, я полежал еще полчаса, чтобы шум в голове исчез полностью, и встал с кровати. Потом выпил зелье, продляющее мое время в человеческой форме. Сегодня у меня нет времени на барахтанье в собственной рубашке.

Одевшись в тренировочное, я, ведомый собственным носом, приступил к поискам Ранфа. Попутно я еще и тренировал пространство — слегка дергал за него, исследуя рельеф в комнатах за закрытыми дверями. Получалось с переменным успехом.

Проходя мимо двери в лабораторию Леры, я задержался. Судя по моим ощущениям, какая-то невысокая девушка с кудряшками бегала по лаборатории и в спешке что-то собирала. Постучавшись, я зашел.

Вспотевшая девушка в легкой рабочей робе носилась по полутемному помещению, собирая в кучу какие-то пучки трав, камушки, завалившиеся монетки и странные баночки с сужением на конце. Меня она не заметила. Наконец, она подскочила к кипевшему в уголке тиглю и, вооружившись щипцами, извлекла из приятно пахнущего отвара пропитанный мелок. Вытерев его насухо о край робы, она водрузила его на вершину кучки, оглядела ее, кивнула своим мыслям, достала из-под стола новую холщовую сумку и одним движением смахнула всю кучу в нее. И только тогда заметила меня.

— О. Джас, ты вовремя, — выдохнула она и подула на прядку волнистых волос, упавшую на лицо.

— Чем собираемся заняться? Что-то срочное?

— У тебя были планы? — удивилась ведьмочка.

— Немного, — кивнул я. — Надо найти Ранфа. Я хочу в недельный подготовительный лагерь. Хочу боли, мучений и страданий.

— Надо же, мы читаем мысли друг друга, — усмехнулась Лира. — Но сначала мне надо подготовиться. Одну оч-чень интересную штуку, к которой я раньше боялась подступить. А теперь... Если не попробую, то поставлю всех под угрозу.

— Каков план действий? — я сразу вызвался помочь. К Ранфу всегда успеем. Более того, Лира меня очень удивила, высказав желание отправиться со мной и Ранфом. Обычно она тренировалась в стрельбе, и редко когда не в одиночестве. Теперь, видимо, ей захотелось пострелять в Горелых землях.

— Сейчас идем в ритуальную.

И мы пошли. Путь привел нас в мансарду, где мы сразу открыли припасенным ключом старую резную дубовую дверь. Стояла темень. Я, ориентируясь по пространству и немного на нюх, воспламенил фитильки расставленных свечей. Когда-то давно для меня это было непосильной задачей, а теперь самой сложной частью было прицелиться.

И тут я чуть не прогнулся под тяжестью ностальгии. Именно в этих стенах из древних камней я и очнулся в этом чудесном мире. И, если уж совсем начистоту, по старому и не скучаю. Да уж, сколько воды утекло...

Лира же вывалила содержимое сумки на столик, стоящий в углу, выудила из кучи еще сырой мелок и тут же принялась чертить здоровенный треугольник. Я в ритуалистике не был подкован от слова совсем, так что просто следил за ее движениями. Да кого я обманываю? Я улучил момент и просто пялился на красивую девушку, занятую сложным делом. Лира со знанием дела нарисовала равносторонний треугольник и за двадцать минут написала длинное заклятье на языке духов на внешнем контуре треугольника, и полностью заполнила разными символами, значками и мистическими словами внутреннюю часть. Попросту отбросив оставшуюся горошинку мелка в сторону, она отряхнула руки — опять об робу — и подошла ко мне.

— Твоя задача проста, — начала она давать мне инструкции. — Чтобы я быстрее справилась, просто буду брать Мощь еще и через тебя. Увидишь сильного духа, можешь немного пыхать огнем, чтобы он вел себя помирнее.

— А чего ты вообще затеваешь? — с сомнением обвел я взглядом кучку вещей, оказавшихся жертвами духам.

— А вот это сюрприз. Не буду портить, — улыбнулась Лира.

— Ну тогда приступим, чего мариноваться? — пожал я плечами и уселся на пол, привалившись спиной к камням, составлявшим стены.

Лира кивнула, засучила рукава и подошла к кучке. Порывшись, она вытащила оттуда бутылочку с чем-то маслянистым и все железные баночки. Все поставила на пол. Взяла одну баночку, открутила сужающуюся крышку с каким-то отверстием, капнула туда пахучим маслом и поставила ее на вершину треугольника, поближе к себе. Вернувшись к кучке, девушка взяла с самой верхушки пучок лимфоцвета и бросила его в центр треугольника. Потом ведьмочка встала около призывного ритуала, глубоко выдохнула, опустив руки и голову. Спустя пару секунд встрепенулась и, воздев руки, начала речетативом на туур звать кого-то. Через меня уже привычно потекла колючая Мощь Лиры.

Не прошло и пяти минут, как пучок мелких синих цветочков вспыхнул синим огнем. Из него повалили клубы густого желтоватого дыма, собравшиеся в фигуру оленя с пятью рогами. Я замер — впервые видел настоящее ведьмовство в действии.

Лира задала духу вопрос на туур. Естественно, я ничего не понял, в отличие от оленя. Он в ответ на ее слова тряхнул головой. Лира задала другой вопрос. Олень фыркнул и топнул копытом. Тогда Лира, судя по интонации, высказала какую-то просьбу. Дух, подумав, еще раз фыркнул, сжался в шарик из желтого дыма и нырнул в баночку.

Лира метнулась, подхватила баночку и с величайшей осторожностью завинтила крышку. Порывшись в кармане, она достала обычную этикетку для зелий, лизнула ее, приклеила и что-то подписала крошечным отгрызком карандаша. Полюбовавшись результатом, она отложила баночку к входной двери.

— И зачем ты поймала духа? Причем в такую странную ловушку, — нахмурился я. Действительно, металлическая баночка была вовсе не похожа на обычные ловушки для духов, которые плелись из трав, корней вишни и сушеных вен диких зверей, которые я изредка видел в магазинах типа «Все для волшебников».

— Это сложнее, чем просто поймать духа. Я задобрила его жертвой, прикормила на золотое масло и поместила в специальное вместилище. Естественно, все с его позволения. А результат... Закончим, и я испытаю. Тогда и глянем. Если все пройдет успешно, то мы с тобой и Ранфом вместе поедем туда, где вы обычно тренируетесь.

— Ты же можешь пострелять и где-нибудь за городом...

— А кто сказал, что я буду тренироваться в стрельбе? — ехидно поинтересовалась Лира.

Та-а-ак, а вот это интересно. Я кивнул и уселся поудобнее.

За последующие несколько часов мы поймали восемь духов, включая того оленя. Начали с животных. Сначала Лира призвала кошку, потом орла. Потом она призвала какой-то комок белого меха с острейшими когтями. Он пыхнул по сторонам морозной Мощью, даже замахнулся на волшебницу, но тут вскочил я, заслонил ведьму грудью (что смотрелось не так впечатляюще, учитывая мои габариты) и пыхнул огнем. Комок шерсти сначала отшатнулся и порывался сбежать, но Лира сумела его успокоить и даже склонить к сотрудничеству. Потом ведьма начала звать духов природных явлений. А под конец...

— Фу-ух, — выдохнула Лира, закрутив крышку с духом темноты, — Ну а теперь самое сложное. Соберись, Джаспер.

— Да я уж понял, — хмуро отозвался я, глядя на оставшийся на столике предмет. Пришлось встать и немного размяться. Подумав, я еще и на всякий случай прогрелся.

Ли́ра призывала духов зверей на травы и кусочки сушеного мяса, природных духов на разные кусочки коры, камушки и стекляшки. И мне теперь было интересно, кого можно призвать на дорогу́щий бронзовый нож с зазубренным лезвием.

Ли́ра как-то нерешительно подошла к столику, взяла нож и вошла прямо в ритуал.

— Э? Ли́ра?

Девушка вдруг резко задышала, гипервентилируя легкие, и вдруг с размаха всадила себе лезвие в руку. Нож вышел с другой стороны ладони, на пол тут уже упали первые капли темной крови ведьмы.

— Ли́ра! — закричал я и метнулся к ней, чтобы вытащить из ритуального треугольника.

— Не смей! — вдруг крикнула мне она. — Не смей, Джаспер! Ритуал начался! Нельзя прерывать. Не мешай.

Я же, замерев, смотрел на лицо Ли́ры.

Решительное, даже чуть злое выражение резко контрастировало с бегущими по щекам слезами и кровью, стекающей с руки. Хотелось ее обнять, защитить, оберечь от всего на свете, но в ее осанке была лишь сила. Глаза горели лихорадочным огнем.

Никогда она еще не была такой красивой.

Ли́ра расшатала нож в ране. Кровь уже не закапала, а побежала на ритуал тонкой, прерывающейся струйкой. Крикнув от боли, ведьма вытащила нож из раны. На зазубринах лезвия остались крошечные клочки кожи и мышц. Я мог только скрипеть зубами от злости.

Ли́ра бросила нож на пол, в центр ритуала, и, подрагивая, вышла из ритуала. Еще раз вздохнув, она мазнула окровавленной рукой себе по лицу. Потом достала из кармана бинт и наскоро перемотала руку. Естественно, бинт тут же пропитался кровью.

— Шагейн! Уль тэ гарр на! — закричала от боли и странной ярости Ли́ра. Никакого речетатива в это заклинании не было. Лишь ярость и капелька боли.

Нож дрогнул на третьей минуте. Будто бы им шевельнула чья-то рука. Ли́ра только добавила в голос ярости — заклинание она уже больше рычала.

Вдруг нож поднялся в воздух и треснул. Из трещин широкими струями полилась расплавленная, светящаяся бронза. Она быстро собралась в человекоподобную фигуру воина.

Двухметровый, мускулистый, кожа насыщенно-бронзового цвета сплошь покрыта ужасными шрамами. Повсюду — в плечах, бедрах, из живота — торчали обломанные стрелы и куски лезвий. Слишком маленькие для него элементы брони, напоминающей античную, были звериными сухожилиями пришиты прямо к коже. Лицо скрывал шлем с мелкой решеткой для лица, оттуда было слышно шумное дыхание, и изредка падали капли слюны. В правой руке дух сжимал булаву, усеянную длинными, кривыми, зазубренными шипами — ими была покрыта не только рабочая часть, но и древко и даже рукоять — шипы во многих местах проткнули кожу и торчали из руки. Другая рука не была вооружена, да это ей и не требовалось — скрюченные пальцы оканчивались пятисантиметровыми когтями. От духа тяжело воняло кровью.

Дух подавлял. При его виде хотелось упасть на колени и принять неизбежную смерть. Так хотел Кот. Он не видел смысла сражаться с *этим*.

Я же вспомнил глаза Ли́ры. Трудно дался только первый шаг. Я сумел подойти к девушке и снова закрыть ее собой. Потом я покрыл себя чешуей, и не останавливал поток Мощи до тех пор, пока мое лицо не превратилось в ощерившуюся десятками зубов пасть.

— Зачем призвала? — спокойный голос духа никак не вязался с обликом, но хватало и одного голоса. В нем чувствовался опыт тысячелетий непрерывной войны.

— Мне нужна сила, — просто ответила Лира.

— На тебе мало крови. Отпусти или убью. Ты не воин.

— Разве ты не чувствуешь надвигающуюся войну? — прорычал я духу.

— Я видел эту войну, как и тысячи других, — ответил дух. — Кровь на улицах. Взрывы. Огонь. Разрываемая плоть. Сотни смертей. Неутолимый голод червей. Рев совершенного существа, властителя глубин и небес. Тихий голос поедающего души. Рокот пожаров.

— Мы будем там участвовать, — рыкнул я духу. — Будем драться и проливать кровь. Тебе этого недостаточно?

Дух замолчал. Молчал около минуты, и мертвую тишину нарушали лишь только плески падающих капель крови — бинт уже не справлялся с раной Лире.

— Я вижу вашу ярость, — наконец изрек дух. — Слышу ваши крики, слышу треск разрываемого мяса, звуки выстрелов и злобный рев приятно отдаются у меня в костях. Согласен.

Жуткий дух когтистой рукой приподнял забрало-сетку. Обнажился безгубый рот с зубами, больше похожими на ржавые кривые гвозди. Дух вцепился в собственное предплечье, вырвал оттуда кусок мяса и, вытянув раненую конечность, уронил ровно четыре капли крови в стоящую перед ним баночку.

— Это все, — изрек он. — С бóльшей моей силой ведьма не управится. Сойдет с ума. Хотелось бы, но это не последняя ее битва. Я надеюсь, ты повеселишь меня. Устрой мне зрелище, говорящая с духами.

— Я сделаю это, — твердо ответила ведьма.

Дух фыркнул и мгновенно исчез. На пол, звякнув, упал искореженный ритуальный нож. Вместе с ним на пол осела и Лира. Я тут же, на ходу втягивая чешую, метнулся к ней.

— Ты в порядке?

— Да вроде...

Девушка размотала бинт. Раны не было — на ее месте багровел уродливый, поднимающийся над кожей шрам.

— Хах, — нервно усмехнулась девушка. — Он все-таки взял максимальную плату. Моей крови ему не хватило. Ну, я и не надеялась.

— Кто это был?

— У любого боевого волшебника есть так называемый «последний довод». Сильнейшая способность, зачастую превосходящая возможности волшебника, а потому ему вредящая. Это мой последний довод. В этом, — девушка потрясла уже завинченной баночкой, — Содержится сила одного невероятно опасного духа.

— Да я понял. Что за дух?

— Спутник Великого духа Войны и крови. Дух насилия. Он из числа Единственных, так что... Плата велика. Но и его возможности... С ним я, слабая девушка, стану королевой битвы.

— Лира, ты не должна...

— Нет, Джаспер, я должна, — тряхнула головой ведьма. — Хватит мне отсиживаться за спинами. Ты, Ранф, Эдвин... Я больше не могу прятаться. Я буду сражаться наравне с вами. В конце концов, я теперь тоже член Червиевого Яблока. Ужас какой, — и Лира нервно хихикнула.

Я не знал, что сказать и как действовать. Внезапно вмешался Кот. Я наклонился, опустил к обессиленной девушке и крепко ее обнял.

Знаете, как приятно, когда хрупкие девичьи руки обнимают тебя в ответ?

Глава 21. Лира-олёненок

Мы с Лирой прибрались: стерли треугольник ритуала, убрали крошки с сушеных трав со столика, я направленным жаром высушил накапавшую на пол кровь ведьмы — только собери в совочек. Потушив свечи, мы вышли в коридор, плотно заперев за собой дверь. В сумочке Лиры звенели металлические баночки.

— Теперь осталась последняя деталь, и ритуал полностью будет завершен.

— И что требуется? — подозрительно прищурился я. — Жертвоприношение? Просто после того духа я не знаю, что может быть серьезнее.

— А почему это должно быть что-то серьезное? — легкомысленно повела плечами девушка. — Нам всего-то надо в лабораторию Гиз.

Мы действительно спустились на первый этаж и зашли в каморку, служившую Гиз местом работы. Маленькая комната была уставлена сложной, сейчас выключенной, техникой, стены увиты проводами, а на полу то тут, то там, лежали полусгнившие цветы, кусочки стеблей и жухлые листья.

Лира вытащила из угла какой-то большой белый металлический баллон и подсоединила к нему шланг с длинным и тонким носиком. Достала из сумки ловушку, вставила в малоприметное углубление носик и открутила на баллоне вентиль. Послышалось шипение воздуха. За десяток минут она зарядила все ловушки.

— Ну вот и все, — устало улыбнулась ведьма, убрав в сумку последнюю ловушку.

— И что хоть у тебя вышло?

— Это, мой милый фамильяр, аэроловушка... — она продолжила объяснять, я же на десяток секунд выпал из реальности от ее ласкового «мой милый», — И если я его использую, то временно получу силу того или иного духа.

— Покажешь?

— Ну да, скоро, — Лира достала из кармана пробирку с синеватым зельем, в котором я узнал тонизирующий эликсир. Махом заглотив недешевый препарат, девушка попросту оставила пробирку на столе волшебницы. — Теперь надо найти Ранфа.

Вермиалиста мы нашли через полчаса. Он и Артуро, уже посвежевший, пусть и еще бледноватый от кровопотери, сидели и что-то обсуждали в беседке, любуясь видом слияния рек.

— Ранф! — крикнула Лира, подходя к беседке, и приветственно помахала рукой. Не стала подслушивать, хотя мне очень хотелось услышать хоть отрывок разговора.

— Лира. Джаспер, — кивком поприветствовал нас старик.

— Спасибо за помощь, — вместо приветствия улыбнулся Артуро.

— Ранф, нам нужна помощь, — сходу приступила к делу Лира.

— И чем же?

— Мы хотим на внеочередную тренировку, — ответил уже я.

— И ты? — вермиалист приподнял бровь. Девушка только кивнула. — А цель?

— Опробовать новые силы. Надеюсь, ты немного поднатаскаешь меня в рукопашной. А то я зачет получила, ну, формально.

— Любопытно, любопытно... Обычно ведьмы не идут в рукопашную.

— Способы есть, сравнительно новые. Надо опробовать силы и понять, как их эффективнее использовать.

— Значит, рукопашная. А ты? — Взгляд красноватых глаз Ранфа уперся в меня.

— Целей несколько. Да, тоже рукопашная. Еще ускорение достижения предела Амадея и тренировки с новой гара.

— Хм. Как на заказ, — усмехнулся Артуро. Ранф стрельнул в него глазами, и тот немного смутился.

— Сольпуга, будь добр, позови Короеда. Поедем впятером.

— Но я не думаю... — лицо Артуро моментально стало очень озабоченным.

— Если уж ты, который еще вечером гулял с потрохами наружу, рвешься в бой, то, полагаю, и Короед готова. Исполнять. — отрезал Ранф.

Сольпуга склонил голову, встал и быстро пошел в сторону дома. Внезапно из кисти Ранфа вылезла ловчая особь и, вытянувшись, обвила собой запястье молодого вермиалиста.

— Сольпуга. Я знаю, что ты о ней переживаешь больше, чем о коллеге-агенте. Но ты и сам должен понимать, что удары по горячему металлу делают клинок сильнее.

Артуро вздохнул, кивнул и высвободил руку из объятий червя. Тот послушным зверьком вернулся в руку Ранфа.

Мы дождались их обоих — спустя пару минут из дома вышли двое агентов. Афина выглядела так же, как и Сольпуга: в целом неплохо, произошедшее выдавала лишь бледность и немного неуверенные движения.

— И в завершение нашего с тобой разговора. Ваш перерыв не обсуждается. Я уже вызвал Шершня, Сорокопуга, Орла и Грифа.

— Но они же были...

— На Дно их задания, — отрезал Ранф. — Сейчас нет ничего важнее Княжеств, а агентами разбрасываться не намерен. С ними будет еще Малиновка и Зореславка.

— А не рано?

— Рановато. Особенно для Зореславки. Но она мне уже плешь проела, да и ее прогресс впечатляет. Быстрее набирали силу только ты и Кукушка.

— Тогда дайте им в пару кого посильнее. Не хочу, чтобы как тогда, с Кукушкой.

— Я тоже не хочу. Оставь мелочи на меня. Сейчас идем в Приливную зону. Сами доберетесь?

— Могу кого и прихватить, — пожал плечами Сольпуга.

— Тогда бери Джаспера, и в Ортоон.

Сольпуга взял меня за плечи, подвел к тени, отбрасываемой беседкой. Я только вздохнул — никак не мог к этому привыкнуть.

Приобняв меня одной рукой, вермиалист отклонился назад, и мы упали. Точнее, должны были упасть, но снова попали в Тень. Кривое, смазанное отражение реальности, с густым воздухом, рассеянным серым светом, где тени были бездонны. Как на ракете, мы куда-то рванули. За мгновение мы миновали город, за пять тяжелых, мучительных вдохов достигли гор, за восемь ударов сердца миновали и их, и через полминуты уже вывалились из тени, отбрасываемой огромным дубом, выросшим на руинах гуррского города. Я сразу же ощутил, как мое тело против воли наполняется густой Мощью. Спустя мгновение, из этой же тени вышли и все остальные. Лира тут же села и, судя по зеленоватому цвету лица, начала бороться с тошнотой. Ну да, перемещение через тень бывает тяжелым, особенно когда в новинку.

— Всех с прибытием, — отряхнул жилетку от невидимой пыли Ранф. — Теперь по деталям. Джаспер, что конкретно нужно?

— Во-первых, гара «плавление». Надо потренировать ее. Потом хочу ускорить достижение предела, чтобы всегда использовать максимум силы. Потом можно спарринг с кем-нибудь. В идеале еще потренировать призыв.

— Понятно. Лира?

— Уф-ф-ф, ну и способы перемещения у вас, — недовольно пробурчала девушка, поднимаясь с колен. — Так. Я хотела посмотреть на новую методику ведьмовства, хотя бы немного еще потренироваться в рукопашной. Все с академии забыла уже.

— Сольпуга? — обратил внимание Ранф уже на червивых.

— Ближний бой, поиск, взаимодействие в группе. — отчитался Артуро, завязывая на затылке короткий хвостик из своих рыжих волос.

— Контактный и ближний бой в облаке, с большим количеством противников, — тихо ответила Афина, закрывая лицо своей маской из коры.

— Хорошо. Примерно понял. Тогда... Лира, покажи, пожалуйста, эту свою методику.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулась ведьма и отошла в сторонку.

Там она достала из сумки одну ловушку, глянула на наклейку и спрятала ее обратно. Заглянув в сумку в поисках нужной ловушки, она объяснилась:

— Я еще думаю над патронташем для ловушек, но я их сделала пару часов назад, так что пока ее нет. Глубоко извиняюсь... Вот она.

Она достала из сумки нужную ловушку. Благодаря своему острому зрению, я прочел на этикетке: «Дух оленя».

Лира приложила трубку раструбом ко рту, обхватила металл губами и сделала глубокий вдох. Потом быстро спрятала цилиндрик в сумку и едва успела сбросить с ног обувь.

Открытые участки ее кожи быстро начали покрываться короткой бурой шерстью, ноги с громкими хрустами вытягивались, менялись, пальцы ног сливались в копытца, а из шевелюры пробивались небольшие оленьи рожки. Кисти рук увеличились, ногти заострились. Нос Лир вытянулся далеко вперед и почернел, равно как и глаза ведьмы.

Спустя десяток секунд перед нами стояло живое воплощение слова «олень-оборотень» — человекоподобная фигура с едва угадывающимся лицом Лир. От нее даже пахло настоящим оленем. Я охренел. Да и яблочники от меня не отставали. Мы все оторопели, даже Ранф. Лично видел изумление на его лице, а я думал, его уже ничем не удивить.

— Лира, девочка моя, — осторожно начал вермиалист. — А ты... Ну... Это можно как-то вернуть обратно?

Олень-оборотень завыл, тут же резко попытался зажать себе рот руками, стукнул себя по носу, присел, зажмурился, потряс головой, встал и молча, чуть с гордостью, кивнул. Еще раз присев, Лира пальцем в пыли вывела: «Да, конечно, я могу вернуться. А вот говорить нет.»

— И каким образом это повлияет на твою боеспособность? — осторожно поинтересовался Артуро, уже надевший свою маску — смертельно спокойное лицо из красноватой глины.

Вместо ответа Лира встала в типично боксерскую стойку. Из-под маски Артуро донесся фырк, после чего вермиалист, сбрасывая с себя куртку, пошел в сторону оборотня. По полпути его остановила рука Ранфа.

— Чего? — недоуменно спросил молодой вермиалист.

— Чую подвох. Дай-ка я сам, — сказал Ранф и закатал рукава рубашки.

За пару мгновений он покрылся своей пластинчатой броней. Подумав, он выпустил из

предплечий по пять особей-штыков. Те тут же послушно обхватили его руки, превращая их в неровные булавы.

Олень-оборотень и вермиалист в живом доспехе сблизились.

Первый удар нанес Ранф — бесхитростный прямой удар в голову. Лира, несмотря на явную недостаточность подготовки, играючи уклонилась от его удара. Судя по округлившимся глазам, она и сама этого не ожидала.

Ранф молча продолжил наносить удары, разбавляя прямые простыми хуками и джебами, Лира-оленок же без видимых усилий, на голых рефлексах, уклонялась. Ранф начал наращивать темп, и уклоняться ведьме стало уже труднее.

Наконец, приобретенные инстинкты Леры сыграли против нее. Червивый выдвинул корпус вперед и нанес резкий и быстрый горизонтальный хук. Лира едва успела уклониться — отшатнулась, из-за рогов потеряла равновесие и начала заваливаться назад. Приземлилась тяжело — на задницу и локти.

И тут уже ошиблись мы с Ранфом. Оказалось, это были не инстинкты, а точный просчет. В полете на землю девушка подогнула правую ногу. Приземлившись, она получила доступ к необычайно удобному углу удара. И сразу же воспользовалась полученным преимуществом.

От нечеловечески сильного пинка Ранф отлетел на пару шагов и грузно плюхнулся на задницу, тут же обхватив грудь руками.

Мы, наблюдатели, замерли, а Лира быстро вскочила на ноги и метнулась к Ранфу. Ее лицо выдавало крайнее волнение и неловкость от чересчур сильного удара. С ее помощью Ранф встал.

— Вот потому-то, Сольпуга, я тебя и не пустил, — откашлявшись, принялся нравоучать старый вермиалист. — Если бы не Сехк, мне бы ребра переломало, и вдавило грудину в легкие. Тебе до моего чутья еще расти и расти. Лира, девочка, чудовищно мощный пинок. Молодец. Это ведь не единственный твой баллончик?

Олененок замотал головой. Черт, я только заметил, что она стала еще выше. Рост около метра восьмидесяти. Мой метр с кепкой уже ни в какие ворота...

— Желаешь попробовать что-то еще, или так потренируешься?

Подумав, ведьма-оборотень похлопала себя по груди.

— Что ж. Тогда я занимаюсь с Синицей. Сипуха и Короед — вы занимаете здание, поищите в округе подходящее. Сольпуга, дай им фору минут в двадцать, потом призови стаю каких-нибудь голодных, только не слишком опасных. Варруки пойдут, клафамы, ну, ты не маленький. Твоя задача — найти и обездвигить. Вы двое, ваша же — не дать в течение десяти минут вас поймать. Сипуха, чистым огнем не работаешь, без всполохов, струй металла, пожаров и этих твоих пуль, упор на Серпентис и плавление, раз тренировку хочешь. Короед, работаешь в облаке, саблю не вынимать.

— Но...

— Выполнять. Закончите — убьете оставшихся варага, отчитаетесь о команде соперников и партнере в двойке. Короед, хочу видеть от вас взаимодействие.

— А вы наблюдать не будете? — поинтересовался я.

— Почему это? — вскинул бровь Ранф. Из его ладони выползли три толстых белых червяка с венчиком мутно-зеленых глаз на стебельках.

Я выругался от мерзкого внешнего вида. Артуро и Афина только горько вздохнули.

Мы с Афиной, простите, Короедом, быстро нашли подходящее здание, всего в двух кварталах. Маленький трехэтажный жилой дом, увитый плющом. Крыша проломлена, из битой черепицы растут три березки. Окна выбиты, и через них плющ заполз в дом. По длинным отросткам легко было понять, до куда распространяется свет. Мы зашли через парадный вход.

Я ту же поднял отвалившуюся, разохшуюся деревянную верь и развалил ее на куски ударом чешуйчатого кулака. Обломки свалил под дверью — если что, можно поджечь.

— С Сольпугой не дрался? — тихо спросила Короед. Если бы не кошачьи уши, я бы даже не услышал ее — тихий голос и маска, глушащая звук.

— Да я с ним почти и не знаком.

— Сильный противник. Превращается в подобие вхранг-тала, здоровенный такой паук, самый сильный из обычных голодных. Зрения он лишается, но ему оно и не нужно. Он чувствует любое движение в десяти-пятнадцати метрах от себя, четыре конечности с острыми шипами, паутинные железы, плевки ядом. Волоски вхранг-тала жесткие, не все удары пройдут. Есть что-то режущее в арсенале — не используй. Бессмысленно.

— Режущего нет. Дробящее, рвущее, поджигающее, — оскалился я клыкастой пастью, демонстрируя трехсантиметровые когти.

— Хорошо. Только Отшельник урезал тебе арсенал. У тебя только один эффект, плавление.

— Ну он же не сильно тут, думаю, можно и пыхнуть пламенем.

— А ты попробуй, — едко предложила Короед.

Я пожал плечами и выпустил клуб огня. Внезапно внутренности скрутило сильной коликой, да такой, что я неосознанно сел на корточки, сильно обхватив живот руками.

— Вот же бл...ий червь, — выругался я.

— А ты думал, — усмехнулась Афина. — Я даже дотронуться до своей сабли не могу. Ранф знает, что я с ней хорошо управляюсь, поэтому и запретил пользоваться. Смотри. Сидим сейчас и ждем. Я поставлю шипы-ловушки на окна и двери. Как появится Сольпуга с выводком, пущу облако. Сможешь биться в облаке?

— Не попробую — не узнаю. Помнится, в свое время сильно ошарашило. Но с тех пор я сильно расширил свой арсенал.

— Хорошо. Он сразу пустит основную массу варага к нам. Когда заберется сам, нужно будет его ослабить. Можешь принять удар на себя. Я его спеленаю в паутину. В общем, все. Предложения? Вопросы?

— Я хотел поискать мебель. Подтащу к окнам, подожгу в случае чего. Ты что умеешь?

— Саблей махать, — отмахнулась Короед. — Ну, придется делать мрачные лезвия, шипы, щиты потренирую. Червей выпущу, дюжину видов. Ты?

— Кулаки, хвост и огонь. Зубы, может. Буду призывать всяких инфернальных обезьянок. Не пугаю? — задал я вопрос, показав толстенный хвост и оскалив клыки.

— Увидишь Шершня и почистишь портки, задай вопрос еще раз, — громко фырнула Короед и ушла вглубь дома. — Пойду мебель искать.

«Охрентельное взаимодействие» — пригорюнился я. Решил тут покрасоваться, имбецил.

Но тут же из головы вымело все мысли. Я залип в окно, точнее, на потемневшее небо.

— Тут диван есть, пара шкафов. Скелеты горят? — послышался голос Короеда из соседней комнаты.

— Афина, это по плану? — спросил я, не отрывая взгляда от окна.

— Короед. Сейчас Короед. Что «по плану»?

Девушка подошла ко мне, проследила за моим взглядом и уставилась в окно.

— Вообще-то нет, но так даже интереснее.

— А вы с ними знакомы? — осторожно поинтересовался я.

— Я не особо. Ранф точно знаком, Базиль, Шершень, в общем, вся старая гвардия. Нас е

Гнездо особо не водят.

— Какое еще Гнездо?

— Потом задашь вопросы. Готовься. С высокой вероятностью мы будем вместе с

Сольпугой отбиваться.

— То есть драка будет? — с обреченностью спросил я. Внутри вдруг резко все обрушилось — а как же Лира? Что будет с ней?

— Да. Будет. Но не та, о которой ты думаешь. О ведьме не беспокойся, оборотень.

Лучше помоги перетаскивать диван.

Я признал ее правоту, отвернулся от окна и пошел вглубь дома.

За окном, в паре километров от нас, в небесах разрывалась криком огромная стая воронья.

Глава 22. Вороньё. Часть первая

Мы быстро подтащили старые, покрытые мхом, рассыпающиеся на глазах обломки мебели к всем проемам первого этажа. На все мои вопросы о природе будущей схватки Короед лишь отмахивалась. Да и в любом случае, весь мой разум занимала одна мысль — Лира.

Даже на момент не хотелось оставлять ее в опасности. От осознания того, что она может биться с варага врукопашную, внутри меня поднималась волна злости и желания действовать.

И тут в голове промелькнула очень, ну очень умная мысль.

— Ну что, думаю, хватит? — спросила Короед. За переноской старой мебели даже дыхание не сбивала, ну и выносливость.

— Да, хватит, — оглядел я результаты работы. — Теперь я кое-куда по быстрому смотаюсь.

— Ты с ума сошел? У нас есть боевая задача!

— Наша тренировочная задача уже не катит, сама сказала.

— Когда я такое говорила?!

— Когда заметила, что Сольпуга будет с нами биться. Да не бойсь, я мигом.

Прежде, чем она успела мне ответить, я вышел на крыльцо, напрягся и сложил из пространства складку. Прыжок, развернуть складку — я уже в пятнадцати метрах от дома. Пойдет.

Начал свою тренировку. Прыжок, в полете формирую складку, приземляюсь через двадцать-тридцать метров. Разворачиваю складку. Прыжок-складка-приземление-убрать. Прыжок-складка-приземление-убрать.

Но даже такой, достаточно эффективный, метод перемещения отнимал очень много сил. Мне постоянно приходилось быть на пределе возможностей, сжигая Мощь, текущую по моим венам, ради изменения податливого, изуродованного пространства Горелых земель. Трудно представить, какое пространство возле самой Язвы...

Пока я-Джаспер скакал по заросшим, забитым мусором улицам, я-Кот интуитивно искал новое применение полученным способностям. И, неожиданно, нашел его.

Я, приземлившись после очередного прыжка, неожиданно заметил, как в пространстве слева от меня появилось нечто массивное, размером с крупную сторожевую собаку. Я обернулся.

На меня летела уродливая тварь. Вытянутое угольно-черное тело, внешне немного напоминающее крабий панцирь, восемь конечностей, заканчивающихся острыми пиками и хищно направленные в мою сторону, единственный серо-зеленый глаз на странном коленчатом стебельке. Мне хватило реакции пригнуться, пропуская над собой заточенные лапы твари.

Варага, думавшее, что застанет меня врасплох (и чуть не заставшее), неловко приземлилось мордой в кучу щебня из осыпавшейся от артиллерийского залпа стены. Мановением руки я послал в эту тварь волну плавления. Эффект был неожиданный — панцирь твари мгновенно окрасился в серый и лопнул, выпуская наружу раздувшиеся, сочащиеся кровавой сывороткой жгуты белесых мышц и какие-то органического вида трубочки.

«О, я запек эту тварь» — мелькнуло в голове.

Но мне тут же стало не до запеченных в собственном соку варага. Мне резко стало дело до кучи таких же, но еще живых варага. Выходя из неприметных щелей, выползая из-за куч кирпича, прыгивая с деревьев, меня окружило порядка двенадцати таких же тварей.

В любой другой ситуации я бы, наверное, испугался. Я, один, против дюжины варага. Но здесь и сейчас...

Внешне мое тело напоминало галгару, страшнейшего из хищников Инферно. Моим рукам и воле был подчинен огонь в сотне его проявлений, а вены гудели от напора Мощи — оранжевые шипящие капли изредка падали из пасти. В конце концов, сейчас я не мог найти себе места из-за волнения о прекрасной юной ведьме, и что мне там какие-то плотоядные иномировые креветки?

Атаковал первым. Выбрал глазами место, где их кучковалось больше всего — четыре особи под невысоким, но толстым и раскидистым деревом в восьми метрах от меня. Наведя на них свой толстый крокодилий хвост, пустил через него перенасыщенное мощью плавление широким конусом. Скорректируй чуть лучше, так убил бы насмерть, но большая часть волны испепеляющего жара прошла мимо. Нет, эффект все равно был: трава почернела и съежилась, панцири варага посерели и пошли странными пузырями, сами варага нарушили гробовое молчание и пронзительно запищали. Но я их не убил, лишь обезвредил. Убило их дерево — волна жара была такой силы, что выжгла древесину до углей до самой середины, дерево хрустнуло и начало заваливаться на них. Однако, эффект рассмотреть мне не дали.

Один из варага бросился на меня точно так же, как и его собрат до этого. Оба дебилы. С этим я поигрался — точно так же присел, пропуская не больно-то блещущую умом тварь над собой, а выставленной вверх рукой вскрывая ее от морды до задницы. По итогу в метре от меня на землю с характерным хитиновым хрустом шлепнулась выпотрошенная туша варага-креветки.

Дальше твари решили действовать умнее — пока две одновременно прыгнули на меня, еще трое ринулись ко мне по земле, неприятно шустро перебирая остро заточенными лапками.

По одной из летящих на меня тварей я дал залп жала, и та отлетела от воздушного удара (почувствовать это мне дало ощущение пространства), а другую... Мне уже давно, с десятой минуты первых экспериментов с «вагарр» была интересна одна вещь — а что, если не собирать пространство в складку, а *растянуть* его?

На короткое мгновение вытянутое тело варага стало напоминать соотношением размеров карандаш, а потом просто лопнуло, показав свой богатый внутренний мир всей округе.

Дальше мне стало не до экспериментов — бегущие варага наконец-то достигли меня, да и все остальные разом ринулись ко мне по земле. В ход пошли когти, клыки, размашистые удары хвостом и одиночные вспышки плавления. Эх, некстати мне Ранф заблокировал часть сил. Искры «гиль» сейчас были бы очень к месту...

Схватка по ощущениям заняла минуту, сколько в реальности — не знаю. Минуты три-четыре, наверное. По итогу я стоял в куче дымящихся от жара кусков тел варага, весь истыканный острыми лапами, которые с настораживающей легкостью пробивали мою броню. Однако, мы с Котом вышли победителями.

Будь сейчас обычная тренировка, я бы замер на месте и начал обдумывать свои действия — где я мог сэкономить Мощь, где я мог избежать того или иного неприятного удара...

Возможно, стоящий чуть поодаль Ранф указал бы мне на мои ошибки... Но сейчас была не тренировка.

Я вытащил из плеча клыки одного из варага, вместе с оторванной головой, вынул из икры особо глубоко ушедший обломок острой лапы, по-кошачьи отряхнулся от капель чужой, зеленоватой, и моей алой крови, подпрыгнул и снова собрал складку.

Лиру и Ранфа я обнаружил на полпути до площадки прибытия — они спешили в нашу сторону. Их вела за собой какая-то невообразимо уродливая тварь, одетая исключительно в светлые брюки. Торс существа, помимо обычных человеческих ног, был снабжен двумя парами длиннющих, многосуставчатых конечностей, венчающихся ярко-красными саблевидными лезвиями длиной с мое предплечье. Как будто этого было мало, все тело твари покрывали недлинные, толстые, темно-шафранового цвета волоски. Лишь по маске из красной глины я догадался, что это был Сольпуга. Глазные прорезы в его маске были закрыты медными монетами.

Да уж, такого кадра ни одной птицей не назвать. Разве что Птицеедом.

Потом мой взгляд привлекла Лира. Уже не олененок. Теперь это была помесь Лиры и... Черной кошки. Хотелось бы назвать ее кошкодевочкой, но как-то язык не поворачивался — измененное строение конечностей, открытые участки тела, и даже лицо, вместо кожи покрыты короткой черной шерстью, носик по-кошачьи вздернут, на макушке торчали треугольные уши с кисточками, и даже ее весело мотающийся туда-сюда хвост был покрыт шерсткой. Кот-оборотень.

Кот внутри меня аж замер. Из-за этого я потерял синергию моего сознания и ужасно активного подсознания и вывалился из складки в десяти метрах от группки.

— Др-р-р?! — странно, утробно взвизгнула Лира и одним прыжком очутилась возле меня. Она попыталась меня поднять, но не тут-то было: в форме галгара-нар у меня очень сильно росла мышечная и, подозреваю, костная масса, так что весил я под центнер.

— Джаспер? — спокойно, будто ничего не происходит, поинтересовался Ранф.

— Волновался за Лиру, — тяжело выдохнул я, вставая самостоятельно. Адреналин после схватки отпускал, так что многочисленные колотые раны, порезы и укусы сильно болели.

— Так волновался, что аж кровью истекаешь?

— Да он в одиночку перебил свору клафамов, особей пятнадцать где-то. Осталось двое, что не успели к лакомому кусочку, — ворчливо отозвался Артуро.

Ранф подошел ко мне, присел на корточки. Подчиняясь его вытянутой руке, из меня выполз тот толстый червяк с венчиком глаз. Я на пробу пустил в воздух искорку — в небо ушел оранжевый трассер. Е-е-е, силушка вернулась.

Но Ранф тут же заменил вытянутого червя червем-госпиталем.

— Сейчас занимаем место, будем отбиваться, — сухо скомандовал он мне, когда червь полностью вполз в мою брюшную полость.

— Да от кого? От Воронья? Я думал, вы заодно, ну или хотя бы не мешаете друг другу.

— Ну, это так. Мы Воронью ни разу не враги, — ответил Ранф. — Я тебе больше скажу мы с Вороньем заодно. И драться будем вместе, просто с разных сторон.

— А может кто-то адекватный и разумный уже перестать говорить загадками? — я расвирепел и неосознанно пустил всполох огня.

Ранф отвесил мне затрещину.

— Червя спалишь — будешь сам с Сехком общаться.

— Воронье — это группа вермиалистов, стражников и чистильщиков Гнезда. Это город отбросов и беглецов около Язвы, — снизошел Сольпуга. Спасибо, дружелюбный и немного уродливый сосед. — Мы встретимся с боевым крылом группы чистильщиков. Они убивают последствия прорывов Червиевого Дна в Солнце и Луны.

— Чего?

— Язва ослабляет ткань мироздания. Открываются прорывы в Червиевое Дно, причем очень большие. Из них зачастую лезет большая, сильная и очень-очень голодная орда варага. И боевое крыло группы, известной как Воронье, эту орду загоняет и истребляет, — терпеливо объяснил мне Сольпуга. — И вот сейчас мы на эту орду, или ее остатки, и нарвемся.

— А ради чего они это делают? Уж точно не из человеколюбия. — мы уже начали дальнейшее движение в сторону наших с Короедом укреплений.

— Тренируются. Всегда в форме, — на бегу ответил Ранф. — Да и потом, представь масштаб разрушений, если приграничный городок типа Асмина захлестнет орда голодных варага. Не тот едва заметный ручеек слабеньких тварей, что ты видел при прорыве, сделанным тем неумехой, а *настоящая* орда, возглавляемая десяткой Гладиаторов, а то и одним из Древней Крови. Отбив такое, все Драконьи королевства пошлют армии и весь круг Черведавов в Горелоземье, отыщут там Гнездо и уничтожат его. А это жителям не нужно. Легче записаться в боевое крыло Воронья.

— Фигас-се у них там тренировки, — выдохнул я.

— Да, довольно жесткие, — флегматично согласился Ранф. Я же в шоке воззрелся на него. Чтобы вы понимали, этот человек считает, что избивать своего ученика до потребности в скорой помощи — неотъемлемая часть обучения. — Зато у них сильнейшие бойцы в этом мире.

— Прямо сильнейшие?

— Ага. Некоторые легко победят меня.

Я просто охренел.

Когда мы забежали в дом, то далекий грей титанической стаи ворон, без прикрас, затмевавшей солнце, превратился в тысячеголосый рев, от которого не было слышно себя, не то что собеседника. Даже в доме приходилось орать, чтобы хоть как-то услышать сопартийцев.

Ранф пропустил всех вперед и вошел последним. Сразу же он обернулся и простер руку, будто бы касаясь невидимой двери. Из его руки потекла густая тьма, послушно образовавшая баррикаду в виде монолитной пластины, полностью перекрывшей проем. Закрыв проход, Ранф не остановился — плита из мрака дала зигзагообразные отростки-щупальца, пробивавшие ветхий, обветренный кирпич, укрепляя плиту и намертво закрывая проход. Покончив с дверью, Ранф быстрым шагом двинулся к ближайшему окну. Сольпуга молча пошел к другому окну, желая перекрыть все проемы до прихода орды.

Лира тут же приткнулась в уголок комнаты, зажав обеими руками уши. Ну что тут сказать, карканье тысяч ворон действовало на нервы даже мне. Я подошел к кошке-ведьмочке.

— Лира, ты в порядке? — крикнул я ей, наклоняясь и приобнимая за плечо. Здоровенная ящерица обнимает девушку-кошку, как же сюрреалистично...

Ведьмочка только остервенело замотала головой.

— Может, сменишь форму на обычную?

Лира отпустила одно ухо, вырвала из кучи мусора иссохшую дощечку, наверняка дверцу от какого-то шкафа, и острым когтем вывела:

«Шумно. Непривычно. Много инстинктов и желаний. Страшно. Стану человеком — стану бесполезной.»

Я встал и порылся в карманах. Как же удобно иметь здоровенные карманы, которые еще можно и на пуговицы застегнуть. Слава местной моде.

Из карманов я выудил револьвер и полгорсти патронов. Протянул их Лире.

— Не время бояться. Сейчас надо сражаться. Возьми это, он тебе сейчас полезнее.

Девушка кивнула, приняла револьвер и машинально начала проверять плавность хода. Из глаз тут же ушел иррациональный страх, взгляд стал осмысленным и собранным. Как мало иногда нужно человеку...

— Джаспер! — донесся до меня крик Ранфа. Я обернулся.

Старик извлекал из тела Короеда червя, давая ей всю полноту способностей. Не оборачиваясь, он крикнул:

— Сдавай «госпиталь» и бегом на крышу! Ты сейчас наша основная единица огневой мощи! Залей основную массу мелких варага огнем!

Я быстро сдал ему «госпиталь» — вместо того, чтобы терпеливо ждать, Ранф просто подхватил кончик червя длиной с палец и вытянул его из меня. Мерзейшее ощущение.

Сразу же, не откладывая, я кинулся на крышу. Пробежал первый этаж, миновал второй, пролетел третий, миновал комнату, заваленную обломками, парой ударов расширил проем между рухнувших обугленных балок до приемлемого уровня, протиснулся в него и оказался на крыше.

Старая черепица заскользила у меня под ногами, но меня трогало не это.

Солнце заслонила исполинская туча воронья. Полдень превратился в поздний вечер, и лишь изредка солнечные лучи находили себе проход между юрких, вопящих в предвкушении обильной трапезы телец ворон.

С крыши этого здания, достаточно высокого по сравнению с соседними, мне было прекрасно видно, как по улицам разрушенного города течет черное, хитиновое, щелкающее жвалами наводнение. Их было в тысячу раз больше, чем при том прорыве. За лавиной мелких варага шли твари покрупнее, навряд ли той, которую я мельком видел во время прорыва в Асмине. Только там она сразу же погибла от меткого выстрела, а тут... Тут их были десятки. А там, вдалеке, в пригороде...

На моих глазах огромное создание, похожее на многоногий раздувшийся труп мухи высотой с трехэтажный дом, схватилось единственной суставчатой лапой за сторожевую башенку и, не прикладывая особенных усилий, завалило ее. Пылевое облако еще не улеглось, когда до меня донесся отвратительный пронзительный рев такой громкости, что он запросто перебил карканье вороньего урагана.

И с этим нам надо сражаться?

Я выдохнул, собрался и пропустил через себя колоссальный объем Мощи. Все мое тело вспыхнуло темным багровым огнем — мои каналы просто не справлялись с такой нагрузкой. Усилием воли подавил сотню прорывов из мощепроводов, и воплощенная энергия Инферно потоком хлынула из моего рта, насквозь прожгла крышу и ушла куда-то во тьму внутренних помещений.

За одно усилие я достиг предела Амадея. Сколько бы я не просил, мое тело просто не

могло пропустить больше Мощи.

Часть первая. Я раскинул руки в стороны и напряг ощущение пространства на максимум. Выбрал десяток мест и пустил в них Мощь, делая точечные проколы в реальности. Повинуясь моей воле, из глубин раскаленных серных болот в наш, слишком холодный и наполненный чуждой им влагой, мир начали проскальзывать тела серных прыгунов. Разминаясь, остывая после удушливых облаков серы, десятки вечноголодных тварей, классифицированных как стихийное бедствие, пробовали на вкус запах своих врагов. Сегодня эти негодники пообедают. Если выживут.

Ну и часть вторая. Я вытянул руки в сторону подступающей волны варага, открыл пасть, и изверг самый плотный поток «гиль», на который был способен. В этот момент я мог заменить собой с десяток самых продвинутых пулеметов современности этого мира.

Битва с ордой началась.

Глава 23. Вороньё. Часть вторая

Ярко-оранжевые трассеры «гиль» сыпались из меня непрерывным потоком, даже полудюжиной потоков. Обычно я стрелял одной линией из пасти или пальца, по-позерски, но тут я сумел поддерживать четыре линии из рта и две из каждой руки.

Искры, в каком-то смысле, были даже мощнее любых пуль — перенасыщенные моим волшебством, они разрывали мелких варага в клочья. Естественно, ни о каком прицельном огне не шло и речи. Искры выбивали куски щебенки из стен, поджигали перекрытия в старых домах, заваливали целые деревья, отъевшиеся за десяток лет на изобилии дикого волшебства.

Однако, это не сильно помогало. Густой поток варага, размером от небольшой собаки до чуть больше человека, бежал в нашу сторону такой широкой волной, что я при всем желании не мог охватить их своими потоками раскаленной смерти. Те десятки, которых разрывало на части от огненного колдовства Инферно, не шли ни в какое сравнение с теми тысячами, что двигались в нашу сторону.

Мимолетно я подумал, что в крупных сражениях число моих противников постоянно растёт. Сначала это была осада нашего поместья с дюжиной налетчиков, потом прорыв в Асмине, потом была орда мохнатых дурачков-цвергов, теперь вот, многотысячная толпа варага. Страшно подумать, что ждет меня дальше.

В битве мне сильно помогали серные прыгуны. Будто подчиняясь моим желаниям, они не останавливались на убийстве одного варага и дальнейшем его поглощении. Нет, они накидывались, своей температурой запекая тварей Дна в их хитиновых панцирях, убивали их, вырывали самые вкусные, на их взгляд, части, и тут же кидались к следующему отродью. Естественно, без потерь среди прыгунов тоже не обошлось, но меня порадовал мимолетно увиденный отрывок боя.

Вот прыгун наскакивает на варага, напоминающего смесь ящерицы и таракана. Панцирь существа моментально сереет, тварь издает вопль. Прыгун вырывает глаз на стебельке, пихает его в свою ненасытную пасть, одной лапкой продавливает кусок потерявшего в прочности панциря вглубь ящерко-таракана и хочет прыгнуть на следующего, как его тут же сдирает другая тварь, которую мне даже описать сложно — просто мешанина щупальцев, усиков и когтистых лап. Бедного прыгуна запихивают в пасть и несколько раз жуют, чем обрывают его яркое, но такое короткое существование. Однако тварь вопит, роняет из пасти полупережеванный труп прыгуна, выбивается из общего потока и пытается тереть себе морду, прожжённую до внешнего скелета. Зря. Свои же сородичи втоптывают ее в землю. Радостно.

Даже своей смертью прыгуны умудряются приносить немало пользы.

Я тут же прекращаю поток «гиль» и снова на полную разворачиваю чувство пространства. Открываю по всей округе десятки проколов, выпуская все новых и новых прыгунов.

Давлю мысль, что не время экспериментировать. Самое что ни на есть время.

Открываю прокол покрупнее. Иррациональным чувством и невероятным усилием вытаскиваю из речных пойм Инферно лавового оловоеда — ту самую тварь, на которую охотились Гальза с товарищем. Из оненного вихря вылезает здоровенная, многотонная, приземистая туша с широким плоским хвостом и такой броней на теле, что любой танк

обзавидуется. Удачи вам ее сожрать, утырки.

Утырки тут же пытаются — на оловоеда накидывается очередной выползень из Дна, чем-то напоминающий насекомую гиену, если можно так сказать. Пара укусов по панцирю, и отродье тут же задумывается о жизни — действительно, как жить хищнику, если у тебя остались лишь коренные зубы? Проблему решает пострадавшая сторона. Оловоед неожиданно резво для существа его габаритов встряхивается, скидывает гиеноподобного монстра с тела. Тот удачно, ну или неудачно, с какой стороны посмотреть, падает оловоеду под ноги. Голова твари тут же сравнивается плоскостью с землей — просто оловоед неудачно повернулся. Хотя, наверняка он так и замышлял.

Я на пробу выпускаю еще пару оловоедов — пусть сдерживают наступление мелкашни. Я пока буду заниматься более масштабными вещами. Как раз хотел опробовать странноватый, но любопытный способ использования взрывов. Гальза давненько рассказал, но вот все как-то подходящего случая не было.

Я сформировал в руках уже привычный пузырек, в который начал нагнетать Мощь Инферно. Обычно это ничем хорошим не заканчивается — просто мощный взрыв прямо у тебя в руках. Неудачливого волшебника можно будет соскрести со стен и отправить домой письмом. Но в моем случае была хитрость.

Я сделал плотный-полный пузырь размером с яблоко. Необычное и очень-очень классное чувство — держать в руках самый настоящий фэйрбол. Упругий, обжигающе горячий шарик, который словно бы состоял из жидкого огня. Потряси — и увидишь всполохи. Но я трясти не стал, времени не было, и так как дурачок прокатил его из руки в руку.

Дальше я сделал искорку «гиль». Очень необычную искорку, отнимавшую у меня чертову прорву сил. Искорку, стоящую на месте. Такая висящая в воздухе светящаяся палочка длиной в ладонь и толщиной с большой палец. А потом я прицепил шарик к искорке, подхватил импровизированный дротик с толстым хвостиком и метнул его во врагов. Потом я заматерился, потому что меня, со всей устойчивостью к жару и с чешуей на пальцах, обожгло до кровавых пузырей. А потом мне стало не до мата.

Дротик долетел до врагов. Он пролетел буквально сотню метров, после чего нырнул в темное окошко одного здания. Я видел, как в него заползала здоровенная группа варага, так что это было очень удачно. А потом дротик рванул.

Здание на мгновение исчезло в здоровенной ярко-багровой огненной вспышке. Огонь взметнулся до неба, расходясь в воздухе небольшим грибом. И тут же из огня вылетели здоровенные куски стен и перекрытий. Я попросту взорвал здание ко всем чертям. Ожидал меньшего. Помимо сотни или полутора погибших во взрыве варага разлетевшиеся во все стороны обломки здания начали приземляться на орду.

К сожалению, я не рассчитал две вещи. Первое, я не подумал про взрывную волну, а потому не увидел и не услышал приземления кусков стен. Ударной волной меня сбilo с ног и прокатило по крыше. Используя всю ловкость Кота, я сумел уцепиться за конек крыши и подтянуться обратно, тут же заняв боевую позицию.

Второе, намного более критичное. Я не подумал про шум и спецэффекты, когда делал фэйрбол (хотя я бы назвал это бабах-яблочком). Когда я вновь встал на позицию, то увидел, что все большие твари, включая того раздутого мушиного короля, двигаются в нашу сторону. Прокол, и солидный.

А что еще обиднее, так то, что оказалось, что этот способ чертовски выматывает.

Делать сам шарик из чистой энергии взрыва несложно, хоть и занимает секунд пятнадцать, но вот заставить искорку застыть в воздухе — вот это колоссальная трата сил. Оценив те клубы пара, которые спешно покидали мое тело через щели в чешуйчатой броне (а это моя вода, мать-перемать), я решил больше не прибегать к такому способу.

Ну а раз я уже привлек внимание местных титанов, то и скрываться более нечего. Взрывы были очень эффективны против больших скоплений противника, так что я просто снова раскинул свое чувство пространства и начал то тут, то там накапливать энергию взрывов. Как раз угольно-черная волна подошла до ужаса близко к нашим укреплениям.

Мое внимание привлекло движение точно вниз, около выхода. Не переставая поддерживать накопление двадцати шести взрывов, я переклонился через край и посмотрел вниз.

Из окон второго этажа на землю ловко приземлялись какие-то сильные твари, призванные или Артуро, или Ранфом. Строение тела они имели весьма странное — здоровенный гориллоподобный торс, увенчанный плоской головой без глаз на стебельках, и восемь пар конечностей. Первая пара лап росла из спины, изгибалась вперед и оканчивалась не кистями, а какими-то раздутыми соплами, из которых на землю капала неярко светящаяся жидкость. Вторая пара лап представляла собой растолстевшие, покрытые щитками шипастой брони конечности, заканчивавшиеся четырьмя плоскими недлинными когтями. Такие органические щиты, удобно перекрывавшие путь противнику. Третья и четвертая были просто опорными ногами — такими же короткими и толстыми. Таких тварей я еще не видел, и впечатление эти массивные махины производили самое благоприятное. По сравнению с ордой, они выглядели как солдаты регулярной армии против большого количества обезумевших от голода животных.

Одна проблема. Их десять. А животных тысячи.

Тем временем поток варага захлестнул здания соседнего квартала и я, недолго думая, подорвал свои заряды. Накапливал я их не более шести-семи секунд, но и бабах-яблочек мне больше пока не надо.

Серия одновременно грохнувших взрывов раскидала по сторонам щебенку, комья земли, изломанные тела варага и молодые деревца. Не время думать о природе, в Горелых землях и так с ней все в порядке.

Пока я нагнетал новые взрывы, из окон нашего здания выплыло порядка десятка красных светящихся шариков. Наверное, духи. Они проплыли по воздуху и замерли в середине улицы, словно оцепив наше укрепление. И долго им ждать не пришлось.

Из зарослей на месте обрушившегося дома вылез первый варага, достигший нашего укрепления. Грязный, помятый, без одной лапы, похожий немного на пришельца из «Звездного десанта». Только если немного. Он попытался перебежать улицу. Когда он пробегал под духом, его резко вздернуло в воздух и... И словно бы поместило в громадную мясорубку. На землю хлынула белая кровь, и спустя пару секунд на землю шлепнулся ком перекрученного сизого фарша. Меня чуть не вырвало от столь жестокой расправы.

Будь со мной моя записная книжка, я бы записал там «Не злить ведьм. НИКОГДА не злить ведьм». А потом мне стало не до каких-то там записных книжек.

Варага, несмотря на еще одну серию взрывов, достигли нашей улицы. Нам сильно повезло, что не вся их масса шла на нас — я видел, как нас обходят далеко с флангов. Видимо, целью варага было просто бежать как можно дальше от Язвы, в сторону обитаемых земель. Что ж, скатертью дорога, салфетками эскалатор. Нам и без вас есть чем заняться.

Я просто снова открыл краник с искрами на полную и начал засыпать выбегающих из зарослей, закоулков и окон домов варага. Каждую секунду очередная тварь становилась жертвой лириных духов, не знающих жалости. Удивительно, но они еще и умудрялись оттягивать часть врагов на себя — перед кучами фарша было не протолкнуться. Наверняка, варага думали, что не стоит пропадать кучам такого родного и легкоусваиваемого протеина. Наверное, духи думали так же.

Те, кто миновал и духов, и искры, натыкались на тварей-солдат. Те меланхолично стояли на месте, ожидая удара. Наконец, вал из лапок, когтей и зубов достиг их. Солдаты спокойно приняли первый удар на щиты, не сдвинувшись ни на сантиметр, после чего случилось две вещи. Первая: их конечности-раструбы активировались, выплеснув из себя струю светящейся вязкой жидкости. Попадая на бушующих мелких варага, они начисто прожигала их тела. Воздух наполнился нестерпимым визгом тварей, умиравших от кислоты.

Вторым сюрпризом была стая из порядка пятидесяти крупных юрких птиц, вылетевших из окон второго этажа. Эти пташки с четырьмя крыльями, венчиком глаз на стебельках и непропорционально длинными клювами начали барражировать над беснующейся ордой. Одна из них резко нырнула вниз, и через секунду взмыла в воздух с насаженным на клюв варагой. Помотав его в воздухе, птица просто сбросила труп вниз, в орду. Я заметил, что при этом ни капли крови из противника не выпало. Птички-вампиры, охренеть можно.

Потом мне стало не до рассматривания наших укреплений. Я двумя руками сеял яркую, искристую смерть, просто вода потоками гиль по толпе. Головой же я думал, куда лучше сделать пару-другую взрывов. Один раз я отвлекся на то, чтобы призвать еще больше серных прыгунов, но пришлось отказаться от этой затеи — птицы вермиалистов почему-то выбирали их поджарые оранжевые тела приоритетными целями, так что с прыгунами нам резко стало не по пути.

Однако, все шло не так уж и хорошо, как можно было подумать. На моих глазах одного из наших солдат достали. Какая-то крупная тварь зацепила его лапы-щитки хвостом с крючком на конце (и как их биология вообще до такого дошла?), вытянул его в орду и там, со спины, солдата попросту разобрали на ценные и очень питательные конечности.

Отсюда, с близкого расстояния, было видно, что ордой варага двигал исключительно голод. Дикий, ужасающий, нечеловеческий голод. Твари ослабляли и самих себя — раненых, да и просто слабых на вид тварей прямо в мясорубке битвы свои же разрывали на куски, глотая целые конечности, слизывая кровь с почвы.

Наконец, в дело вступила и огневая мощь самих вермиалистов. Чего-то они припозднились.

Из окон здания начали пулеметной очередью вылетать длинные шипы из мрака. И пусть каждый шип создавался около секунды, но когда это делают с двух рук три вермиалиста, то поток получается впечатляющий.

Сами шипы были длиной с руку, так что они пришиливали тварей Дна к земле, и на несчастных тут же набрасывались их собратья, отвлекаясь от конечной цели — нас.

Внезапно, осматривая окрестности на предмет скопления варага побольше, я заметил две нехорошие новости. Первая заключалась в том, что в небе над пригородом появились летающие цели — странные фигуры, носившиеся кругами на выхлопе из густого дыма. Как будто кто-то оседлал ракету. Впрочем, к нам они не торопились, и сбить их можно и попозже.

Вторая, куда более худшая, заключалась в большой такой проблеме. И эта проблема

сейчас выползала из зарослей, давя столбopodobными конечностями мелких варага. Здоровенная широкая хрень, напоминавшего перекачанного краба на стероидах, под амфетаминами, на крупных слоновьих ногах. Шесть штук.

Эволюция, какого хрена?

Обиднее всего было то, что из пасти этой твари торчал хвост оловоеда. Эта хрень на ножках умудрилась сожрать нашего танка. Тварь.

Потратив еще мгновение на оценку горизонта, мне захотелось немножечко заплакать — к нам двигались еще три похожих титана.

И что с тобой прикажешь делать?

Словно бы услышав, тварь вскинула утопленную в корпус морду и громогласно заревела. Хвост бедного оловоеда выпал из ее пасти и, кажется, насмерть придавил двух варага. Хотя кто их там считает?

«Что ж, накормим,» — подумал я. — «Играем по крупному.»

В руке начало наливаться огнем подарочное яблоко. Надеюсь, слонокрабик любит фрукты. Иначе у нас у всех большие проблемы.

Глава 24. Вороньё. Часть третья

С первым титаном получилось не просто, а очень просто. Мне в голову пришла очень тупая идея — раз они такие голодные, их надо накормить.

Я собрал пространство в складочку и подхватил труп какого-то мертвого тараканоподобного варага размером с хорошего дога. Минус этого способа был в том, что ко мне пролез его товарищ, точно такой же, но живой. Хорошо, что его панцирь не отличался крепостью, так что ему хватило и одного удара когтями по морде. Издав писк, тварь умерла, даже ничего не успев сделать.

Я, четко контролируя напряжение в стенках вкусного огненного яблочка, запихнул последнее в труп варага и, собрав еще одну складку, просто отпустил труп — чуть выше морды слонокраба. Тот, как и ожидалось, проявил чудеса ловкости и попросту перехватил вкусняшку в полете. Решил прожевать.

О чем я сразу же порадовался, так это о том, что яблочко по размерам тянуло на антоновку — немногим больше грецкого ореха. Тем не менее, взрывной волной меня очень ощутимо потрянуло.

Когда я собрал глаза в кучу, то узрел прекрасное зрелище. Что называется, выбил критический удар. Колоссальный противник с развороченной в хлам мордой заваливался на один из основных путей притока варага, точно на промежуток между зданиями. Сначала он просто покосился, а потом его туша быстро ринулась к земле. Приземление спровоцировало небольшой толчок земли, обрушило ближайший двухэтажный дом и передавило с дюжины мелких отродий Дна. Кроме того, как приятный бонус, еще примерно столько же потеряли любое желание бежать на смерть, вместо этого решив насладиться такой горой ценного протеина. Недолго думая, я создал на панцире павшего слонокраба с десятков взрывов и, продержав их едва ли пару секунд, подорвал, чем еще сильнее сократил популяцию мелочи.

Без одного пути притока стало чуть полегче, но долго мы держаться все равно были не в состоянии. Мелкие твари неожиданно споро разбирали наших варага-солдат, и не спасает даже подкрепление в виде еще двух таких же тварей.

Тут мне пришлось узнать, что не везде и всюду решает размер тела.

Пробив собой стену небольшого домика и спровоцировав его обрушение, на арену боевых действий выскочила новая тварь. Она напоминала разбухшего темно-серого червя размером всего-то с микроавтобус, на сотне мелких ножек. Вместо морды у твари была костяная маска — вытянутое овальное лицо без рта, зато с шестью глазами. Похожая, только чуть меньше по размерам, была у Ранфа.

В это время средний размер тварей Дна увеличился, так что новый пришелец не выглядел чем-то сильно выбивающимся из общего ряда. Предыдущий великан мог спокойно общипать цветы, росшие на балконах второго этажа, а этот червь не дотягивался ему даже до колен. И вообще, у него ни пасти, ни клыков, ни когтей, лишь панцирь тускло блестел в редких солнечных лучах, добравшихся до нас сквозь тучу ворон. Чем он может всех нас удивить?

Оказалось, может.

Пара варага покрупнее думали сходным со мной образом, и поступили не как насекомые, а как крысы — бросились на своего пухлого беззащитного товарища.

Маска червя неожиданно разошлась надвое, и, словно чертик из табакерки, оттуда выпрыгнуло нечто. Оно имело вполне человеческий торс, клыкастую морду с лицом, будто бы искаженным яростью, и было снабжено шестью руками, оканчивающимися костяными лезвиями. Нижними конечностями твари служил то самый червь, отчего варага казался пародией на кентавров.

Варага-кентавр не стал ждать нападения предателей. Пара смазанных от скорости движений, и несколько ближайших тварей оказались ровно нарезаны на куски.

Я оказался впечатлен скоростью и сноровкой твари. Моя форма галгара-нар обостряла восприятие, так что я мог заметить, что тварь не просто махала лезвиями из стороны в сторону, а воспроизвела нечто, напоминавшее простенькое фехтование. Полагаю, дай ему достаточно времени, и он бы не разрезал напавших на него варага на куски, а показал мастер-класс по сашими.

Однако, с этим чудом надо было что-то делать. В принципе, можно было бы спуститься и попробовать свои силы в чистой рукопашной схватке, но что-то мне подсказывало, что победителем я не выйду.

Хотя, зачем думать и экспериментировать, когда есть надежный, проверенный метод? Ведь что я сделал, когда встретился с грозным противником намного сильнее меня?

Поэтому я снова собрал пространство в складку, напряг горло, и изверг струю раскаленного, почти белого металла примерно с высоты третьего этажа на этого здоровяка.

И тут я был неприятно удивлен. Торс шестирукого варага наклонился параллельно земле, и он просто перекатился в сторону. Нет, задавил трех мелких, за это спасибо, но вся эта порция чудесного жидкого металла предназначалась тебе. Я, конечно, задел его, но лишь немного.

Однако, собственный обожженный и сереющий панцирь шестирукому пришелся не по душе. Покрутив головой, он нашел меня. Произошел зрительный контакт. И как я не был силен и крепок морально, я поймал себя на том, что рефлекторно сделал шаг назад. В черных глазах-шариках варага мне удалось прочесть неопишуемый голод, жажду убивать и, что самое страшное, полное безумие. Уж не знаю, почему, но все эти варага были абсолютно сумасшедшими.

Определившись с целью, шестирукий стал двигаться ко мне, скупыми взмахами лезвий шинкуя всех своих сородичей, которым не посчастливилось оказаться у него на пути.

Тогда покажу еще один козырь. Один из последних, к сожалению. Мы с Ранфом все тренировали мой прием в виде сочетания шарика инферно-ртути и взрыва, который я, особо не мудрствуя, назвал «пистолет». В ходе тренировок я переборщил с силой и потерял самоконтроль, поэтому мне удалось модифицировать «пистолет» в «пушку». Были неприятные побочные эффекты, но побочный эффект в виде близкого столкновения с тем, кто, не глядя, рубит помехи на части, мне нравился куда меньше.

Поэтому я собрал руки лодочкой, и выдавил через мощепроводы целую горсть тяжелой и плотной инферно-ртути. Взяв эту каплю в руки, я соединил запястья и направил ствол получившегося орудия точно в тело шестирукого. Три секунды нагнетания взрыва, последняя проверка плотности стенок уплощенного пузырька, и подрыв.

Из моих ладоней извергся дым и багровый огонь, а не потерявшая плотность капля со свистом ринулась в сторону варага.

Все пошло чуть-чуть не так, как я ожидал. Я думал, что шестирукий не будет уворачиваться, и его порвет на куски моим импровизированным пушечным выстрелом.

Однако, он оказался намного тупее. Или, может, что-то вскружило ему голову? Потерял остатки самообладания из-за ярости или боли? Теперь не узнать.

Шестирукий совершенно точно заметил летящий к нему снаряд, слишком уж эта тварь была быстрой. Но вместо уворота он выставил вперед три лезвия, намереваясь разрубить летящий снаряд на части. И что характерно, у него получилось.

Рефлекторно я прогрел глаза и мозг, что и позволило мне рассмотреть случившееся. Когда ядро из жидкого металла оказалось в зоне его поражения, шестирукий варага сделал с десяток взмахов лезвиями, настолько быстрых, что даже с субъективно замедленным временем я не сумел их рассмотреть. Варага действительно удалось разрубить ядро на дюжину кусочков поменьше.

Однако кусочки тут же собрались в шарики. Ведь, невзирая на свою плотность, это все же была ртуть. Получившаяся шрапнель разорвала торс шестирукого на куски и проделала здоровенную дыру в его червивой части. На труп незамедлительно набросились другие варага.

Я же по-быстрому порадовался победе, встряхнул руки, до плеч болящие из-за отдачи от взрыва, и продолжил поливать мелких тварей искрами из всех «стволов», ослабляя нагрузку на метающих иглы вермиалистов. Главное сейчас — абстрагироваться от сожженных до мяса ладоней.

Это продолжалось около минуты, как вдруг откуда ни возьмись вылетела птичка, сделанная из мрака. Выглядела она как черная движущаяся прореха на теле реальности. Птичка сделала круг около крыши, локализовала меня и, спикировав, врезалась мне в лоб. Все произошло так быстро, что я не успел среагировать.

Столкновения я не почувствовал, однако в моих ушах послышался раздраженный голос Ранфа:

«Ты там в глаза долбишься? Они обходят сзади, залезли на второй и третий этажи. На третьем колдует Лира, защити ее!»

Я сам не понял как, но уже в следующий миг я был около пролома вниз. В полутьме третьего этажа мелькала черная шерсть Лир-оборотня и блестящий черный хитин варага. И меня захлестнуло.

Метнуться вниз. Времени на лестницу нет. Прыжок-приземление. Оценка.

Лира около окон успешно отбивается от сразу двух варага. Двое залезли в комнату, головы и лапы еще троих торчат из проемов. Действительно обошли.

Послал по дюжине искр в тех, кто собирается влезть. Это их как минимум отвлечет.

Прыжок через складку на спину одному варага. Хватаюсь руками на передние лапы-лезвия, отрываю, вгоняю ему же в голову. Полуоборот направо — второй нацелился прыгнуть на девушку. Хвостом нацеливаю Мощь, искривляю пространство, на мгновение варага становится до двухмерности плоским, а потом он ровным слоем покрывает собой пол.

Вытаскиваю лезвия из головы полумертвого, нет времени дожидаться конца его трепыханий. Метаю лезвие в того, кто задумал броситься на девушку со спины. Та с размаха когтями полосует растерявшегося от такого напора варага. Плохо, забыла о втором. Натаскаю позже.

Лезвие всаживается в защищенную хитином грудь. Недостаточно для смерти. Варага кидается на меня как более опасную цель.

Выставил вперед лапы с длинными когтями. Плохо. Отражаю один оставшимся лезвием, вторую лапу просто ловлю. Падаем на пол, я на спине, он сверху. Второе

оторванное лезвие выпадает из руки. Всаживает мне в бок одну лапу. Инстинкты работают против меня. Чем мне его бить? Ответ от Кота приходит тут же.

Я смыкаю челюсти на его небольшой головушке. Чувствую, как он кусает меня за язык. Не стоит соревноваться в укусах с галгарой.

Движением челюстей я ломаю ему череп, чувствуя, как в рот потекла его вонючая кровь. Движением шеи напрочь отрываю его голову и сплевываю в сторону. Сбрасываю конвульсирующий труп с себя и встаю.

Варага напротив Лиры ослеп — меткими ударами ведьма вырвала ему глаза. Глаза на стебельках — плохое подспорье в драках с котами. Можно не переживать.

В комнате еще трое. Один крупный.

В прыжке делаю складку. Приземляюсь подошвой сапога на голову низкого варага, голова лопается, осколок хитина входит в подошву. Зря я это сделал.

Тут же в бедро втыкается шип, выпущенный откуда-то одной из тварей. Делаю складку. Рискую.

Враг в пяти шагах. Не сходя с места, хватаю его рукой за голову. Он не успевает убрать ее. Всаживаю в твердый хитин когти, напрягаю мышцы руки, плеч и спины. Отрываю голову.

Складку не убрал. Зря. В руку впились жвалами. Четвертый варага. Новый. Не заметил Плохо.

Убираю складку. Варага подтягивает ко мне. Пинаю коленом туда, где должно находиться горло. Противник отпускает меня. Взмах рукой, и на одну оторванную голову больше.

Как-то им легко головы отрывать.

В окно лезет еще один. Волна жара. Варага пищит, его панцирь лопаются, и сварившийся враг падает обратно. Вместо него впрыгивает еще один.

Большой, сильный, мощный. Похож на ослабленную версию наших варага-солдат — такие же лапы-щитки, массивное тело, крошечная голова, будто состоящая из одних глаз.

С наскока бью его прямым в щиток. Не сломался — словно ударил в стену. Щитки чуть расходятся, из-за них появляются тонкие, но ужасно сильные руки. Хватают меня за туловище, сдавливают. Шипы на ребре предплечий рвут мне кожу на ребрах, я чувствую, как они царапают кости.

Тварь толкает меня. Упираюсь ногами — никак. Хвост скользит. Не могу остановить. Осколок хитина входит глубже в ногу. Даю импульс Мощи в ноги — сапоги разрывают новенькие когти. А тварь толкает.

Двигаемся. Я оставляю борозды на древнем паркете. Тварь выдавливает меня к окну. Не могу вырваться — руки твари тонкие, но ужасно прочные, мои когти могут только царапать хитин.

Совершаю жуткое усилие и разворачиваю варага спиной к окну. Он откидывается назад. Меня тянет в окно вслед за ним.

Оборачиваюсь. Лира сражается с тремя варага, еще двое лезут в окно. Ведьма уже достала револьвер. За две секунды взрываю головы всем пяти варага. Мощная тварь наконец переваливается, меня утягивает за ней. Падаем.

Не стоит спорить с котом в падениях. Даже с форой я сделаю вас как стоячих. Сила тяжести отдаляет нас, его руки напрягаются, но у меня появилось место для маневра. Просаживаю ему два прямых в морду, он отпускает меня. Перекручиваюсь в воздухе, хватаюсь за его щитки.

Я тяжело приземляюсь на ноги, от отдачи сажусь на задницу. Болит все. Варага с моей помощью и с хрустом приземляется головой на бордюр. Не встает — мертвая туша валится набок.

Меня быстро окружают варага. Слишком много.

Пускаю волны жара. Все вокруг меня лопается, заливают вареной кровью окрестности, заваливают дымящимся сизым мясом. Несколько прыгает на меня. Пригибаюсь, ухожу в сторону от их когтей и лезвий.

Не хватает инстинктов. Отдаю все Коту.

Кручусь, прыгаю. Рву, отрываю, откусываю. Страдаю от ран — в животе шип, плечо разодрано чьими-то жвалами, в хвост вцепился варага размером с кота. Верчусь, уворачиваюсь от ударов, кусаю в ответ на укус, рву в ответ на удар.

В спину входит лезвие. От боли все проясняется, и я заливаю округу огнем. Вороний грай перебивают вопли сжигаемых заживо варага.

Огонь рассеивается. Передо мной стоит очередная сильная тварь. Волк с чертами змеи, размером с корову. Широкая пасть скалится на меня, слюна капает на землю, когти дробят камни брусчатки.

Ослаб. Много крови потеряно. Легкое пробито, харкаю кровью. Бой будет трудный. Я рычу как зверь. Им и являюсь.

Я убью его, пожру его мясо и выпью кровь. Не кот и не человек, я галгара, мне нет равных под Солнцем и Лунами.

Кто-то приземляется между нами. Человек в кожаном комбинезоне. Длинноствольная винтовка с револьверным барабаном. Никогда не видел таких.

Он спиной ко мне, лицом к великану. Друг или враг?

Из спины человека растут крылья. Угольно-черный скелет, украшенный редкими длинными перьями. Длиннее двух лежащих людей. Огромные крылья мертвой вороны. Кромка перьев блестит на солнце.

Волк-варага пригибается, хочет броситься. Не успеет. Крылья человека выворачиваются, перья-лезвия блестят зубами титана.

Резкий удар. Лезвия входят в тело волка. Он не успевает среагировать. Как бабочка на подложку, от головы до кончика змеиного хвоста насажен на костяные перья.

Человек вынимает страшное оружие. Белая кровь хлещет фонтаном во все стороны.

Сотни варага бросаются на человека. Он не уворачивается, стоит, сложив руки на груди, лишь гнется от движения своих крыльев. Его оружие — и щит, и десятки мечей. Крылья рвут мелких варага, не оставляя им шанса. Редкие прыгающие твари не долетают до него — гнущиеся перья встречают их брюшки, груди и головы. Пара секунд, и все крылья украшены корчащимися на перьях варага. Взмах — и десятки трупов разлетаются в стороны.

Воздух наполняется выстрелами. В небе летают десятки людей, из подошв их сапогов вырываются клубы жирного черного дыма. В руках винтовки. Пули без промаха сражают варага, не делая различий между мелочью и великанами.

Человек с крыльями подходит ко мне.

— ...шь?

— Что? — рычу я. В ушах шумит, не хватает крови.

— Слышишь меня?

— А. Да, слышу. Понимаю.

— Что ты такое?

Человек спокоен. Породистое красивое лицо. Черные длинные волосы. Один глаз синий, другой зеленый, как бутылочное стекло. С антрацитовых крыльев стекает белая кровь.

— Я оборотень. Джаспер.

— Приятно познакомиться, Джаспер. Я Корвус. Ты тут один?

— Нет. Ранф, Артуро, Лира... Лира. ЛИРА!

Я разворачиваюсь и делаю прыжок. Выше первого этажа. Всаживая когти в древние стены, карабкаюсь. Второй, третий. Вваливаюсь в окно.

Лира тяжело дышит. Черной шерсти не видно за белой и красной кровью. Сидит, привалившись к стене. В руке дымится револьвер. Вокруг все залито ихором и завалено трупами, на стенах пляшут тени духов. Я выдыхаю.

И замечаю, что вороний грай исчез. Оборачиваюсь к окну.

Ничего не мешает солнцу освещать поле, не боя, но истребления. Вокруг лежат груды разорванных тел. Ближайшие здания обрушены. Где-то что-то горит, наполняя воздух треском и запахом гари.

Черный шевелящийся ковер покрывает все вокруг. Воронье приступает к трапезе.

Глава 25. Темные перспективы

— Напомните-ка мне, Ранф, — зло прошипел я, вытаскивая из ноги уже третий шип, выпущенный каким-то варагой. Моя чешуя шелестела о камни — сбрасывалась. — Почему мы просто не могли убежать сквозь тень?

— Во-первых, это была хорошая тренировка, — невозмутимо отозвался совершенно невредимый крыс. — Все было под допустимым уровнем контроля, никто кроме тебя серьезно не пострадал. На Лире с десятков мелких царапин, на агентах и того меньше. Тем не менее, наверняка ты лучше освоил свои техники. Во-вторых, не все так просто, юный Джаспер. Мы не можем так легко и просто использовать перемещения через тень. Это отражение реальности и Дна одновременно, сложно объяснить. Суть в том, что своими перемещениями мы приманиваем хищников теней, так что лучше использовать такие прыжки пореже. Но смею тебя заверить, если бы мне хотя бы показалось, что ситуация выходит из-под контроля, то мы бы вмиг унеслись прочь.

— Верю. Только вот шипов из меня это не уберет, — сварливо отозвался я.

— Ранф, мне тоже кажется, что ты несколько переборщил с методами тренировок, — поморщился Корвус.

Как оказалось, Ранф и Корвус были знакомы. Пока подчинённые волшебника-ворона летали по городу и отстреливали из своих монструозных винтовок остатки варага, двое немолодых вермиалистов раскланивались и обменивались любезностями. Если закрыть глаза и напрячь воображение, то можно было представить, что ты на балу, а не на поле битвы, которое было плохо видно из-за толстой шевелящейся корочки из ворон.

Очевидно, что вся эта миллионная стая ворон летала за выбросами Дна и, когда Воронье их останавливало, кормилось результатами их действий. Получался такой жутковатый симбиоз.

— Мои методы обучения — это мои методы, — отрезал Ранф.

— Строго говоря, я действительно научился многому за этот бой, — проворчал я. — Только чего-то дороговато вышло.

Ранф взглянул на меня, приподняв бровь. Повинуясь переменам его настроения, червь-госпиталь внутри меня как-то неприятно пошевелился. Меня замутило.

— Опять всех госпиталями снабдил? — улыбнулся Корвус.

— И?

— Приятно знать, что что-то в этом мире неизменно. Уже проголодался? — обратился глава Воронья ко мне.

Я кивнул. Да, несмотря на тошноту, я был зверски голоден. Червь-госпиталь все же залечивал раны не за свой счёт, а используя запасы моих питательных веществ. Не удивлюсь, если на пару килограммов похудел.

— Айтан! — позвал кого-то Корвус. Кто-то издали неразборчиво отозвался. — Скоро там?

— Уже несую первую партию!

Из дома, пошатываясь от кровопотери, выбралась Лира. Уже человек. От прошедшего боя она уже почти оправилась, не считая подрванной одежды и общей бледности.

Удивительно, но ей это состояние даже в какой-то мере шло. Сразу хотелось обнять, успокоить, накормить, а потом порвать того, кто это сделал. И хоть я и порвал часть из них,

легче мне не становилось.

Из-за угла дома к нам быстрым шагом выдвинулся короткостриженный хмурый парень, в форменном черном комбезе Воронья. В руках он сжимал три веточки с нанизанным на них...

Тут меня затошнило снова, и куда сильнее. Мясо на импровизированных шашлыках было сизым.

— Брэ-эбх, — издала Лира странный звук. Я был с ней солидарен.

Хмурый парень подошёл ко мне и протянул мне одну веточку. Мясо варага ещё шипело.

— Бери, ешь.

— А можно не надо?

— Бери, — твердо сказал он и сунул мне ветку в руки. — Не отравишься. Кроме того, съесть своего противника после боя считается почетным у всех цивилизации разумных, кроме людей. Чем мы хуже?

Я посмотрел на шашлык. Шашлык мутным взглядом посмотрел на меня. Повара драные, могли хотя бы глазки выковырять.

Я прислушался к себе. Желудок был готов завязать себя в узел, лишь бы я это не ел. Но, что удивительно, Кот был не против. Наоборот, он требовал, чтобы я принялся. Я и принялся.

Белесым ихором варага шашлык не пах. Он пах перцем и хорошо пропеченным мясом.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. На меня расширенными от ужаса глазами смотрела Лира.

— Джаспер... Я не понимаю. Это же мерзко. Почему так вкусно пахнет?

— Да я и сам в шоке, — честно ответил я и ещё раз попытался переглядеть шашлык.

Не, ну а что, я тут вообще-то на правах перерожденца. Не думаю, что кому-то в моем мире предлагали шашлык из иномировой креветки. Ну, или на что там конкретно эта дрянь была похожа.

Я набрал воздух в лёгкие и зубами снял самый маленький, верхний кусочек шашлыка. Прожевал.

Структура мяса была очень странной. В мышечной ткани были тонкие перегородочки из хитина, которые, должен признать, прикольно похрустывали на зубах. Прожевав и проглотив первый кусок, я с удивлением отметил богатый креветочный вкус, отлично оттеняемый сладковатым перцем, оставляющим легкое ощущение тепла во рту.

— Анди Айтан, мое почтение, — приподнял я невидимую шляпу. Хмурый парень немного подобрел.

— Немного перца всегда с собой ношу. Никогда не знаешь, когда пригодится. Только тут очень нужна черная соль, без нее ничего не получится.

— Какая еще соль?

Айтан отдал последний импровизированный шампур Ранфу, подошел ко мне и протянул кожаный мешочек, который снял с пояса. Внутри оказался мелкий черный порошок. Взяв щепотку и растерев, я заметил кристаллики соли, тоже черные.

— Нужно добавить особый уголь, его солнечники делают. Помогает справляться с разными токсинами. С большей частью ядов помогает жарка, так как варага не очень хорошо переносят высокие температуры, на Дне обычно холодно. Но есть слабый токсин, вызывающий головокружение. С ним черная соль справляется идеально. Добавь ее к этому мясу, и получишь без малого деликатес.

— Ваши навыки превыше всяких похвал. Собрать такое за полчаса...

Айтан отмахнулся, но было заметно, что похвала ему приятна.

Внезапно Лира придвинулась ко мне. Ее кудряшки защекотали щеку, а ухо обожгло дыханием:

— Это можно есть? Это же... ну... Варага?

— Знаешь, очень вкусно. Как будто шашлык из креветок. Структура мяса приятная, специи отличные, можно есть.

Все вокруг воззрелись на меня. Я почувствовал себя неуютно.

— Чего? — мои кошачьи уши сами по себе прижались к голове.

— Какой еще «шуашлик»? — спросил Корвус.

— Ну, эм... Так мой народ зовет это блюдо. Куски мяса, не особо важно какого, выдерживаются в маринаде, а потом вот так нанизываются на толстые спицы и жарятся. Простое блюдо. Но очень вкусное.

— Хм, маринад... — пробормотал Айтан. — Как-то не думал... А из чего он? — горячо заинтересовался он.

— Обычно я не занимался готовкой. Точно был лук, соль, уксус, немного воды. Перец еще вроде, но обычный, белый, — сделал я поправку на местные реалии.

— Как прибудем в гнездо, сразу же попробую. А почему спицы?

— Дерево вкус мясу дает. В моей стране это портит блюдо.

— Попробуем, попробуем...

Корвус властно взмахнул рукой:

— Не теряй концентрацию. Потом попробуешь. Сейчас мы на задании. Ранф, что сейчас думаешь делать?

— Отдохнем до вечера, и в обратный путь. Кстати, ты очень хорошо подвернулся. Хотел тебя кое-о-чем попросить.

— Любопытно. Отшельник что-то просит. Слушаю.

— Выдели мне людей, — просто сказал Ранф.

— Какие-то операции в Драконьих королевствах?

— Нет. Мне нужно отстоять Княжества.

— Нет, — твердо ответил Корвус.

Отказ Ранф принял спокойно.

— Можно узнать причину?

— Первое. Я бы согласился на страны Первого круга из-за моей симпатии к тебе и из-за тех дел, что нас связывают. Но... Ты не знаешь, но меня назначили главой боевого крыла. Я ответственен за все силы Гнезда, и, прости, я не могу на это пойти.

— Дешевая отмазка, — сурово уронил Ранф.

Корвус глубоко и с искренней скорбью вздохнул.

— Согласен, было глупо. Истинная причина в том, что мы просто не можем выводить силы за пределы Горелья. И ты знаешь причину всему этому.

— Освальд?

— Да. Допустим, я отправлю своих людей. Ты меня знаешь, меньше чем сотню я бы не дал. Мои солдаты вступили бы в бои на стороне Червивого Яблока, и... Это как тушить костер жидкой Мощью Инферно.

— Ранф старается, — подал голос я. — Он бьется день за днем, ночь за ночью, стянул все силы в Княжества. Разве ваши цели и цели Яблока не сочетаются?

— Не совсем, — пробормотал Ранф.

— Пойми, юный оборотень, это имеет куда более глубокую подоплеку. Еще недавно мир находился в равновесии, хрупком, но равновесии. Тысяча Глаз действовали грубо и топорно, разрушали тюрьмы-приюты для червивых, приманивая на себя все внимание Круга Черведавов, а Яблоко тихо плело свои сети и вставляло Тысяче палки в колеса. Как ты думаешь, почему Тысяча не давала толковый отпор Яблоку?

— Потому что на стороне Яблока сильные, тренированные агенты?

— Ты думаешь, что Тысяча только и может, что посылать на убой толпы культистов?

Глупо, юноша. Любой из его агентов, — взмах рукой в сторону Ранфа. — На равных сойдется в бою с любым Белым Сердцем. Тысяча почти не препятствовала Яблоку потому, что урон, наносимый Яблоком, был на минимальном пределе. Яблоко действует в пределах Первого и Второго кругов, а Тысяча уже давно раскинула свои сети на весь континент.

— А ваши силы? Сколько у вас обычных солдат и сколько великих воинов?

— Немало, — кивнул Корвус. — Вот только они нужны нам. У Гнезда другой путь, юноша. Что Яблоко, что Тысяча, да хоть Рука в белом или Извилистые врата, у вас всех вас одна цель — создать в цивилизованном мире позитивные условия для вермиалистов. Благой путь, высланный тысячами трупов. К чему вся эта цивилизация? Почему нельзя обратить свой взор на Горелые земли? Да, тут опасно. Но свою цивилизацию можно сделать и здесь. И только тут мы, вермиалисты, получаем почет и признание. Тут опасно, и разрушительной мощи червивых и зажигалок, как ты, можно дать выход на благо обществу.

Корвус помолчал, а потом продолжил:

— Ладно, допустим, я выдал солдат Гнезда Ранфу. Дальше анализируем. Сотни отборных, прекрасно вышколенных солдат вступают в противостояние с Тысячей Глаз. Вермиалисты бьются с вермиалистами прямо на улицах Белой долины. У нас есть поговорка, ты ее не знаешь. «Когда червь выползает из тени, тут же появляется сапог.» Именно это и произойдет. Все силы Черведавов ринутся в Красные Княжества, если они уже не там. Дальше два сценария. Первый — Яблоко и Гнездо одолевают Тысячу, Освальд откинут, все ликуют. В Княжествах ничего не меняется в лучшую сторону, напротив, люди запомнят, как вермиалисты бились на их земле, как горели их дома и умирали их близкие. Черведавы, которые точно останутся, начнут расследование, будут находить ставленников. Начнутся казни. Видя это, все государства Первого Круга тоже проведут расследования, с тем же исходом. Кроме того, из-за гибели людей в уличных боях и из-за результатов расследований, стоит ждать притока в ряды Черведавов. Яблоко прекратит свою деятельность, в лучшем случае из соображений безопасности. Кроме того, я уверен, что во время битвы Черведавы захватят хотя бы нескольких моих людей, и силой выдавят из них информацию о Гнезде. Этот факт и так является расхожим слухом, а тут будет четкая уверенность. И куда направится эта новая армия? Если Гнездо вступится за Яблоко, проиграют абсолютно все.

Все вокруг подавленно замолчали. Выдержав очередную паузу, Корвус продолжил:

— Второй сценарий. Несмотря на сопротивление, Яблоко проигрывает. Освальд основывает государство червивых, начинаются репрессии. Возникает эдакий гнойник на политической карте мира. Следом за гнойником пойдет воспаление. Всеобщая война, которая будет длиться десятилетия. Усиление армий, всеобщее подозрение, бунты, восстания, погромы, избирательный геноцид вермиалистов... Уверен, что в этой буче вспомнят и о Гнезде, причем вспомнят не только Драконьи королевства, но и Освальд.

Победителей тоже не будет. Третий вариант. Яблоко самостоятельно отвоевывает Княжества. Все равно Черведавы начнут расследование, все равно полетят головы. Ранф потеряет многое, что сделал, но не все. Он сможет начать заново, пусть и потратит на это две свои жизни. Он человек волевой, справится.

— Почему просто нельзя сказать, что ты боишься Освальда? — прямо спросил Ранф.

Корвус резко замолчал, подошел вплотную к Ранфу. На секунду мне показалось, что сейчас начнется драка.

— Боюсь, Ранф, — выдохнул Корвус. — Боюсь до дрожи. Я не знаю, что ждать от Освальда. Он нарушил равновесие, поставил под угрозу всю картину мира. Весь прогрессивный мир будет лихорадить, как бы не повернулась судьба.

— Ты уже побеждал его, — хладнокровно ответил Отшельник.

— Дважды. ДВАЖДЫ! — сорвался на крик Корвус. — Я дважды разрывал его плоть на части! Каждый раз я полгода проводил в больнице, на грани между жизнью и смертью! И я не могу сказать, что бесследно. Это, — Корвус снял перчатки. Я увидел бледную кожу, расплосованную десятками шрамов от хирургических швов, — Моя награда. Я не могу ничего сделать пальцами, потому что они меня не слушаются. Я не чувствую ничего до плеч. Не взять револьвер, не сжать меч. Стрелок и мечник погиб ли. У Мертвого Ворона остались лишь крылья и разум. А ты думаешь, меня просто так перевели в штаб?

Корвус отвернулся и отошел в сторону.

— Я дам тебе людей. Десятерых, самых сильных, самых лучших. Головой за них отвечаешь, Ранф.

— Твоя помощь очень много значит для меня, Корвус, — поклонился Ранф.

— Кто, если не я, — горько отозвался Мертвый Ворон. — Платой будут честные слова. Я скажу то, что думаю, Ранф.

— Слушаю.

— Когда все закончится, я жду тебя в Гнезде. Твои навыки пригодятся в обороне.

— Ты так думаешь?

— Да, Ранф. Когда-то очень давно я думал, что знаю Освальда. Но теперь я понимаю, что ничего о нем не знал. Он что-то большее, чем мы. Тысячу Глаз возглавляет не человек.

Глава 26. Дефенестрация

Полторы недели пролетели совершенно незаметно. Ни Лира, ни я больше не летали в Горелоземье, ни по охоте, ни ради тренировок. Нужды в деньгах мы пока не испытывали, хотя мотыльковый запас уже постепенно таял, да и тренировки... Тот бой с ордой варага стоил целых десяти тренировок.

Нет, мы, конечно, тренировались, но дома, в спокойной обстановке, обкатывая все усиления и новые способности. Лира ежедневно меняла свои ингаляторы, тренируясь в форме разных духов — кошка и олененок даже близко не были самыми странными. Вторая часть ее тренировок заключалась в том, что Гиз придумывала ей разные ситуации, а ведьма как можно быстрее находила оптимальный договор. Трудностей было море — Лира хорошо составляла договоры, но в привычных ситуациях и с тонной подготовки. Сделать контракт буквально на коленке, чтобы сработало здесь и сейчас, было для нее еще сложновато. Хотя, как признавалась Лира, всегда был вариант использовать ведьмовство крови. Тут духи откликаются на сам концепт задания. Ты даже можешь ничего не говорить на языке духов — просто пролей кровь и скажи, что надо, и духи все сделают в лучшем виде. Еще и должны остаться.

Тем не менее, если мы не тренировались, Лиру я видел или с томиком словаря туур, или за зельеварочной стойкой — она готовила каждому из нас экстренную аптечку.

Я учился сворачивать пространство. К концу этих полутора недель я сумел не просто стягивать и вытягивать его, а деформировать более серьезно — сворачивать в трубочку, делать замкнутый тор. Но когда я попытался сделать бутылку Клейна, то тут в трубочку едва не завернулся мой мозг. Буквально — я потерял любые способности к владению волшебством на целый день, и Лире с Эдом стоило очень больших трудов унять все кровотечения, как внутренние, так и внешние. Как пояснил мне потом Гальза, тоя в тот момент попытался создать отдельную реальность с пространством, но без времени. И кто-то из Великих Духов не поленился обратить на меня мимолетное внимание и дать мне по шапке. Что я, к слову, заслужил.

Да, атеистам в этом мире делать точно нечего.

Эдвин заперся в Табакерке и что-то читал, перерывая целую гору литературы. Вечером того дня, после боя, он сдал Ранфу на хранение целых два шкафа различной макулатуры — от технической документации до литературы, которую сам Эд назвал «оккультной». Что должно было считаться оккультным в мире волшебства и призраков он не пояснил, но я на всякий случай охренел. Ну мало ли.

Гиз изводила себя физическими тренировками. Где-то, уж не знаю где, может купила, а может, и сама вырастила, но она обзавелась деревянным полутораручным мечом. Самое странное заключалось в том, что меч оставался живым. Подчиняясь воле своей создательницы-владелицы, во время упражнений и боев он изгибался под причудливыми углами, удлинялся до почти трех метров, а также мог укоротиться и расшириться, сделав странноватое подобие щита с рукоятью. При этом он сохранял достаточно неплохую остроту. Не бритвенную, конечно, но насколько я знаю, боевым мечам бритвенная острота и не к чему.

Фелиция же возвращалась в строй. Каждый день эта немногословная пожилая женщина делала изящные, воздушные ледяные скульптуры, и с каждым днем ее скульптуры

подрастали на десяток-другой сантиметров. Кроме того, именно она, с посильной помощью выворотней, обеспечивала всю нашу ораву едой. Разносолов не было, но ее блюда выходили вкусными, сытными, а главное — питательными. Я даже сбросил свой котячий жирок (моя человеческая форма была худой, несмотря на все мои старания).

Про Маю ничего сказать не могу. Маю — это Маю. Пенек просто продолжал барагозить по всем окрестностям, наводя шороху, вступая в схватки с бродячими псами. Возможно, так он тоже тренировался.

Как тренировались яблочники, я не видел. Ранф с молодежью уходили утром, а приходили поздно ночью, вымотанные до безумия. Из их рассказов было ясно, что тренироваться они ходили в осаждаемые Тысячей города. Иногда даже отбивали, но не слишком часто.

Куда мы так тренировались, спросите вы?

Дело в том, что предчувствие близкой беды витало в воздухе, и это чувствовали не только мы, а абсолютно каждый в городе. Красные Княжества уже горели, и над городами севера долины уже реяли флаги с пятью белыми глазами на черном фоне. Было лишь вопросом времени, когда пожар докатится до нас, и это время утекало сквозь пальцы.

Мы выбрались за покупками. Фелиция отпускала нас из поместья группами не менее трех — даже если Лире просто требовался пучок копеечной травы, горсть за полтонны.

В этот раз требовались продукты. Пошли я, Лира и Эдвин. Идти нам предстояло на Алый рынок, так как тот, что был ближе к нам, обезлюдел — продавцы не хотели выходить торговать. И их можно было понять.

Не надо забывать, что бунты, восстания и перевороты в Красных Княжествах — обычное дело. Так что все наши соседи в частном секторе уже готовились. Наемники-солнечники пользовались небывалым успехом — только они за пару десятков корон могли за полдня достать глубоко из земли стены для вашего дома. Природный камень, натуральный цемент и волшебное сцепление, трехметровая высота и толщина с предплечье обеспечат любому дому максимально допустимый уровень безопасности.

И беспокоиться было о чем. Тысяча Глаз добралась до Санго за четыре дня до праздника Середины зимы. Каждый вечер на отдаленных окраинах города слышались выстрелы, изредка гремели взрывы. В городе стало меньше гражданских пальто и курток, зато намного больше красных мундиров стражи, разнообразных доспехов наемников и белых одежд медянщиков. Более того, то тут, то там мелькали угольно-черные костюмы и позолоченные лицевые маски Круга Черведавов.

И вот в такой вот замечательный зимний полдень — как раз пошел легкий пушистый снежок — мы выбрались из поместья и пошли на рынок. С собой у нас были: боевое волшебство наготове, три револьвера, список покупок и резонатор у Эда. В общем, мы вроде как были готовы к походу на рынок.

Мы пошли по протоптанной в снегу колее, и спустя полчаса уже были в основном городе. И тут можно было сделать отличные выводы про самобытную культуру Белой Долины.

Даже в такое беспокойное время люди находили поводы для радости. Праздник Середины зимы был уже завтра, и горожане украшали город. Волонтеры растягивали между крышами тросы, на которые закреплялись разные флаги — красно-белые треугольные флаги Княжеств и десятки самых разнообразных флагов наемничьих отрядов. На балконах не было

цветов, и люди вязали на перила алые ленты. На улицах можно было пройти мимо троицы мрачных медянщиков в бронзовых доспехах и белых одеяниях, и тут же наткнуться на щебечущую парочку, заходящую в еще работающий бутик.

Тем не менее, щебечущих парочек было мало, степенных горожан и того меньше, зато все полисмены вышли из отпусков, и их патрули были усилены наемниками. Видеть среди красных мундиров сияющие доспехи Стальных Рогов было приятно, но вот кожаные жилеты Холодных Сердец... И ведь знаешь, что они — предатели, но если кому рассказать — тебе не поверят.

Многоголосый шум толпы мы услышали задолго до того, как вошли на площадь. Мы, конечно, могли пройти и небольшими улочками на Алый рынок, так было бы даже быстрее. Но Фелиция настрого запретила двигаться закоулками, а помня несколько засад, устроенных на нас как раз в таких узких улочках, что Санго, что Асмина... В общем, не очень-то и хотелось. Приходилось каждый раз делать большой крюк через главную площадь, перед мэрией, ну и в этот раз мы ее не миновали.

Обычно площадь была полупустой — простые люди шли мимо, почетный караул и, может, с десятков госслужащих, бегающих между корпусами административных строений. Сейчас же на площади была толпа, порядка сотни человек оцепили один из небольших корпусов. Толпу едва сдерживал десяток стражников и два наемника Стальных Рогов.

Заинтересовавшись, мы подошли ближе.

Толпа была настроена весьма решительно. Кто-то тряс мечом в ножнах, кто-то стучал о брусчатку копьем, то тут, то там виднелись револьверы, нацеленные в небо. Изредка из крика толпы можно было вычленивать отдельные слова и фразы:

— Выдайте нам Валира!

— Валира на плаху!

— Обойдемся без плахи! Валира в окно! Валир — прихвостень червивых! Дави красных!

Мы знать не знали никакого Валира, но, видимо, он как-то себя дискредитировал. Скорее всего, фатально.

На наших глазах сквозь толпу начал пробираться парень. Одну руку он держал под полую распахнутого пальто, что-то скрывая. Мгновение — и он растворился среди моря ткани, пара от дыхания и вздетых в небо кулаков.

Спустя какие-то десять секунд толпа загомонила громче, еще три — и она хлынула к дверям здания. Оцепление было прорвано, сквозь редкие окошки видимости в толпе было заметно, как полицейские вытащили дубинки и попросту отбивались от разъяренной толпы. Тем не менее, сдержать всех было нельзя.

Парень, пробиравшийся сквозь людей, вел их за собой. В руках он держал окровавленную металлическую битую. Пинком парень выбил двери, и яростно вопящие люди хлынули в здание настоящим потоком.

Откуда-то раздался первый выстрел, и мы, переглянувшись, достали револьверы. Лира вынула из кармана какой-то полудрагоценный камушек и что-то прошептала. Камушек исчез, а над нашими головами появился огонек цвета свежей мяты — видимо, что-то охранное.

Мы, не сговариваясь, ждали развязки долгих три минуты. За это время бой у ворот здания стих — полицейские, понеся потери ранеными, сумели отбиться и загородили собой проход. Очевидно, что они понимали, что уже не в силах воспрепятствовать линчеванию, положились на коллег внутри здания и сделали единственно разумный в этой ситуации

поступок — не допустили большее количество людей в здание.

Тем не менее, через три минуты на самом высоком, пятом, этаже здания распахнулось широкое стеклянное окно. Из него высунулась голова парня с битой. Он оценил пространство внизу и нырнул обратно внутрь. Спустя пару мгновений в окно вытолкнули человека.

Он, крича и крутясь в воздухе, приземлился на землю точнехонько головой. Раздался мерзкий хруст, и на камни площади выплеснулось полведра крови. Толпа ахнула и отступила на шаг. Кто-то из стражи грязно выругался.

Спустя еще минуту на первом этаже, в максимальном отдалении от стражи, распахнулись окна, и оттуда начали сигать линчеватели. Полицейские немедленно бросились вслед на ними, и кого-то даже успели поймать. В числе пойманных оказался парень с битой. Он успел прописать кому-то по животу своим оружием, но тут более опытный страж порядка раскрутил свое оружие из двух крюков и, сцепив их и мгновенно увеличив область поражения вдвое, зарядил мятежнику в лицо. Мне казалось, стук зубов по камням я услышал даже с расстояния в двадцать метров.

Постепенно толпа почуяла запах проблем и начала рассасываться. На площадь прибыли пятеро медянщиков. Потрясая молотами, они задержали несколько людей и тут же допросили их о чем-то, не отказывая себе в чувствительных тычках в ребра, чтобы простимулировать разговорчивость.

Добившись чего-то, они двинулись к поднимающемуся из трупа призраку. Он выглядел оглушенным, растерянным, но, завидев развевающиеся одежды медянщиков, тут же бросился прочь.

Один из Братства Гвоздя, не пытаясь преследовать беглеца, подошел к трупу, достал из кобуры здоровенный медный гвоздь и молоток, опустил на одно колено перед трупом, примерился и пригвоздил стопу тела к земле.

Призрака тут же телепортировало к телу, где он взвыл от боли. Нога и тела, и призрака оказались пронзены гвоздем. Не торопясь, медянщики приступили к допросу.

Эдвин приобнял нас за плечи.

— Пойдем. Нечего тут больше смотреть.

Бой за город еще не начался, а люди уже гибли.

Глава 27. Безветренный миг перед штормом

С утра я проснулся не как обычно.

Я всегда спал в кошачьей форме, чтобы экономить время, отпущенное мне на пребывание в человеческой форме. Да и намного это удобнее, если честно. В любом случае, после пробуждения я, как правило, мог валяться минут десять-пятнадцать, потягиваясь и лениво гоня в голове кошачьи мысли.

Сегодня же я встал, похлопал глазами и тут же соскочил с кровати. Нонсенс.

Слишком уж долго я ждал этого дня. Недели подготовки, а если учесть все, что со мной происходило, то и несколько месяцев наберется. Сегодня, несмотря на снежок за окном, начнется жара.

Перекинувшись и переодевшись, я вышел в коридор и отправился умываться. Сделав дело, я спустился вниз, позавтракать.

На первом этаже наткнулся на Гиз. Ее домашняя одежда резко контрастировала с кожаной перчаткой без пальцев на левой руке. На тыльной стороне перчатки в кожу был вшит небольшой кусочек янтаря.

— А вот сейчас меня слышно? — нежно и немного неестественно пропела перчатка, которую Гиз держала у лица.

— Слышно, и хорошо, — ответила волшебница. — Вот только никак не могу понять зависимость. Почему где-то слышно лучше, а где-то хуже?

— Гиз, чего это у тебя такое? — заинтересовался я.

— Да вот, Лира придумала. Сделала таких штук пять, заключила на них договор с каким-то там духом...

— Думала, что духом голоса, — пропела перчатка. — А оказалось, что в две я заточила духов пения. Ну в спироскопе они почти не отличаются, так что... Будем пока так. Нет времени переделывать. Доброе утро, Джаспер.

— И тебе, Лира. — я был озадачен. Пение из перчатки ну никак не сходилось с голосом Леры. Подумав, я озвучил это.

— Я связала перчатки сложным контрактом, их сложно перехватить и нельзя дешифровать голос. Но чтобы нельзя было что-то дешифровать, это самое «что-то» надо прежде зашифровать. Так что будет или голос без эмоций, ну или вот такое пение. Опознавать друг друга будем по нашим позывным.

— А для кого перчатки?

— У вермиалистов есть их черные птички, — ответила Гиз. — А перчатки нужны вам двоим, мне, Эду и Фелиции.

— Но у большей части перечисленных нет позывных, Ранф не придумал.

Внезапно перчатка пропела немного другим голосом, и совершенно другой манерой:

— Я тоже балуюсь этой перчаточкой. Позывные Эда и Гиз в процессе, Фелиция — Крачка. Синица, Сипуха, как слышно?

— Слышно хорошо, Отшельник, — ответила перчатка самой себе.

— Значит, не в расстоянии дело. Говорю с тобой из пригорода Санго.

— В моем мире была похожая штука, — задумчиво пробормотал я. — Наши устройства плохо работали в подвалах и внутри зданий с толстыми стенами.

— Гиз, ну-ка, метнись в подвал, — донесся голос Леры из перчатки.

— Джас, я побежала. Завтрак на столике в кухне, Фелиция сделала сэндвичи.

— Огонь! — потер я руки и метнулся в кухню.

Никто не отпустил меня после пары сэндвичей. Пришлось съесть тарелку овсяной каши, три сэндвича и выпить горячего молока с медом и травами — традиционный зимний напиток в Белой Долине. Перед тем как впасть в пищевую кому, я сумел доковылять до диванчика в гостиной.

Оказалось, там сидел Эдвин. Он что-то вычитывал из старой, потрепанной желтой папки. Один из краешков картонной обложки был подпален.

— Привет, Джаспер. Ты раньше обычного.

— У-э-э-э... — промычал я. Всерьез опасался, что если я открою рот шире, то последний сэндвич, легший где-то в районе пищевода, попытается сбежать.

— Тоже попался на сэндвичи, а по итогу ел кашу? — рассмеялся Эд. Я заметил на его рукаве ма-аленький комочек овсянки. Жестами указал ему на это, и волшебник отряхнул рукав.

— Каша, сэндвичи, три, и молоко, — пропыхтел я, водружая свои мощи на свое любимое кресло. Это кресло было полностью моим, пока тут не появлялась Лира. Тогда приходилось уступать ей место.

Устроившись, я посмотрел на Эда, и моему удивлению не было предела.

Эдвин, взрослый волшебник, успевший побывать беспризорным, подопытным, профессиональным убийцей, солдатом, сыщиком, а теперь состоящий на службе у Червивого Яблока, натурально надулся.

— Эд, ты чего?

— Три сэндвича? Три?! Мне скормили две тарелки каши! И молока полстакана дали.

Я благоразумно не стал говорить, что молока я выдул почти пол-литра. И зажевал веточкой плавающей в ней травы.

— Хочешь я пойду выпрошу тебе сэндвич?

— Да не в сэндвичах дело! Хотя в них, мать их так. Почему у нас есть любимчики?

Повеяло холодком, и посреди комнаты материализовалась Амелия, наш Призрак.

— Господин Эдвин, у госпожи Фелиции нет любимчиков, — едва слышно прошептала она. — Напоминаю, что на днях мисс Гиз скормила вам три тарелки овсянки. Полдома слышало, как вы ее нахваливали.

Эдвин смутился, а Амелия продолжила:

— В это время госпожа Фелиция проходила неподалеку. Она услышала ваш восторг по поводу каши, и сделала вывод, что это ваше любимое блюдо. Ради вас она приготовила больше каши. Ну а молоко — действительно недосмотр. Могу ли я предложить вам принести чашку горячего чая?

— Да, если можно, — тихо ответил Эдвин.

Призрак степенно двинулась в сторону кухни, а Эд воззрился на меня:

— Чего не так? Челюсть не вывихнешь?

Я прикрыл рот.

— Как бы сказать... Это самая длинная фраза, что я слышал за год от нее. Пожалуй, это вообще самая длинная фраза, которую я слышал от Амелии.

— Ты, видать, не очень много с ней общаешься. Я с ней сдружился. Неплохой она человек. Жалко, что она тут заперта.

— Что ж, очевидно, мир полон сюрпризов.

В комнату влетело два маленьких черных силуэта. Замерев на месте, они разделились и метнулись к нам. Я не успел среагировать, и маленькая черная птичка вцепилась мне в лоб.

Столкновения не было — птичка развеялась на быстро рассеивающийся мрак, но в моих ушах прозвучал серьезный голос Ранфа:

— Через полчаса сбор в гостиной. Будем проводить совет. Приглашенные Лирой гости тоже подъедут.

Через двадцать минут в гостиной сталолюдно. Нам с Эдвином даже пришлось принести дополнительные стулья.

Когда Лира приносила поднос с чайниками, то к ней подошла Млакш:

— Госпожа, к воротам поместья прибыла карета. Символика Стальных рогов. Пригласить или истребить?

— Какой истребить? — ужаснулась Лира. — Не надо никого истреблять. Джас, встретишь гостей?

— Угу, — кивнул я. К тому моменту я уже вышел из анабиоза, и был готов к социальному взаимодействию. И тут меня прошибло: — Лира! Какие еще Стальные рога?! Тут идет сбор Червивого Яблока!

За Лиру ответил Ранф:

— Со слов Лире, это люди понимающие. В любом случае, всегда можно послушать слова Млакш.

— Но Ранф...

— Джаспер. Яблоко упустило тот момент, когда можно безопасно действовать из тени. Теперь надо вылезти из мрака, и использовать абсолютно все доступные ресурсы. Ставим на стол все.

— Как знаете, босс, — махнул рукой я и пошел встречать гостей.

Я понимал действия Ранфа. В такой ситуации, в которой сейчас оказалось Яблоко, действительно было не до интриг, секретных операций и убийств в тихих переулках. Сейчас надо расправить плечи и как следует вмазать Освальду по лицу.

Но прямые договоры... Мне было очень интересно, как, или, вернее, кем, представится Ранф, чтобы не выдать своего истинного происхождения.

За такими размышлениями я вышел из дома и аж поежился. Температура опустилась до минус восьми или десяти градусов. Сказать, что тут было свежо, не сказать ничего. А я не накинул на себя зимнее пальто. Дебил.

Я отворил ворота и воззрился на карету без лошадей. Они в этом мире были, но уже постепенно уходили из обращения — спирт-приводные двигатели уже давно использовались в качестве движущего элемента в обычном транспорте, да и в сельское хозяйство постепенно внедрялись новые разработки. Спирит-привод не надо кормить, поить, расчесывать и ухаживать за ним, просто знай закидывай в особый отсек двигателя всякую всячину для жертв духам. Насколько я знал, в этом постоянно изменяющемся мире уже возникли духи двигателей.

Карета была массивная, неожиданно футуристичной, яйцеобразной формы — впечатление от гладких обводов корпуса портила лишь пытящая громада двигателя сзади, в отдельном корпусе, и обилие декоративных элементов в виде бычьих голов. Чаще всего это были приклепанные щиты с искусной гравировкой, но нос кареты украшался цельнолитой

головой в виде символа наемничьего отряда — низко наклоненная голова быка с далеко выдающимися вперед рогами.

Дверь кареты распахнулась, и из нее вышли четверо людей. Двое были рядовыми наемниками — в простой, хоть и отполированной броне, вооружены короткими широкими мечами и двумя револьверами, очевидно, чтобы в бою не тратить время на перезарядку. За охраной вышли Саул Угрюмый и Ланз Со Кромм.

Оба были без брони, но эта первая мысль подверглась сильному сомнению сразу после того, как я утрудился присмотреться повнимательнее. Прямо на тяжелые зимние пальто с меховой оторочкой всюду были приклепаны полосы вороненого металла. Не присматриваясь, издалека можно было подумать, что двое офицеров Рогов были в обычных пальто, но на самом деле на них была лишь немного облегченная броня. При этом, ни у Саула, ни у Ланза при себе не было оружия.

— Анди Со Кромм, анди Угрюмый, добро пожаловать, — церемонно поклонился я.

— И вам здравствовать в наши беспокойные времена, анди Самион, — вернул поклон Со Кромм, — С сожалением сообщаю, что я не смогу выделить много времени на посещение вашего чудесного поместья. У нашего отряда в последнее время очень много дел и обсуждений. Мне едва удалось выщарапать время. С этой взбесившейся Тысячей...

— О, я вас уверяю, анди Со Кромм, вы не будете жалеть, что приехали сюда. У нас самая свежая информация. Наш посыльный ведь передал вам пакеты?

— Да, пришла молодая девушка. Скопированные вами документы действительно были... небезынтересны.

— Девушка такая, — подал голос Саул, неопределенно покачав в воздухе кистью, — С безжизненными глазами.

— Да, это наша горничная, Эндзуэй.

— Горничная? — удивился Со Кромм. — Она двигалась с грацией наемника, пережившего не один десяток битв.

«Млакш, черт тебя побери!» — подумал я, но вслух произнес:

— У нее долгая и сложная история. Пройдемте в дом, там за чашкой чая все и обсудим.

Гости зашли в дом. Перед ними прямо в прихожей материализовалась Амелия.

— Доброе утро, гости поместья. Приветствую вас в Медоносном Призраке. Могу ли я поинтересоваться, как поживает мой дорогой брат?

— Ромен? Отлично поживает, мы с ним хорошие друзья. Рад приветствовать местную домправительницу, — глубоко поклонился Призраку Со Кромм.

— Рада слышать. Если что-нибудь будет вам нужно, просто позовите, — и Амелия растворилась.

Мы с Стальными рогами зашли в гостиную. Уже трещал камин, и три чайника исходили паром.

В гостиной собрались все обитатели поместья. На длинном диване в ряд сидели Ранф, справа от него Фелиция, слева Базиль, Артуро и Афина. На стульях сидели Лира, Эдвин и Гиз. Мне был оставлен еще один стул, кресла уступили гостям. В центре комнаты стоял стол с чайниками и каким-то свитком. У стены недвижимыми изваяниями застыли выворотни в одеждах горничных и дворецкого — Клод, Млакш и Скхоль (последнюю я видел очень редко).

— Здравствуйте, господа, — кивнул всем Со Кромм. — Я был очень польщен вашим приглашением. Моннади Фелиция, лицезреть вас вживую — честь для меня. Позвольте

представиться, Ланз Со Кромм, офицер третьего ранга отряда Стальных рогов. Со мной прибыл мой заместитель, офицер второго ранга, Саул Угрюмый.

— Рады вас видеть, анди, — заговорила Фелиция. — Меня вы, очевидно, знаете, мою внучку и ее компаньона — тоже. Это мои хорошие друзья, анди Ранф, Артуро Лерон, Базиле Со Нерн, монна Афина Гарц. Это монна Пчелиния Гиз, — тут отчетливо послышался скрип зубов, — И Эдвин Моуз, остальные компаньоны моей внучки.

— Рады познакомиться.

Гости расселись. Пятнадцать минут шла непринужденная светская беседа — обо всем и ни о чем. Говорили в основном Рога, Фелиция и Ранф, прочие лишь изредка позволяли себе вставлять ремарки. Когда дань обществу была отдана, Со Кромм перешел к делу:

— Ваша история была чудесна. К сожалению, по долгу службы я и мой заместитель не располагаем неограниченным временем. Я бы с удовольствием пообщался бы с вами еще, но хотелось бы обсудить непосредственную причину нашего приезда.

— Да, конечно, — отозвался Ранф. — Как вы уже знаете, Тысяча Глаз этим вечером нанесет сильнейший удар по Санго. Предположительно, будет два отряда, возглавляемые Белыми Сердцами.

— Это... Серьезное заявление, — выдохнул Ланз. — Позвольте поинтересоваться, откуда вы владеете такой информацией?

— Секрета тут особого нет. Я и моя группа давно на ножах с Тысячей Глаз.

— А ваша группа...

— Более известна как Червивое Яблоко.

Воцарилась немая сцена.

Я видел, как Лира стиснула в руке бумажку с текстом готового проклятья. Как напрягся Эдвин, словно невзначай указав хвостом на гостей. Как изменилась поза выворотней.

Я также увидел, как на руке Ланза выросли трехсантиметровые стальные когти.

«Проклятье. Чем их теперь накрывать, чтобы дом не сжечь?» — с тоской подумал я.

— Смело, — абсолютно спокойным, даже доброжелательным тоном сказал Саул, наконец нарушив тишину.

— Благодарю. Это потребовало от меня определенных моральных и волевых усилий, — так же спокойно отозвался Ранф.

— Саул, ты... — задохнулся Ланз. — Они же...

— Хоть раз послушай меня, Ланз, — резко ответил Саул. — Я немало слышал про Яблоко и его главу, Отшельника. И мы с тобой прекрасно осведомлены о натуре Тысячи. И поверь, сейчас заключить союз с Яблоком — далеко не худшая идея.

— Это предательство, Саул.

— Нет, дружище, это не предательство. Это здравый смысл. Ты понимаешь, во что превратится Долина, если Тысяча одержит победу?

— Но...

— Анди Ранф, вы представляете интересы своего главаря, или вы сам...

— Отшельник — это я. Рядом со мной около трети моего отряда.

— Тогда позвольте поинтересоваться, — продолжил Саул. — По моим сведениям, вы предотвратили порядка шестидесяти акций Тысячи Глаз за этот год, верно?

— Конечно же нет. Откуда такие цифры? Сто девятнадцать, — Ранф даже подбавил в голос скуки.

— Один из моих осведомителей из числа Ревущего огня также рассказывал, как

несколько людей в масках помогли отбить нападение Тысячи в Лонтаре, не далее как позавчера. Это так?

— Да, все так. Первый бой за вечер, потому такой удачный.

— Саул, да как ты можешь с ним говорить? Он же червивый!

— Ланз, заткнись, — твердо ответил Саул. — И послушай меня. Слышал детскую песенку про корзинку яблок?

— Да, а кто не слышал?

— Вот вспомни текст. Свяжи два и два, и сбрось наконец глухой шлем с башки. Не мне тебе рассказывать, что червивые тоже люди. Или ты забыл?

— Не думал, что ты вспомнишь, — немного затравленно отозвался Ланз.

— Тот перевалочный пункт? Я постоянно его вспоминаю.

— Позвольте поинтересоваться, — немного нахмурился Ранф. — Что за история про перевалочный пункт?

— О, эта история стоила анди Со Кромму карьеры в нашем отряде. Сам расскажешь или мне?

Ланз молчал, опустив голову. Чуть погодя, он встрепенулся и посмотрел точно в глаза Ранфу.

— Я из хорошей семьи, обладаю хорошей репутацией, силен в бою и имею способности к тактическому планированию. К моим тридцати годам я мог бы быть заместителем главы нашего отряда. Но... Один раз наши разведчики вышли на горный перевалочный пункт. Среди обитателей были найдены червивые. Меня с отрядом верных мне бойцов отправили зачистить его. Я вошёл туда, перебил охрану, и посмотрел на... беженцев. Самое подходящее слово. Я... Я помог этим людям пересечь перевал. Выпустил их в Горелые земли. О моих действиях узнал командир отряда. И с того момента я никогда не поднимаюсь выше офицера третьего ранга.

— Я помню тебя, — раздался тихий голос Афины.

— Что, простите? — изумился Ланз.

— Ты ворвался в лагерь. Убил семерых охранников. А мы тогда уже смирились. Сидели под тем снегопадом, и просто ждали конца. Ты так смотрел на нас всех... Столько эмоций... Непросто было понять ту бурю, что бушевала в тебе.

— И теперь девочка, которую я когда-то спас, состоит в Червивом Яблоке. Капитан был прав...

— Твой капитан — кретин, — безапелляционно высказалась Афина. — Ты не перебил незащищенных людей. Довел до хоть сколько-то безопасного места. Ты думаешь, раз там всё червивые, то все прирожденные бойцы? Как бы не так. Раскрою тебе глаза: многие из нас сами боятся своих сил. И, знаешь ли, школ с классами молодых зажигалок или вихревигов у нас нет. Никто не расскажет, как управлять твоей тьмой. И мы боремся лишь за это, анди Со Кромм. Мы не хотим создавать государства, мстить Черведавам или чего-то подобное. Мы бьёмся ради школьных классов для наших детей, и ради черных треуголок для тех, кто умеет направлять свои силы во благо.

Ланз молчал. Саул тоже ничего не говорил — он мудро давал другу время на размышления. Каждый из нас думал о чем-то своем.

— Эх, — тяжело вздохнул Ланз. — Непросто мне будет скрыть источник информации. Давайте все обсудим. Откуда, говорите, на Санго нападут?

Глава 28. Червивое Яблоко в сборе

Обсудив с гостями из Стальных рогов общий план защиты, мы закончили совет. Господа офицеры откланялись и уехали, заверяя нас в том, что общие черты нашего плана обязательно будут доведены до сведения глав всех отрядов, имеющих хоть малую толику доверия. Тем не менее, на лицо Ланза было страшно смотреть — он будто зажевал лимоном стакан уксуса.

Что ж, минус один пропуск на балы, приемы и так далее. Сказка. Что же я раньше так не делал?

Проводив дорогих гостей, мы все вышли во дворик поместья. Там, в беседке, нас уже ждали больше дюжины человек. Десять из них были одеты в одинаковые неброские бурые пальто, под которыми скрывались удобные кожаные костюмы Воронья. Лица у них были закрыты тканевыми масками, а благодаря коротким прическам и холодным взглядам глаз различить их было совершенно непростой задачей. Хотя по запаху я точно улавливал как минимум двух девушек, точнее сказать не мог — пальто скрывало фигуры.

Оставшиеся пятеро людей были членами Червивого Яблока.

Первый был уже знакомый нам Дамиан. Он был в полуформе, между человеком и роккулу, и щеголял серой акульей кожей и клыкастой усмешкой. Одет в плотную меховую куртку. Оружия нет — он сам себе оружие.

Второй был высоченным мужчиной с целой волной мягких золотистых локонов, доходившей ему до пояса. Лицо выражало гармонию со всем миром, полное спокойствие и даже в какой-то мере беспечность. Одет в сюртук и брюки, как будто на улице осень, а не середина зимы. От тонких черных перчаток вверх по рукам струились лозы терновника, сделанные из мрака.

Третий, вернее, третья, была низенькой и хмурой девушкой с аккуратным каре, кутающаяся в утепленное пальто. Ничего необычного и сколь бы то ни было примечательного в ней не было, если не брать какие-то слишком острые для обычного маникюра коготки. Да и пахло от нее не очень — старой запекшейся кровью.

Еще один был изуродован. Мужчина обычного роста, очень мускулистый, в куртке охотника Горелоземья, которая не застегивалась от переразвитых грудных мышц. Ужасный широкий шрам тянулся по его лицу от лба до самой шеи. Левого глаза не было, равно как и кисти левой руки. Вместо нее у мужчины был натуральный пиратский крюк, на который я, признаться, пялился секунд десять. Немного напрягло, что пахло от него гнилым мясом.

Последний же был тучным мужчиной роста чуть выше среднего, в плотной медвежьей шубе. Лицо рассмотреть не смог — он единственный из присутствующих агентов носил свою маску. Этот предмет гардероба был подобием маски Ранфа, в том плане, что раньше это было лицо какого-то варага: покатый череп, вставленные неизвестным ремесленником затемненные стекла на месте глаз, навечно зафиксированные потеками расплавленного олова жвалы, хищно разведенные в стороны. От него периодически доносилось тихое жужжание, будто где-то рядом был рой насекомых. Но сейчас же зима... Рядом с ним стоял предмет, до боли напоминающий гроб. Единственное отличие было в ляшках, приделанных к гробу.

— Тебе это еще аукнется, Ранф, — недовольно заявила Фелиция. Ну да. Пока я осматривал гостей, все прочие о чем-то общались.

— Я знаю, Фел, знаю, — устало отозвался Ранф. — Я разберусь с ними потом. Заставлю молчать, так или иначе. Сейчас для этого не время. Слишком многое поставлено на карту.

После этих слов Ранф вынул из кармана сигарету, прикурил ее от бензиновой зажигалки, затянулся, выпустил в морозный воздух струю дурнопахнущего дыма и окинул гостей широким жестом:

— Знакомьтесь, если кто кого не знает. Вот эти неулыбчивые люди в тканевых масках — представители Воронья, любезно выделенные нам аж самим Мертвым Вороном Корвусом, за что ему моя признательность. Сразу, пока речь о вас. Ваша задача — не сдохнуть, иначе я попаду в огромный долг перед Корвусом, а я и так уже в долгу. Дальше, — Ранф перешел к агентам. — Это мои самые доверенные агенты, вечно пропадающие на настолько секретных миссиях, что даже я не до конца знаю их подробности. Альбатроса вы знаете, а Альбатрос знает вас. Дальше у нас специалист по части инфильтрации, взлома и саботажа, Сорокопут, — Ранф указал на светловолосого парня, которому явно это мир абсолютно понятен, и он, возможно, даже нашел слияние с бесконечным вечным, — Хмурая мерзнувшая девушка — это Орел. Специализируется на выслеживании и тихих устраненияях, в то же самое время способна, не сильно утруждаясь, перебить пятерку Черведавов. Орел, если сильно холодно, Сипуха разведет костер, — это уже мне. — Сипуха, не затруднит? Да вот тут лежат, просто немного присыпало снегом. Да, спасибо. Тут стоит Гриф, второй заместитель и лидер выводка из двадцати варага. Человек-армия, любит приручать различную живность со Дна, чем беззастенчиво пользуется на благо Яблока, — мужчина со шрамом только фыркнул. — Ну и последним стоит Шершень. Шершень способен в одиночку зачистить небольшой городок. Наш показательный убийца, и наше сегодняшнее секретное оружие. Когда он начинает злиться, то... Рекомендую найти другую цель, желательно в соседнем квартале. Теперь наши новички. Хотя, вы прекрасно знаете Крачку, — Фелиция отвесила церемонный поклон. — Гриф, ты, вроде, с ней работал?

— Приходилось, дважды, — хрипло ответил мужчина со шрамом.

— Ну и хорошо. Тут у нас наши... Не совсем стандартные новобранцы. Однако, как я и сказал, сейчас все поставлено на карту, и времени перебирать вакансии нет. Это Сипуха. Не смотрите на рост, он совершеннолетний, — тут снова послышался скрип зубов. Интересно, кто бы это мог быть? — Без пяти минут профессионал в боевой ветви волшебства Инферно, занимался по Отпечаткам, академиев не заканчивал. Оборотень, так что не удивляйтесь. Синица, неплохая ведьма, знает много духов, наготове с полсотни готовых контрактов. Второй ранг академии по стрельбе. Охотница Горелоземья, как и Сипуха. Коршуна, моего первого заместителя, все прекрасно знают. Также вы знаете Сольпугу и Короеда, уже работали вместе. Хотя... Сорокопут?

— Ни с госпожой Короед, ни с господином Сольпугой раньше не встречался, — мягким голосом ответил светловолосый дылда, созерцая зимнее ясное небо.

— Короед хорошо справляется с небольшими отрядами противников, умеет удерживать точку. Вынослива, в последнее время дополнила арсенал рядом любопытных техник. Сольпуга — ее отражение. Так же прекрасно справляется с небольшими отрядами противника, но на одном месте сидеть не любит. Отличается высокой мобильностью, умением призывать варага, что делает его самостоятельной боевой единицей. Рядом со мной стоит Сокол, боевой сонитист, чрезвычайно сильный. Просто поверьте, он может задать кому угодно. Прошел всю Летнюю войну и Битву Девятнадцати. Ну и самая последняя, Кедровка. Солнечница с хорошим потенциалом. Фанатка Фрельядар, дерется выкованными в

Фрелье дольгяг. Дерется хорошо, уделала бойца под боевой алхимией. Начала осваивать живой меч. И вопрос, в основном к нашим старичкам. Где Малиновка и Зореславка?

— Мы прибыли вчера утром, собрались в Тинхине, — ответила Орел. — Зореславку я лично оставила в тренировочном лагере. Девочке пока рано в такие баталии. Тут и Тысяча с Белыми Сердцами, и наемники, и элита Черведавов, и даже как-то медянщики затесались. Кровь будет реками стекать в Алюю. Пока для нее не время.

— Оспариваем мои приказы? — нахмурился Ранф.

— Послушай, Отшельник, — заговорил Базиль, — Она начала подготовку менее полугода назад. У нее еще даже ярость от убийства отца не выветрилась. Ее нельзя сейчас выпускать. Пользы не принесет, а просто убьется.

Ранф только вздохнул, помолчал и кивнул.

— Малиновка?

— Мы встряли, — выпрямив спину, ответил Гриф. — Буквально через час после нашего прибытия на город напала Тысяча. Город обороняли Черведавы и Теплый пепел. Попали как раз между передовым отрядом Тысячи и авангардом Черведавов. Малиновка мертва.

Ранф нервно пригладил шевелюру и глубоко затынулся. Я почему-то подумал о том, что хорошо, что он уже седой.

Малиновку я не знал, но всеобщее молчание подавляло. Мы понесли первые потери еще до битвы.

— Кто? — глухо спросил Ранф.

— Белое Сердце. Представился Ангрисом.

— Шершень, это твоя первоочередная цель. Я хочу, стоя в пригороде, слышать его крики из центра. Пусть знает, за что.

— Да, шеф, — равнодушно донеслось из-под маски.

К нам из дома вышел Клод. Подойдя к Ранфу, он опустил на одно колено и произнес:

— Господин, докладываю. Касательно вашего позавчерашнего задания: группа выворотней наведальась в ближайшие к Солнечному пику две каторги. Потери составляют ноль выворотней. Пополнение составляет пятьдесят семь выворотней. Все готовы, обучены, приучены к феромонам Отца, двое вывели охотничьих особей. Доступный резерв составляет сто двадцать три выворотня. Девяносто восемь ждут ваших приказов в городе, за время ожидания устранено шесть саботажников Тысячи и два бесчинствующих разбеда Черведавов. Остальные двадцать пять выворотней составили разведывательные отряды. Только что разведотряд номер четыре заметил приближение сил Тысячи к городу. Они в пятнадцати километрах от Санго.

— Что ж, товарищи, начинается, — ответил Ранф, извлекая из-под полы легкого осеннего пальто огромную маску Гладиатора.

Все агенты Червивого Яблока начали доставать и надевать свои маски. Я — маску из птичьих костей. Лира — папье-маше из конспектов по алхимии. Гиз — простая маска из белого мрамора. Эдвин — деревянная карнавальная маска, купленная на ближайшем к поместью прилавке. Фелиция — тканевая маска, которую она покрыла инеем.

Сольпуга — погребальная маска из красной глины. Короед — кусок коры с двумя дырками для зрения. Коршун — уродливая поделка из криво сшитых кусочков кожи с небольшим клювом. Орел просто затынула лицо мраком. Сорокопут приложил ладонь к лицу, и терновые ветви разрослись, полностью скрыв его лицо. Гриф надел полумаску черведавов, порядком помятую и с нарочито испорченной резьбой. Дамиан же не стал

надевать маску — ему хватило изменить строение лицевого скелета. Ну а Шершень и так был в маске. Воронье же не двинулись — лица и так закрыты.

— Обсудим тактику. Воронье, делитесь на две группы. Одна обороняет Дворец Наемников, другая — мэрию. Стальным рогам можно доверять. Кедровка и Крачка, вы остаетесь и охраняете поместье. Крачка, мобилизуй Гальзу. Короед и Сольпуга, вам двадцать выворотней, вы отвечаете за частный сектор. На рожон не лезть, видите проблемы у Кедровки и Крачки — тут же вмешиваетесь. Гриф, берешь свою гвардию, отвечаешь за трущобы около Алой. Орел и Сорокопут, вы у поместий на слиянии рек. Вам в подмогу еще двадцать выворотней. Коршун, ты в центре. Спрячься, потом выщеливай командиров. Альбатрос, поднимаешься в небо и наворачиваешь круги, ждешь сообщение от меня, Грифа, Крачки или Шершня. Помогаешь им в случае проблем. Шершень, ты тоже в центре. Надежно спрячься, я поведу основные силы противника на тебя. Соответственно, с тебя место схрона. После сигнала вылезает и убивает. На Черведавов отвлекаться запрещаю, не та ситуация. Понял?

— Да.

— Замечательно. Я беру оставшихся выворотней, с ними принимаю основные силы Тысячи. Сорокопут. Ты идешь к Холодным Сердцам. Всячески мешай их работе. Как только можешь. Синица, Сипуха и Сокол, идете в штаб Отмороженных и обезглавливаете их состав. Дальше присоединяетесь к основным силам: Сокол к Грифу, Синица к Крачке, Сипуха ко мне. Вопросы, предложения?

Все просто промолчали. Воронье отделались немymi кивками.

— Ну и замечательно. Корректировки принимаем птицами. Кто не вермиалист, у тех перчатки. Также перчатка у меня, если что, сообщайте. Что ж, сегодня наша задача — опровергнуть одну поговорку.

— Какую? — тут же любопытствовал я.

— Выползший из тени червь должен укусить появившийся сапог. Причем укусить вместе с головой.

Акацки ва цудотта... Вот они, слева направо.

Глава 29. Санго в огне. Часть первая

Мы втроем очень быстро двигались по улицам Санго. Быстро вечерело, но даже несмотря на легкий снежок в воздухе, улицы были полны народом. Все веселились, покупали еду в уличных ларьках, то тут, то там слышались радостные возгласы, смех и музыка уличных артистов. Частенько можно было встретить фокусников, показывающих мастерство в той или иной сфере.

Вот мы пробежали мимо солнычника, голыми руками делающего из кусочков железа статуэтки и солдатиков для детей. Вот глубинщица выпустила в воздух парящие пузыри воды с заключенными в них цветастыми рыбками. Острый укол меланхолии мне подарил молодой, едва ли шестнадцатилетний инферналист, который выписывал огнем в воздухе лозунги, имена просящих, шутки, и даже успел за кого-то признаться в любви.

Когда все это закончится, я тоже научусь так делать. Хочется, чтобы огонь внутри меня нес не смерть, а радость.

Тем не менее, я прекрасно понимал, что в данной конкретной ситуации мой профиль будет куда сподручнее.

Однако же, по мере нашего продвижения праздник резко заканчивался. На улицы вышли полицейские и наемники, разгоняя толпы людей по домам. Офицеры зычными голосами приказывали всем разойтись, запереться где-нибудь и, в идеале, держать оружие под рукой. Толпы нехотя расходились.

Когда мы уже видели стены резиденции отряда Холодных Сердец, дорога вывела нас на небольшой пригорок, что, в каком-то смысле, было вовремя. На наших глазах на окраинах города вспух огромный взрыв, а спустя пару секунд до нас долетел и звук взрыва.

— Духи Дна, да там же запасной арсенал! — изумился пробежавший рядом с нами молодой полицейский. Его коллега постарше ткнул его кулаком в плечо и прикрикнул:

— Не время рассусоливать! Всех надо загнать по домам! Шевели ногами! Эй, вы! Да, с мелким пацаном. Немедленно домой. Скоро тут будет Тысяча. О столицу наемников они, конечно, зубы обломают, но все же двигайте домой. И побыстрее. Если есть оружие, лучше держать его при себе.

— Да, господин офицер, — коротко кивнул Эдвин.

И мы двинули дальше, к Холодным Сердцам.

Резиденция отряда встретила нас несколько неприветливо. Плюсом было то, что перед воротами охраны не было. Минусы же... Высокая каменная стена, любезно Отмороженными зашпукатуренная, чтобы было сложнее перелезть. Поверху пущена самая настоящая колючая проволока, плюс горящие над стеной золотые огоньки показывали, что наемники не постеснялись заказать у какой-то ведьмы охранные чары.

Хорошо, что на разведку мы ходили, а потому к стене были готовы. Но вот огоньки неприятно бы нас удивили, не будь у нас в отряде ведьмы. Мы обошли стену, углубившись в переулочек, откуда нас было меньше заметно. Лира за пару минут убедила два огонька погаснуть и лететь в Завихрения отдыхать, а Эдвин достал припасенную веревку с небольшим свинцовым грузиком.

Он перекинул ее через стенку, а Лира в полете наложила на специально подготовленный грузик проклятье тяжелого веса. Теперь кусочек свинца размером с кулак весил как большая пассажирская карета, то есть порядка тонны. Как и ожидалось,

проклятый ведьмой грузик сменил параболическую траекторию на линейную и, бухнув об землю, упал на той стороне.

Первым через стену перелез Эдвин. Там он с помощью кинжала разрезал проволоку и отогнул ее в сторону, чтобы мы могли беспрепятственно пролезть дальше, что мы минутой спустя и провернули.

Первая часть плана была реализована. Осталось самое трудное — найти собрание командования, всех вежливо уговорить отдать жизнь ради высшего блага, а потом так же незаметно покинуть это место.

Благодаря сложному, комплексному проклятью Лиры мы знали внутреннее устройство резиденции — в течение этой недели Лира купила на рынке орлиный глаз, заточила в него дикого духа, а потом прокляла себя с помощью этого глаза. Как результат, глазик полдня летал над городом на силе духа, а сама девушка сидела в кресле и наблюдала все то, что видит глаз. К сожалению, Лире не получилось завести глаз в внутренние помещения, а то все было бы намного проще. Однако, планом резиденции мы разжились.

Она была устроена довольно просто — два здания казарм, трехэтажный особняк командования и с полдюжины разных хозяйственных помещений, от арсенала и кухни до собственной алхимической лаборатории. Также мы высчитали примерный путь местных патрулей, так что знали, где стоит ходить, а где не стоит.

Прокравшись за конюшней, мы перебежали открытый участок и проникли в лабораторию. Эдвин был готов к схватке, но миновало — сейчас лаборатория была пуста. Несколько варочных стоек, стена с перегонным аппаратом, пара столов, уставленных разными склянками и пробирками, сушащиеся под потолком пучки трав — все это я прекрасно помнил еще по каморке Лиры в поместье. Хотелось бы, конечно, дополнительно нагадить Отмороженным в кашу, но были помехи. Казалось, вот же они, два застекленных шкафа с рядами зелий и эликсиров, заперты на какой-то крошечный замочек, который даже у меня не вызовет проблем сломать, однако же, как заверила нас ведьма, на шкафах сложное проклятье, которое допускает только некоторых офицеров. Если кто-то, не имеющий специальной метки, попробует открыть шкаф, то его, скорее всего, испепелит. То есть, не обязательно конкретно испепелит, но неприятные последствия будут иметь точно такой же калибр. И снимать проклятье сейчас не было ни времени, ни материалов.

Подавив фантазии о том, как я засыпаю в пробирки с боевыми наркотиками комочки жабьего кала, я двинулся вслед за остальными.

Мы вылезли через окно и прокрались прямо к особняку. Залезть в него через такое же окно было делом техники. Дело, конечно, могло бы осложниться тем, что запоры были с внутренней стороны, но не тогда, когда в команде есть шумовик. Эдвин прямо пальцем вырезал из окна кусок стекла, просунул руку, отвернул запор, открыл окно. Мы все влезли внутрь, и Эдвин благоразумно закрыл за собой створку.

В коридоре первого этажа было тихо. Горели электрические лампы, пол устилал голубой ковер, шагов не было слышно — тут уже все полагались на мои чуткие уши. А чтобы и самому быть уверенным, я стянул с головы берет, пряднул вышеозначенными конечностями (я регулярно «отлеживал» их под тесным беретом), вынул из небольшой тканевой сумочки на поясе пробирочку с ярко-синим эликсиром и махом его проглотил. По пищеводу прокатилась струя огня — тут тебе не вино, котик, а девяностопроцентный спирт, причем с травами и как следует накачанное волшебством.

Результат не заставил себя ждать — первым обострился нюх, потом окружающие меня

предметы приобрели необычайную резкость и четкость, ну а потом, конечно, пришел и черед слуха. Мгновение на приспособление к таким изменениям, и вот, я уже могу сначала услышать, а потом и разглядеть маленького тараканчика, пробегающего по ковру в двадцати метрах от меня.

Полезное зелье. Вот только теперь для меня свет слишком яркий и режет глаза, к тому же так и хочется попросить Лиру перестать оглушительно сопеть мне прямо в ухо. Ну и что, что она стоит в двух метрах. Все равно громко.

Ведомые наитием и моими обостренными чувствами, мы двинулись вдоль по коридору. Мы точно не знали, где находится сбор командования, однако точно знаем, что на втором этаже — когда мы выдвинулись на место всем нашим червивым маскарадом, то наткнулись на спешащих по своим делам Отмороженных. Нам даже не пришлось участвовать — Ранф сам за пару минут вытащил из оставшегося в живых офицера все нужные сведения. К сожалению, тот умер от кровопотери раньше, чем успел нарисовать план особняка, но и знание нужного этажа — уже то, с чем можно работать.

Мы добрались до ближайшей лестницы. Я внимательно слушал окружение, и ничьих шагов, кроме наших, не слышал. Остановившись у подножия лестницы, я попросил всех задержать дыхание и внимательно прислушался. Дыхания слышно не было, так что в слепой зоне тоже никого нет.

Мы поднялись сразу после того, как Лира прокляла лестницу — дух звука из Завихрений за листочек мокролистника с радостью согласился съесть любой скрип или шум, который мы бы издали.

Наверху мы снова очутились в коридоре, и тут, для разнообразия, уже были двери. Тут начал работать Эдвин — он прислонял рукоять резонатора к дверям, пускал ультразвук, а пальцами, лежащими на лезвии, ловил отзвуки. Как сонар. Конечно, я уже видел, что волшебник мог вытворять такое и без резонатора, однако, думаю, его звонкие щелчки языком непременно слышали бы. Так что работали мы очень и очень тихо.

Пока мы шли, я вспомнил очень важную деталь, о которой чуть не забыл. Из той же сумки с индивидуальной укладкой я вытащил желтый леденчик и начал тихонько его рассасывать. Леденчик тоже был с девяностопроцентным спиртом. Это был эликсир, продлевающий действие моего проклятья. Решил его съесть сейчас, чтобы потом не думать.

Но, как известно, у нас никогда и ничего не могло пойти точно по плану.

Мы обследовали весь коридор и, не найдя нужной двери, завернули за угол. Предварительно я снова прислушался — ни шагов, ни дыхания, однако на периферии, очень тихо, слышались приглушенные голоса. Возможно, где-то за дверями была наша цель.

Я подал знак «безопасно», и мы дружно завернули за угол.

Я все гадал, почему нигде в таком большом особняке нет стражи, патрульных, да хоть пары каких-то идиотов у дверей комнаты с очередной бесценной реликвией отряда. А разгадка-то проста. Стража им не нужна.

У одной из дверей, буквально в десяти метрах от нас, стоял человекоподобный автоматон. Ростом выше меня, корпус из характерной синеватой древесины Лайун, дополнительно укреплен металлическими вставками. На голове — угрожающе выглядящий шипованный шлем. В одну конечность встроен дробовик, в другую — изогнутое лезвие.

Как не заметил? А автоматонам не обязательно шевелиться и дышать. Даже если бы я максимально напряг слух, чтобы уловить чье-то сердцебиение, то и тут получил бы провал.

Об автоматонах нас никто не предупреждал. И к его появлению мы готовы не были, по

крайней мере морально.

А вот тупая маготронная деревяшка была готова к абсолютно любой потасовке. Голова машины резко повернулась в нашу сторону, еще мгновение, и автоматон повернулся и корпусом. Дуло крупнокалиберного дробовика направилось в нашу сторону.

Эдвин рванул вперед и выставил навстречу стволу раскрытую ладонь. Меньше мгновения — и воздух перед нами исказился, меня перспективу — волшебник выставил звуковой щит. Тут же я понял, что мне надо сделать в первую очередь.

Я рванул с пояса антидот к эликсиру в тот же миг, когда грянул выстрел. Крупные кубические дробинки обогнули щит и изрешетили стены, разорвали ковер и расколотили все окна между нами и долбаной машиной.

Эдвин прозорливо не стал снимать щит. Дробовик, пусть и одноствольный, оказался многозарядным, и пока я пил антидот, автоматон успел выстрелить еще два раза. После этого он без каких-либо лишних движений рванул в нашу сторону.

Тут Эд снял щит и перехватил резонатор поудобнее. Автоматон замахнулся своим метровым клинком, и тут грянул очередной выстрел — Лира выхватила револьвер. Пуля пришлась точно в руку машины, и она потеряла баланс. Волшебник ринулся вперед и единственный раз взмахнул пищащим клинком.

Автоматон, не замедляя движения, развалился на две части, рассеченный по диагонали. Между частями проскочила искра — маготроника тщетно старалась реанимировать автоматона. Мы же рванули дальше — теперь счет времени шел на минуты, если не на секунды. Даже если у автоматона не было системы поднятия тревоги, выстрел из дробовика немаленького калибра точно услышали все.

Эдвин выставил перед собой такой же звуковой щит и пинком вышиб дверь, которую охранял автоматон. Я проскользнул сразу же за ним. Лира отстала — она вынула из своеобразного кожаного патронташа на груди ингалятор с духом и делала вдох, готовясь к любым проблемам.

В комнате за большим круглым столом сидело семь человек. Все в кожаных форменных костюмах Холодных Сердец, сверху наброшены меховые куртки с разнообразными знаками отличия.

Несмотря на то, что это должны были быть типичные штабные офицеры, в щит Эда вонзилось по меньшей мере шесть пуль.

Я выглянул из-за спины волшебника, за секунду окинул всех взглядом, злобно ругнулся под нос и выставил вперед обе руки с открытыми ладонями. Меньше мгновения на подготовку, и из обеих рук тугой струей выплеснулось расплавленное железо.

Вьюжники — не самые удачные противники для меня, говаривал мне Эд, когда мы с ним обсуждали возможную тактику действий инферналиста в разных ситуациях и с разными противниками. Вот сейчас я мог воочию убедиться в этом.

Четверо ближайших ко мне не смогли никак отреагировать, и сверкающая струя облила их. Умерли они моментально. Двое успели вскинуть руки и пустить перед собой волну холода. Струя добралась до них уже в виде отдельных кусков еще горячего металла. Они отделались ушибами и слабыми ожогами, как максимум — переломами.

А еще один ловкач, как-то неестественно изгибаясь, совершил сальто с места и перепрыгнул в дальнюю сторону комнаты. Сжав руку, он выбросил кулак в мою сторону, будто бы пытаясь меня ударить.

Его рука на высоте взмаха удлинилась, пролетела эдакой макарониной через всю

комнату, и кулак чувствительно врезался мне в скулу. Меня отбросило, я стукнулся спиной о дверной косяк и тут же прекратил подачу железа, чтобы случайно не зацепить Эда.

Но ему не нужна была моя помощь. Он опустил щит, перехватил ударившую меня с пяти метров руку и одним взмахом перерубил ее. Станный волшебник завыл на высокой ноте.

Из-за моей спины раздались три выстрела — Лира. Один из оставшихся офицеров упал навзничь, а другой сумел увернуться от пули.

Эдвин бросился вперед. Оставшийся целым и невредимым офицер поднял руку, словно бы пытаясь остановить резонатор Эда. Не помогло.

Я же выпустил очередь искр по растяжимому волшебнику. Удивительно, но все искры отпружинили от его тела и изрешетили потолок и стены, чуть не снеся Эду голову.

— Я сам! — крикнул сонитист и свободной рукой вынул из-за пазухи красный свисток.

Глаза Отмороженного округлились, и он тут же присел, намереваясь прыгнуть в сторону окна. Учитывая его резиновость, не думаю, что ему бы что-то повредило.

Вот только он присел, и я отчетливо увидел, как сжалось его резиновое тело, чтобы дать ему дополнительный толчок.

Эд свистнул. Раздался хруст костей, и тут же пронзительный вопль.

Сонитист вытащил револьвер и за один выстрел прикончил бедную реинкарнацию Луффи в этом мире.

— Уходим! Все сделано, чудесник мертв! — скомандовал волшебник. А, так это был чудесник...

— Не все! — возразил я, — Силестина тут не было.

— Че за Силестин? — поинтересовался Эд.

— Глава Отмороженных, — пояснила Лира. Сама девушка изменилась — уши удлинились и заострились, что делало ее во-первых похожей на эльфа, а во-вторых очень милой. Черт, Джаспер, соберись.

— Тогда ищем его. И в темпе!

Мы выскочили обратно в коридор, и я лишь благодаря везению и кошачьим рефлексам увернулся от мелькнувшего мимо моего носа голубого росчерка.

Эд тут же схватил меня за плечо и втащил обратно в комнату. Сам же выставил наружу полированное лезвие резонатора.

— Плохо дело, там трое наемников. С луками.

— Ну луки не револьверы. Поставишь щит? — предложил я.

— Хрен там, — покачал головой Эд. — У них есть луки, а вот стрел они не носят. Создают волшебством, на месте. Чрезвычайно мощные роговые луки, с их стрелами... Да Отмороженные стены иногда навывлет пробивают. Щит тут не подмога.

— Готово, — вдруг сказала Лира. Мы обернулись. В ее руках заканчивал тлеть договор.

— И что там было? — поинтересовался Эд.

— Я превратила воздух в определенной области в яд. Бегом на третий этаж! Вьюжникам не будет сильно трудно разогнать яд ветром.

И мы побежали.

В дальнем конце коридора реально лежало несколько посиневших трупов, все еще сжимающих свои ростовые луки.

Мы же двинулись в другую сторону — там была лестница на третий этаж. Едва мы смогли взбежать по ней, как сзади раздались первые выстрелы, а какой-то нетерпеливый стражник выпустил стрелу в лестницу.

Снаряд, целиком из голубого непрозрачного льда, длиной порядка семидесяти сантиметров, по оперение ушел в деревянную лестницу. Да, щиты тут действительно не помогут.

Однако, Отмороженные, будучи даже безумцами, дураками не были. Сразу же, как мы поднялись, мы увидели окна и поняли, что мы в заднице.

Отмороженные же летают.

Вот такой летучий наемник, держащийся в воздух за счет пропускаемой по особой разгрузке Мощи, целился в нас из лука.

Эд схватил нас обоих за плечи и рванул в сторону ближайшей двери. Крикнул «прости!». И метнул меня вперед, выбивая дверь моей драгоценной спиной.

От удара, смешанного со звуком револьверного выстрела, меня оглушило. Прежде чем я успел встать, рука Эда снова оттащила меня, теперь уже в сторону от дверного проема.

Я повертел головой. Удача была не на нашей стороне. Мы попали в какую-то полутемную кладовку, в которой пылились разные ящики, а по стенам было развешано странное оружие. Видимо, офицерский арсенал.

— Эдвин, проклятье, это было реально необходимо? И кто стрелял? — проворчал я, потирая ушибленную спину.

— Я стреляла, сняла того летуна. Великие Духи, Эдвин! — вскричала Лира.

И кричать было от чего. Небольшая, буквально сантиметров тридцать, стрела торчала из бедра Эда. Но тот не смотрел на рану. Он смотрел куда-то на стену круглыми глазами.

Я проследил за взглядом. На стене висел вороненый металлический кофр от чего-то, напоминающего потолстевшую скрипку.

— Эд, ты в норме?

— Да я, мать его, никогда не был настолько в норме! — внезапно расхохотался Эд.

Он встал, одним движением выдернул стрелу и пустил по телу Мощь гармонии. Штанина тут же перестала намочать от крови. Эд спрятал резонатор.

Волшебник подошел и снял со стены кофр.

— И что это? — спросил я, уже подозревая, каким будет ответ.

— Это мой Костер, мать их так! Что он тут делает?! Ну да хрен с ним! — на лицо Эда было больно смотреть, настолько он светился от счастья.

Я заметил, что кофр был немного странной формы. Его можно было бы счесть чехлом от гитары, но гриф был короче, и сам он выполнен из черного металла. Из вершины чехла торчала ничем не защищенная вершина грифа инструмента, почему-то сделанная в форме рукояти.

Эдвин сжал рукоять и вынул из кофра меч.

Это был широкий, обоюдоострый и, что немаловажно, бронзовый меч, из которого будто вынули сердцевину. Будто бронзовая рамка в форме меча, с приделанной рукоятью. В середине меча, вплавленные в рамку и прикреплявшиеся к рукояти, были струны.

Внезапно меча словно ожил. Струны начали извиваться, а рамка мелко-мелко дрожать. Мы с Лирой синхронно поморщились от кошмарных звуков какофонии, заструившейся по мечу.

Хохотнув, Эд всадил меч в стену, будто горячий нож в масло. Отпустил рукоять — меч тут же медленно заскользил к полу, прорезая себе путь за счет ирреальной остроты.

Эд же нахал пару малозаметных выступов, и сначала из кофра вылезла деревянная рукоять, а потом, с громким щелчком, огромное широкое лезвие. Пропустив какофонию и по

этому лезвию и взяв его, как еще один, сюрреалистично массивный меч, Эд выдернул первый из стены и захохотал.

— Теперь у нас не будет никаких проблем! Просто держитесь! Как там было... **УЗРИТЕ БУРЮ, ДАЙТЕ МНЕ ШУМА! ВАШ НЕ СЛЫШЕН КРИК!!!**

Глава 30. Санго в огне. Финал

Эдвин, с маниакальной улыбкой до ушей, странно горящими глазами и пляшущими от звуковых волн в его теле волосами, завопил во всю глотку, с каждым мигмом все добавляя и добавляя какофонии в голос:

— УЗРИТЕ БУРЮ! ДАЙТЕ МНЕ ШУМА! **ВАШ НЕ СЛЫШЕН КРИК!**

Последнюю фразу он прокричал хором с Девятой — я снова слышал ее чудовищные, нечеловеческие, но определенно женские гармоника в голосе.

Закончив свою речевку, Эд обернулся к нам, замершим от неожиданности и, что таить, ужаса.

— Не бойтесь. Дальше все будет легкой прогулкой, — улыбнулся он нам. Вот только лопнувшие сосуды в правом глазу доверия не внушали.

Дальше сонитист отвернулся от нас, но по затылку видел его широченную усмешку. А дальше началась резня.

Без всяких пассов и подготовок Эд сформировал перед собой щит. Раньше ему надо было держать его вытянутой рукой, и щит выходил гладким, ровным, немного искажающим перспективу. Новый щит был меньше, и прикрывал только Эда — я не мог высунуться сбоку без опасения схлопотать стрелу в лоб. Также, новый щит был создан из какофонии — пляшущий, рваный, искажавший перспективу чрезвычайно сильно.

Эд крикнул:

— Держитесь за мной. Хотите пострелять — останавливать не буду.

И вышел в коридор.

В щит сразу же вонзилось не меньше пяти стрел, но все они, соприкасаясь с Мощью Шума, распались на пар и мелкое ледяное крошево, не способное повредить даже одежду на Эде.

От волшебника послышалась новая команда: «пригнитесь!». Я тут же рыбкой нырнул на пол и утянул за собой Лиру. Эдвин широко размахнулся Костром, и описал им полный круг. Меч оставлял за собой едва заметный черный след. Голову пронзила догадка: как я при переполнении силой начинаю плевать оранжевой раскаленной жидкостью, так и Эд воплощает черную энергию разрушения. А потом мне стало не до размышлений.

Ударная волна, смешанная с чуждым волшебством, прошла сквозь весь дом. Эффект был похож на прямое попадание артиллерийского снаряда — ближайшие стены частично аннигилировало, выбив из них куски, про стекло можно было даже не упоминать, и от разломов в стенах, толщиной с ладонь, по всему зданию пошли множась трещины.

Эдвин будто взмахнул мечом длиной порядка пяти-шести метров, и весом под две тонны. Добавьте к этому ударную волну и коррозионное действие какофонии. Все наши преследователи в прямой видимости были мертвы.

— Двигаем!

Внезапно у нас с Лирой ожили переговорные перчатки.

— Джаспер, Лира, чем заняты? — говорил Ранф. Голос был напряженный, на фоне слышались выстрелы, крики людей и визг варага.

— Командование Холодных сердец почти уничтожено, — отчитался я. — Однако Силестина не нашли. Продолжаем поиски. Задача облегчается тем, что Эдвин нашел свой меч.

— Срать на Силестина, срать на Холодные сердца, — безапелляционно и грубо отозвался Ранф. — Сворачивайтесь и немедленно по местам назначений. Тут очень жарко.

— Насколько? — напряженно спросила Лира.

— Я ожидал тысячу культистов, два-три Белых Сердца. Тут одних культистов три тысячи, точно видел семерых из Белых Сердец, пятерых Гладиаторов. Вроде как заметил Освальда.

Я аж похолодел, и даже с лица Эда, слушающего наш разговор, сползла улыбка.

— Так что Силестин с его Отмороженными теперь переходят в разряд мелких сошек, — на слове сошек мы услышали резкий выдох, сопровождающийся звуком разрываемой плоти, — Так что быстро по местам. Эдвин, тебе пришлют птицу, просто поймай рукой. Джаспер, мигом ко мне, чуть дальше Алого рынка.

— Есть, — отозвались мы и закончили связь.

Переглянувшись между собой, мы поняли, что времени нет даже на обсуждение.

Эдвин выскочил в коридор и пинком, напитанным какофонией, просто вышиб немаленький кусок стены. Мы вышли вслед за ним. Я мельком глянул в сторону лестницы и тут же отвернулся. Зрелище было... Как будто кто-то запихнул бомбу в цистерну густого кетчупа.

Высунувшись в пролом, Лира громко свистнула, подавая духам знак. Еще вчера мы неподалеку припрятали самые обычные ведьминские метлы. Вот только от метел было одно название.

К нам, ведомые прикормленными духами, метнулись три механизма. Все они больше напоминали обычную бензокосу, чем метлу — широкие древки с удобными, похожими на велосипедные, сидушками, рулем-диском и большим спиро-приводом сзади. И никаких намеков на прутья.

Духи любезно подвели метлы ближе к проему. Лира на туур приказала духам развернуть их, сунула в лючки спиро-приводов по целиковой заячьей шкурке, заблаговременно притороченной к каждому седлу, и первая же прыгнула на метлу. Приземлилась ловко.

Я коротко ругнулся — перспектива прыгать в пролом в стене третьего этажа меня не радовала — и прыгнул. Приземлился не совсем удачно — треснулся грудью о корпус метлы, но задницей все же попал на сиденье. Тут же сориентировался — сзади две педали, отвечающие за скорость и высоту, спереди диск, который следует обхватить руками и изредка вертеть для поворота вправо-влево.

Вспомнив азы управления, полученные не далее как вчера, я нажал на левую педаль. Метла послушно и довольно бодро рванула вверх. Поднявшись над резиденцией, я надавил и на правую, и мой транспорт взбрыкнул, за момент набирая скорость под пятьдесят километров в час.

Судя по тону Ранфа, ни обсуждать, ни опаздывать мы права не имели. Так что, не разговаривая, каждый из нас унесся в свою сторону. Тем не менее, ничто не помешало мне проводить Лиру взглядом.

— Великие Духи! Дух Жизни и Смерти! Дух Древа удачи! Сохраните ее, — шептал я.

Я пролетал над крышами города, примерно в пятидесяти метрах. Закат уже заканчивался, освещая Санго кроваво-алым. Тот же свет падал и на парящий в воздухе мелкий снег, делая красным все. Даже природа понимала, что сегодня на улицах Санго льются реки крови.

И они там воистину лились. То тут, то там в переулках и на крупных улицах стойко держались облака черного мрака, и никто кроме черведавов не знал, что они скрывают. Не раз и не два я видел прямые потасовки формата «все против всех». Вот культисты Тысячи Глаз в своих дешевых серых пальто сражаются с превосходящим их числом отрядом в черных костюмах. С высоты я смог разглядеть сияющие золотом маски-намордники Черведавов. На соседней улице пятеро Стальных Рогов в сверкающих серебром доспехах сдерживали порядка полусотни культистов, потрясающих оружием, выпускающих пули и шипы из мрака.

Тут я даже немного спустился и высадил длинную очередь из крупных искр гиль прямо по основному скоплению червивых. Не меньше десятка из них мои искры просто разорвали на части, еще больше остались ранеными и покалеченными. За этот участок можно было бы быть спокойным, но...

Добрые дела наказуемы. В ту же секунду, как я прервал поток искр, в меня высадили не меньше десятка пуль. Мне повезло — я находился как раз возле закатного солнца, так что даже такой неяркий свет сильно помешал культистам целиться. Самая удачная пуля лишь слабо цепанула меня по бедру, остальные просто со свистом пролетели мимо. Я решил не искушать судьбу, резко опустился еще ниже и, завернув лихой вираж, нырнул в переулок.

Пролететь спокойно мне удалось лишь десяток метров. Впереди один-единственный полицейский орудовал своими крючковатыми мечами, отбиваясь сразу от двух культистов. За его спиной сжалась в комок молодая девушка.

Стрелять я тут не мог, слишком узко — в этом проулке с совершенно сросшимися крышами двое смогли бы разминуться только боком, и я боялся попасть не в культистов, а в полицейского или девушку. Шанс пятьдесят на пятьдесят меня не устраивал совершенно.

Поэтому я активировал Серпентис, но исключительно в правой руке. Означенная конечность покрылась чешуей и, что мне и было нужно, обзавелась пятисантиметровыми когтями.

Левой рукой обхватить диск справа и резко дернуть на себя, без поворотов. Хоп — и я вниз головой. Растопырить когти.

Я пару раз сражался, применяя когти — разок наткнулся в трущобах на серьезную банду, так что к последствиям я был готов. Думал, что готов.

Вкупе с набранной скоростью и крюкообразностью когтей я попросту сорвал голову одному из червивых. Вот такой хрени я ожидать не мог.

С свистом я промелькнул мимо полицейского и вынырнул из проулка. С трудом отцепил с когтей голову и порадовался, что лицо закрыто тканевой полумаской. Подавил рвоту от осознания содеянного и усилием выкинул произошедшее из головы. Снова набрал высоту и продолжил путь к клубам мрака, видневшихся сразу за Алым мостом. Мне надо было именно туда. И то, что облака полностью скрывали трехэтажные здания, меня не радовало совершенно.

Пролетел мимо красивого поединка. На моих глазах человек в куртке и с выкрашенной в зеленый головой голыми руками обезоружил здорового бугая в черной шинели. Как только выбитое из рук копьё коснулось земли, Зеленоголовый воткнул руку, сложенную лодочкой, в грудь крупному культисту. Дальше он крикнул что-то наподобие: «и все живое станет травой!», точнее не расслышал, и выдернул руку. Культист упал на спину, за пару секунд разложился до состояния скелета в ветхом тряпье. Сквозь снег начала пробиваться ярко-зеленая трава. Две секунды, и скелет культиста лежал точно в центре трехметровой лужайки.

Сделать зарубку на склерозе, ни в коем случае не драться с Зеленоголовыми.

Я же летел дальше. По пути я увидел строй волшебников Теплого пепла, синхронно пускающих волны иссушающего жара. Увидел группки Тьмы глубин, призывавших из Последнего океана акул, марлинов и уродливых ракоскорпионов. Увидел, как два Стальных Рога отбиваются от стрел, выпускаемых пятеркой Холодных Сердец, бешено мельтешащих в воздухе вокруг них (тут даже помог, сумел незаметно сбить двоих).

Пролетая мимо центральной площади, я увидел Воронье. Очевидно, эти десять были личными учениками Мертвого Ворона, иначе я объяснить происходящее не могу. У каждого из их пятерки росли такие же костяные крылья с перьями-лезвиями. До четырехметрового размаха крыльев Корвуса им, конечно, было далеко, но и двухметровый размах такого страшного, а главное — многофункционального оружия был страшен. На моих глазах один из Воронья одним крылом закрылся от трех револьверных выстрелов, пока другим буквально выпотрошил тысячеглазого. При этом его руки сноровисто совали в винтовку кассету с патронами.

Дальше я почти за пару секунд миновал рынок. Зрелище было то еще: пара сотен вермиалистов, полицейские с табельным, черведавы, отдельные кучки наемников — абсолютно все смешалось в одну кучу, вопящую, истеряющую, стреляющую в белый свет и противников. Звон оружия, предсмертные крики и вопли ярости и боли смешивались в жуткую какофонию, не имевшую ничего общего с Мощью Шума. Песня войны была куда страшнее.

Ранф был почти сразу за мостом, и проблем у него был полон рот.

Сам он был в стандартной экипировке Червивого Яблока, как в первый раз, когда я его увидел — белая костяная маска и балахон, сотканный из мрака. Его окружали с полсотни выворотней — обычных людей, женщин и мужчин, в самой обычной, местами даже нарядной одежде. Объединяло их одно — торчащие по всему телу и извивающиеся красно-черные рецепторные особи. Дальше каждый был самостоятелен: кто-то выпускал десятки ловчих особей, крутясь и подпрыгивая, пока острые лески разрубали тела на части, кто-то, как Ранф, покрывались ярко-алой кутикулой, выпускали из рук особей-штыки и шли в полноконтактный бой. Пара выворотней вообще сумели отрастить органические сопла, порциями изрыгающие кислоты.

Всем им противостояла самая настоящая армия. Это была не плохо оформленная масса культистов в форменных серых балахонах или плащах, а плотный строй людей в черненой броне, с щитами и мечами, с дробовиками и винтовками. И они дорого продавали свои жизни.

Даже самый хороший волшебник обладал только определенными эффектами. Даже за две жизни было невозможно выучить все эффекты, которыми обладал твой домен, но все равно, боевые волшебники в своей основной массе отдавали предпочтение большому количеству разнообразных эффектов, чтобы быть как можно более разноплановыми бойцами.

И вот такие мастера широкого профиля сталкивались с теми, кому было не жалко своих тел, с теми, кто был рожден в холодной беспросветной тьме Червивого Дна, с теми, кто существовал ради того, чтобы постоянно одолевая все более и более сильных противников.

Вот один из солдат Тысячи Глаз, с широким мечом в правой и взведенным револьвером в левой, подскочил к выворотню, сменяя разорванного на две половины товарища. Удар меча

приходится на кутикулу, покрывающую предплечье варага, и застревает в плотном хитине. Выворотень наносит точный удар острыми как штык и твердыми как сталь штыками точно в центр груди солдата, а потом просто отпинывает труп прочь. Подскакивает следующий, с массивным двуручным топором. Неестественно быстрые взмахи, и выворотень лишается своих рук. Но вместо того, чтобы упасть и заорать, выворотень прыгает с места и валит солдата на землю. Его шлем слетает. Выворотень вцепляется зубами солдату в горло, не обращая ни малейшего внимания на хлещущую из обрубков кровь. Но варага не убивает человека, нет. Он его просто фиксировал. Прямо из лица варага под доспех солдата лезет поток алых червей, и я с высоты не могу разглядеть отдельных особей. Просто алый поток тварей. Варага дергается и затихает, солдат же встает, отбросив бесполезное тело, сдирает с рук наручи и отращивает кутикулу. Миг — и из кутикулы проглядывают штыки, вновь готовые рвать на части врагов своего Отца.

Но было бы глупым считать, что варага были бессмертны. Среди строя черных доспехов есть два человека с крупными белыми медальонами на груди. Вот пришла очередь одного встать в фронт, чтобы пробить себе путь через мост.

У него нет рук в привычном понимании. Они видоизменены, изуродованы, может, и вовсе пересажены. Из-под наплечников архаичных лат торчат угольно-черные лапы богомола, с сияющими от остроты зубцами. Острое кошачье зрение позволяет мне заметить, что с зубцов на землю стекает вязкая синеватая жидкость.

Первый варага мчит к Белому Сердцу. Тот просто обезглавливает его. Но выворотень не падает. Анимирующих сил червя хватит, чтобы убить врага — так думает червь.

Белое Сердце отскакивает, нанеся выворотню пару неопасных порезов. Однако, варага падает на землю, сотрясаясь в конвульсиях. Извивающиеся особи на поверхности его тела затихают, опадают и теряют цвет.

Выворотням не справиться с Белым Сердцем, это понимаю даже я. Тут появляется Ранф.

Он выскакивает откуда ни возьмись, как черт из табакерки, выпрыгнув из чьей-то длинной тени. Моментальное сближение.

Ранф уворачивается от движений Сердца, полосующего своими устрашающими лезвиями воздух. Ранф скользит, пригибаясь к самой земле, и штык, изгибаясь, рвет врагу колено. Против своей воли Сердце падает на одно колено, даже не закончив удар. Ранф выпрямляется и ударом покрытой кутикулой ладони ломает ему шею.

Не время любоваться видами.

Я вступаю в бой резко. Пока лечу, набираю мощный взрыв в центре строя. Солдаты успеют лишь удивиться красному яблочку, вспухшему на земле.

Взрыв. Из клубов багрового огня и черного дыма вылетают изломанные, некомплектные тела. Я же просто соскальзываю с метлы и лечу вниз, с десятиметровой высоты. Приземляюсь неподалеку от линии столкновения, уже без части верхней одежды. Пальто будет только мешать, сковывать движения. Острые грани чешуи и шипы рвут рубаху, жар от моего тела плавит надо мной падающий снег.

Пока над всеми снегопад, надо мной дождь.

Слиться к Котом. Мои планы, его действия. Моя тактика, его когти. Мои мысли, его реакция.

Разеваю крокодилью пасть и оглушительно реву на замерших солдат. Узрите! Галгара пришел по ваши души!

Сталь не помеха когтям галгары, чей народ пишет на камнях. Одним ударом вскрываю солдата с дробовиком от горла до паха. Однако, когти не прошли глубоко, вроде жив. Ударом тяжелого хвоста ломаю шею.

Сразу же кидаюсь на следующего. Валю на кашу из грязи, снега и крови. Стискиваю место, где под шлемом находится горло. Мну сталь как фольгу.

Раскрываю рот, и плавление широким конусом. Первый ряд почти испарило, второй обожгло, а у третьего раскалило доспехи. Купаюсь в воплях боя и страха. Кровавым вихрем прохожусь по парализованному строю, отрывая конечности, ломая шеи, вырывая зубами куски мяса.

Будет плохо. Воспоминания мои. Я вряд ли могу вырвать у кого-то руку. Но Кот может. Потом будет потом. Буду сожалеть, буду каяться. Потом. Сейчас убивать.

Не могло идти гладко. Человек с белым куском чего-то на груди. Расплескивает облако тьмы.

Бесполезно. Галгары видят в глубочайших пещерах Инферно. Галгары видят в реках из расплавленного железа.

Вижу его как сейчас. Броня холодная, и она горькая. Но дыхание вырывается из-под шлема сладко-красными облаками. Опускаюсь на четвереньки, достаточно два рывка.

Когтями перепахиваю его колено.

Больно. Падая, он вонзил мне в плечо меч или кинжал. Хватаю за что придется и отбрасываю, справлюсь на расстоянии.

Меня обхватывают вязкие щупальца, тянут за отброшенным, валя на землю. Потерял баланс. Плохо.

Набрасываются трое. Горькая сталь, сладко-кислое дыхание.

Просто жарю огнем из рук и пасти. Три источника на троих. Запекаются в доспехах, падают уже мертвые, но продолжают гореть.

Концентрируюсь. Время вернуть себе немного здравомыслия для фокуса.

Я ощущаю пространство как часть себя. Пространство занято солдатами в броне. Деформирую пространство, сгибаю, вытягиваю, комкаю. Это не крики, это что-то другое. Рвется сталь, трещат кости. Многие умирают безмолвно.

Зову прыгунов. Их тощие тела выскакивают из проколов. Зову градарла. Шесть конечностей и хвост с серпом. Никогда не подходи к этому засадному хищнику сзади. Зову ратавла. Медведь от Инферно. Больше Гальзы, почти с Дамиана. Мои энергопровода просто воют от нагрузки.

Забытый мной Белое Сердце очухивается, и всаживает в меня три винтовочные пули. Одна чиркает об броню. Вторая поднимает фонтанчик грязи в паре сантиметров от пальцев левой. Третье проходит сквозь легкое навывлет.

Снова издаю рев. Разъяренный Кот ревет на весь Санго. Никто не смеет безнаказанно стрелять в галгар.

Бросок на противника. Он? Какая разница. Обхватить голову руками, прыгнуть, обхватить шею ногами. Толкнуться вперед. Разворот тела. Хруст. Удовлетворение.

Вид белой маски Ранфа действует отрезвляюще.

— Отступаем!

— Чего?!

— Воронье сдали позиции! Дворец Наемников горит. Солдаты выкинули мэра в окно. Трущобы горят. Их тут тысяч пять, не меньше. Тысяча привела сюда долбаную армию!

— Наемники?

— Отбиваются, но слабо. Черведавы запустили стационарный Разлом, прямая связь с Драконьими королевствами. Скоро тут будет не протолкнуться от их масок.

— Как поместье? — задал я последний вопрос.

— Туда мы и направимся. На подходе крупный отряд с тремя Белыми Сердцами. Многие поместья уже горят, и наше на очереди.

Мы с Ранфом спешно перебирались по улицам, оставив мост. Его чисто номинально еще охраняло два десятка выворотней, но мы все понимали, что это просто смешно. Мы отдали их на убой.

Ранф посылал птицу за птицей. Удивительно, как он так успевал, потому что скакали мы по крышам. Провалы между улицами я преодолевал просто — формировал под черепицей взрывы, подлетал на них и приземлялся уже через десяток метров. Ранф же цеплялся выпущенными из тела ловчими. Удивительно, на что иногда способны простые, пусть и десятиметровые, черви.

Мы должны были проскочить мимо небольшой площади, как вдруг я остановился.

Площадь была усеяна трупами. В самом центре площади стоял, без балахона, пальто или чего-нибудь еще, Шершень. Узнал по маске. Он был центром темного вихря их миллионов крошечных частичек.

Прямо сейчас на площадь выскочило пятеро культистов. Облако метнулось к ним, культисты сначала бешено заплясали, и спустя секунду пали замертво, добавив к трупам на площади свои.

Одна такая частичка подлетела и ко мне. Я ухитрился поймать ее рукой. Попытался рассмотреть, но уже через мгновение раздавил это.

Я успел углядеть три пары крыльев, мушиные глаза, веер из жал и тело, как у пиявки. Ничто еще не вызывало у меня *такого* омерзения. Подсознательно я знал, что *это* не могло нести ничего доброго или хотя бы созидательного. Это был даже не старший брат саранчи, ос или комаров, а то, что этим братом закусило. Причем мимоходом.

И этот многомиллионный рой жил в гробу, который таскал с собой Шершень.

Но я ошибся. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, я ругаю себя, что решил присмотреться.

Шершень был без рубашки. То, что я принял за нее, оказалось его серой, одутловатой, покрытой язвами плотью. Его тело были испещрено сотнями ходов, и частицы роя то залетали, то вылетали оттуда.

Меня немедленно вырвало.

— Джаспер! — окликнул меня Ранф, стоящий уже на соседней крыше, и прибавил пару злобных ругательств. — Сейчас совсем не время разглядывать моих агентов!

— Он сумасшедший! — заорал я, отплевываясь от того, что некогда было моим обедом.

— Да. И он — самый эффективный убийца в моем отряде. Думаю, он смог бы победить меня. Но он понимает, что лишь я могу направить его силу в адекватное русло, и что я почти никогда не препятствую тому, чтобы он осуществлял свою месть Кругу Черведавов. Идем. Не время... Да ни для чего не время.

Шершень, не обращая на нас внимания, подхватил гроб и куда-то направился. Рой следовал за ним.

За пятнадцать минут по крышам мы добрались до частного сектора, где уже пришлось спешиться. За это время мы дважды нарывались на небольшие отряды Тысячи и один раз — на Черведавов.

Мы могли пропустить их мимо — они были на улице, сражались с вторым отрядом. Ранф спустился и за две минуты выкосил двадцать человек. Еще десять убили следовавшие за нами выворотни. Еще троих снял я, меткими выстрелами гиль.

Пока что я не мог понять ненависти Червивого Яблока к Черведавам. Разве эти действия не ведут к обострению борьбы, которую так хочет прекратить Ранф? Тогда я не знал всей подоплеки дел.

Когда мы бежали по главной аллее частного сектора, то уже видели спины отряда в сотню солдат.

Ранф отправил птицу, и та ринулась высоко в низкие тучи.

Когда мы были в пятидесяти метрах от отряда, и первые из них уже наводили винтовки и револьверы в нашу сторону, далеко от нас, в районе поместья, вспыхнул белый свет.

— Фелиция! — крикнул Ранф. С ужасом я заметил страх в его голосе.

Сначала до меня донеслась волна ужасного холода, который был ощутим даже несмотря на кипящую кровь галгары. Пушистые клочья инея украсили заборы, дула винтовок, доспехи солдат и маску Ранфа. А потом я увидел громадную белую волну, словно бы стекшую с высочайшей горы. Лавина накрыла строй солдат и погребла под собой с полсотни поместий. Я даже не знал, каких сил стоило призвать в наш мир столько тысяч тонн снега.

Обычно, снег, когда падает, не производит уж такого громкого шума. Рев лавины же легко заткнул бы любого галгару. Первые ряды солдат накрыло полностью, а тех, что видели мы, по пояс. Это затормозило их, отвлекло — нелегко выцеливать врага, когда тебя сбивает лавина.

Мы с выворотнями врезались в строй противника в тот момент, когда по всей протяженности лавины начали вспухать взрывы мрака — солдаты Тысячи Глаз начали выкапываться.

Дальнейшие полчаса я помню очень смутно, уж слишком сильно я слился с Котом. Помню установку Ранфа — пробиться к поместью. Помню кровь, пятнающую голубоватый снег Вьюги. Помню, как брел почти по маковку в снегу, размахивая в воздушной массе снега чьим-то мечом — ни органы чувств, ни мое теплозрение ничего не могли сделать со снегом, чья температура подбиралась к отметке в два деление на местной шкале. Или же, примерно к минус ста по привычным Цельсиям. Помню, как я почем зря, изо всех сил напряг свои мощепроводы, чтобы испарить снег и глотнуть хоть немного воздуха. Тогда надо мной оказался метр снега.

Пришел в себя, когда мы вырвались из белого плена.

Фелиция, тяжело дыша, привалилась к кирпичной стене нашего поместья. Эдвин, без маски, с текущей кровью из носа, глаз и ушей, полосовал подходивших к нему солдат Тысячи. Орел каким-то образом парила в десятке метров над землей, уворачиваясь от выстрелов и регулярно пикируя вниз, чтобы кошмарными птичьими когтями на ногах убить очередного солдата. Гриф схватился с Белым Сердцем, у него меч, у противника щит и копье. Большая стайка варага, похожих на отощавших волков с костяными головами, пыталась что-то сделать, защитить хозяина, но натыкалась только на сверкающий бронзовый наконечник. Сорокопут обматывал врагов терновником и обрывал его ударом кинжала в левой руке, тут же переключаясь на следующего — терновник самостоятельно сужался,

давил и душил солдат, прогибая сталь доспехов.

Гиз я не заметил, но сверкнувшая из окна поместья вспышка дала мне понять, где она.

С замиранием сердца я увидел лежащую на грязном снегу лапку Маю. Отдельно. Самой дрири нигде не было видно.

А Лира... Моя Лира...

В порванном платье, с венком из колючей проволоки. Кроваво-алые глаза с точками зрачков истекали кровью, и та стекала по мраморно-бледной коже. Из ее хрупких плеч и предплечий торчали словно бы выросшие бронзовые пики и шипы. Кончик ее хвоста превратился в медный зазубренный серп. В руках девушка держала револьвер, который счел бы немаленьким даже Гальза. Отдача сотрясала ее тело. У ног лежал опустевший баллончик с красной маркировкой. Рот Лире извергал богохульные проклятья с каждым ревом выстрела.

Лира, что ты натворила...

— И стоило оно того, Ранф? — спокойным, мягким голосом спросил кто-то из-за спины.

Мы синхронно обернулись.

Перед нами стоял человек в идеально чистом синем плаще поверх простого стального доспеха, мужчина около тридцати лет. Высокий, под два метра ростом. Короткая прическа. Мягкие черты лица, нос с горбинкой. Спокойная улыбка, так отец смотрит на нашкодившего отпрыска. Руки сложены на груди. Впечатление портила сетка тонких, но глубоких шрамов по всему лицу. Пересекая друг друга, линии собирались в длинное письмо на туур, выписанное прямо у него на лице.

— Освальд, — так же спокойно ответил Ранф. Невзирая на тон, я заметил, как удлиннились его штыки, как уплотнилась кутикула.

— Разрушений и смертей могло быть меньше, — с легким укором протянул Освальд.

Я не смотрел на него. Я смотрел на тень владыки Тысячи Глаз. Она плясала, изгибалась, из нее словно бы пытались вырваться чьи-то лица, искаженные мукой.

Хвост Освальда застыл вопросительным знаком над правым плечом. И на левым. Я даже моргнул, но глаза меня не обманывали. У Освальда было два хвоста.

— Если бы что?

— Если бы ты сдал город, конечно же. Знаешь ли, я потерял уже тысячу шестьсот двадцать три... нет, тридцать пять... ох, проклятье, тысяча шестьсот сорок восемь на момент начала фразы. Из семи тысяч. Ради тебя, мой дорогой ученик, мне пришлось собрать армию.

— Зачем так много? Зачем все это?

— Как зачем? — непритворно удивился Освальд. — Чтобы сломать тебя. Убрать от сорняка все его глубокие корни. Я прекрасно знал, что Санго — твой город. По-настоящему твой. И вот, я сломал тебя.

— У меня еще есть, чем тебя удивить, Освальд.

— А. Эта твоя пташка? На, лови.

Освальд извлек из снега что-то большое и серое и кинул это Ранфу под ноги. Это была голова Дамиана. Даже в смерти роккулу не утратил своего устрашения.

Внезапно стену нашего дома проломил что-то большое, шестирукое и черное. Пышущий яростью Гальза вылетел как пушечный снаряд.

Из тени Освальда метнулись сотни черных щупалец. Может, они и не были сильны, но их было настолько много, что я даже потерял Освальда из вида. Он опутал Гальзу,

зафиксировав того в воздухе. Галгара открыл пасть, намереваясь или дыхнуть огнем, или сделать еще что-то похуже, но щупальца спеленали и пасть, умертвив зарождающийся эффект в зародыше.

Гальза *мигнул*. Миг — и огромного короля Инферно нет в тисках. Он возле места, откуда растут щупальца.

Удар.

Кошмарные когти Гальзы оторвали Освальду ноги, заставили его пролететь порядка тридцати метров и бросили его к ногам Ранфа. Тот упал на колени и вмиг обезглавил главу Тысячи, разрезал ее на кусочки, рукой же вырвал сердце и раздавил его. Я не успел даже пошевелиться.

Все замерли. Остановилась даже Лира, одержимая Духом Насилия. В абсолютной тишине было слышно дыхание и шелест падающих снежинок.

Тишину прервали аплодисменты от одного человека. Мы посмотрели чуть дальше.

С земли вставал Освальд, такой же высокий, с свежими шрамами на лице. Теперь он был в черных доспехах с амулетом в виде белого сердца на груди. Он прервал свои аплодисменты, чтобы сорвать его с груди.

— Молодцы, — со смешком одобрил наши действия владыка Тысячи. — Было быстро. Для справки, Ранф. Теперь ты меня не выгонишь с поля боя. Той ошибки я не допущу. Ну а теперь... Думаю, я немного зол.

На боку Гальзы вспух пузырь взрыва размером с грецкий орех. С яблоко. С крупный апельсин. С человеческую голову.

Нас спасло только то, что Гальза был в тридцати метрах от нас. Кошмарный по силе взрыв швырнул абсолютно всех в снег, а Гальзу отбросил так далеко, что я даже не видел, где он приземлился.

Когда я пришел в себя, Ранф уже был на ногах, и дрался с Освальдом. Мощь вермиалиста и выворотня в одном человеке, против того, кто был и вермиалистом, и инферналистом одновременно. Ранф играл по-крупному — из руки и плеч торчали особимечи, он метал шипы и лезвия, плевался ядом, а движения ловчих размазывались в воздухе. Освальд же сформировал огромную каплю из жидкого металла. Она была то двумя мечами, то булавой, то копьем, то текущим шипастым щитом. Оружие менялось так же быстро, как и стили Освальда.

Ранф был уже немолод, да и до этого дня изводил себя отражениями нападений на города Красных Княжеств. Я почти не удивился, когда он отлетел со сломанной рукой и обломком меча в животе.

С той же мягкой улыбкой Освальд встал над Ранфом и занес копье. Подумав, он его опустил, и протянул руку в сторону поместья.

И оно исчезло в вспышке взрыва.

Оглушительно завизжала Лира. Охнул Эдвин. Побледнела Фелиция. Я же... Замерз. Впервые в жизни меня сковал лед.

— Беги, Ранф, — тихо сказал Освальд. Притворной мягкости не осталось. — Собирай всех, кого сможешь, и беги. Мой последний подарок тебе. Теперь это земли Валирима, первой страны вермиалистов, и тебе сюда путь закрыт. Можешь передать Гнезду, что я думаю насчет того, чтобы их не трогать. Но пусть не расслабляются.

И Освальд просто ушел. Вслед за ним потянулись и его солдаты.

Ранф встал. Тяжело, пошатываясь, пятная снег кровью. На маске красовалась свежая

царапина, почти вертикально пересекавшая маску. Преследовать Освальда он не стал.

Он подошел ко всем нам.

Тут из-за ограды появилась Гиз.

— Пчела? — всхлипнула Лира, обретающая нормальный цвет.

— Убежала. Поместье, оно... И Амелия... А Маю... — слезы потекли по лицу девушки.

Ранф прервал их, и сделал это молча. Он выпустил несколько птиц из руки, а потом из его тела разрослись ловчие особи. Они обхватили всех нас, не делая разницы между чешуйчатым полугалгарой, настоящим галгарой, которого они притащили в бессознательном состоянии, ведьмами и агентами.

Мягкие, но твердые нити, толкали нас, выдавливали с своих позиций, сводили в одну плотную кучку. И, когда мы все терлись плечами, наша общая тень метнулась навстречу нам, и мы рухнули куда-то вниз.

Мы летели сквозь тень, и сами не знали куда.